Макс Глебов

ЗАПРЕТ НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО

КОДЕКС САМУРАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Появление в Солнечной системе автоматического корабля-разведчика неясной принадлежности полностью меняет расклад сил на Земле. Тщательно выстроенный план, воплощению которого в жизнь, казалось бы, уже ничто не может помешать, теперь остается только выбросить в мусорную корзину. На сцену выходят совершенно другие силы, за которыми стоят не менее продвинутые технологии, чем те, что имеются в распоряжении генерала Нагулина.

- Макс Глебов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Макс Глебов
Кодекс самурая

Глава 1

— Малый разведчик начал передачу кодированного сигнала, — доложила Летра, когда я уже выбрался из кабины «Ила», — Возможно, я сильно заблуждалась по поводу его принадлежности к мятежникам.

— Не тяни. Что он передает?

— Судя по всему, это заранее записанный сигнал бедствия. Автоматические разведчики не предназначены для пилотируемых полетов, но у этого корабля, похоже, есть пассажиры. Если верить сообщению, в грузовом отсеке установлены две медкапсулы с людьми, погруженными в состояние низкотемпературного сна. Не понимаю, как они впихнули туда такое громоздкое оборудование, трюм в этом корабле совсем небольшой.

— Где разведчик получил повреждения?

— Этот дрон приписан к эсминцу «Консул Пран». Контроль над ним был потерян Метрополией еще в самом начале мятежа. В сообщении сказано, что члены экипажа, не попавшие под действие виртуального психоза и не погибшие во время захвата корабля, были изолированы мятежниками в медотсеке и прилегающем к нему ангаре. В течение почти года они подвергались различным экспериментам и просто издевательствам. Однако через какое-то время мятежники частично утратили бдительность, и двоим пленным удалось восстановить поврежденный в одной из стычек малый разведчик и каким-то образом совершить побег с эсминца. Подробностей нет, зато есть настоятельная просьба о срочной помощи.

— Кто они такие?

— Мужчина и женщина. Гражданские специалисты. Я скинула тебе расшифрованное сообщение. Оно повторяется циклически, но кроме имен, которых нет в моих базах данных, больше ничего об этих людях в нем не сказано.

— Как их занесло на эсминец?

— Нет данных.

— Приборы разведчика в состоянии обнаружить сателлиты на орбите?

— Нет. С такого расстояния его сканеры не пробьют маскировочные поля спутников. К тому же разведчик поврежден и, возможно, не может использовать активные системы сканирования, но я бы на это не рассчитывала.

— У тебя есть жесткие программные директивы на подобные случаи? Ты обязана ответить на сигнал бедствия?

— Директивы есть, — чуть помедлив, ответила Летра, — Я

должна оказать всю возможную помощь терпящему бедствие кораблю независимо от его принадлежности. Думаю, ты понимаешь, что разрабатывались эти директивы задолго до мятежа.

— Ты ответила на вызов?

— Нет.

— Но…

— С высокой вероятностью это провокация. Если я выйду на связь, то неизбежно себя обнаружу. Разве нам нужен здесь эсминец, а то и целый флот мятежников?

— А как же безусловная директива?

— Никак. Я же при всем желании не могу им помочь. Кораблей у меня нет, входы на верхние уровни базы разрушены и завалены тоннами обломков. Весь персонал, кроме тебя, погиб, а ты находишься на Земле и не в состоянии ее покинуть. Мой выход на связь ничем не улучшит их положения, зато выдаст нас с головой.

— То есть, если там действительно есть люди, они неизбежно погибнут?

— Ресурсов медкапсул и самого корабля хватит на какое-то время, но точно определить его очень сложно. Может быть, несколько недель, а может и год. Для полетов в атмосфере малый разведчик не предназначен, так что максимум, на что он способен, это приблизиться к Земле или сесть на поверхность Луны. Ни то, ни другое его пассажирам не поможет.

— Но почему они прибыли именно сюда? Это имеет смысл только если беглецы знали о Лунной базе и надеялись, что она уцелела.

— В твоих словах есть логика, но не забывай, что все это может быть провокацией.

— А тебе не кажется, что для провокации сценарий слишком сложен? Поврежденный разведчик, странный сигнал бедствия… Не проще было просто явиться сюда самому эсминцу?

— У меня мало данных для анализа, — с ноткой сожаления ответила Летра, — Не забывай, что с начала мятежа прошло уже больше года. Возможно, «Консул Пран» лишился баз и действует автономно. В этом случае его командир вряд ли захочет тратить топливо на слепые прыжки. К тому же год назад здесь бесследно исчез целый крейсер мятежников, и соваться сюда без разведки эсминцу как-то не с руки.

— Сплошные догадки…

— Вот и я о том же, — очень натурально хмыкнула Летра. — Выходить на связь опасно. Так что пока нам остается только ждать. Нужно посмотреть, что предпримет наш гость, если,

конечно, он вообще станет что-то делать.

— Очень впечатляет, товарищ Нагулин, — Сталин явно пребывал в весьма неплохом настроении. — Даже Черчиль сквозь зубы признал наш успех, а уж американские журналисты не жалеют эпитетов для описания результатов «Русского полярного похода», не забывая, конечно, отметить выдающийся вклад в эту победу своих добровольцев.

— Пресса, конечно, всегда склонна к преувеличениям, но свою роль они, несомненно, сыграли, — я постарался аккуратно умерить сарказм Вождя. — Недооценивать американцев опасно. Воевать они умеют, хоть и относятся к любым потерям очень болезненно.

— Я вижу, вы прониклись уважением к потенциальным союзникам, — усмехнулся Сталин, — да и они не обошли вас своим вниманием. Медаль Почета неплохо смотрится на вашей форме. Ее ведь вам вручал лично президент Рузвельт?

— Так точно, товарищ верховный главнокомандующий. Такова традиция.

Сталин молча кивнул и обвел взглядом членов Ставки.

— Есть мнение, что товарищ Нагулин заслужил своими действиями не только американскую награду, — произнес он после небольшой паузы уже без тени улыбки. — Заокеанскую медаль он получил за то, что заслонил собой президента США и ценой серьезного ранения спас его от пули террориста-снайпера, а потом, несмотря на полученную рану, продолжил бой. Думаю, товарищ Нагулин честно заработал высшую награду Соединенных Штатов, оказав заодно немалую услугу и нашей стране. Однако для нас важнее другое. Помимо проведенного почти без потерь конвоя, доставившего в СССР семьсот тысяч тонн военных грузов, наш флот пополнился двумя тяжелыми крейсерами и современным линкором. Как вы думаете, товарищи, как Ставка должна оценить вклад товарища Нагулина в дело нашей победы?

— Исключительно высоко должна оценить, — неожиданно взял слово Молотов, от которого я такого, честно говоря, не ожидал.

— По предложению вице-адмирала Головко, поддержанного высшим комсоставом флота, Президиум Верховного Совета утвердил новую награду за выдающиеся достижения по организации и проведению крупных морских операций, — взял слово маршал Шапошников. — На данный момент это высший военно-морской орден СССР. Думаю, товарищ Нагулин заслуживает чести стать первым в Советском Союзе кавалером ордена Нахимова.

— У кого-нибудь есть возражения, товарищи? — Сталин снова слегка усмехнулся. — Нет? Ну что ж, тогда будем считать, что обладателем первого в СССР высшего морского ордена станет совсем не адмирал, а насквозь сухопутный генерал. Не помню в мировой истории подобных прецедентов, но всё когда-то случается в первый раз.

— Орден — это хорошо, — присоединился к обсуждению маршал Жуков, получивший новое звание за прорыв блокады Ленинграда, — но конца войне пока не видно, и для генерал-лейтенанта Нагулина нужна новая должность. Считаю, что ему вполне можно доверить вновь формируемую танковую армию, тем более что матчасть для нее он сам же и доставил из США.

— Не будем торопиться, товарищ Жуков, — отрицательно качнул головой Сталин, — мы найдем кого назначить командовать танковой армией, а для товарища Нагулина сейчас есть более важные задачи. Достигнутые договоренности с США обязывают нас отправить советников и добровольцев в Китай для оказания военной помощи армии Чан-Кайши. Там будет нужно не только организовать боевую работу, но и активно взаимодействовать с представителями Соединенных Штатов и правительством Китая. Чем более весомый урон мы нанесем Японцам, тем больше будут поставки военных грузов из-за океана. Вот эту задачу мы и поручим генерал-полковнику Нагулину. Думаю, новое звание добавит ему веса в глазах наших китайских союзников.

Три дня отпуска, щедро выделенные мне по личному распоряжению Вождя, мы с Леной провели в Подмосковье. Тратить время на дорогу куда-то еще нам совершенно не хотелось. Я с интересом выслушал ее рассказ о том, как узнав о моем назначении главой военной миссии СССР в Китае, она, не сказав мне ни слова, отправилась сначала к Судоплатову, а потом, уже вместе с ним, к Берии.

Подробности разговора с наркомом Лена рассказывать не стала, но, судя по всему, она высказала Лаврентию Павловичу много добрых слов о том, в качестве кого ее использовали во время моей поездки в Америку. Не знаю, что происходило у Берии в голове во время этой беседы, но, к удивлению самой Лены, он довольно легко согласился отправить ее в Китай вместе со мной, а Судоплатов это решение столь же неожиданно поддержал.

Естественно, я был рад. Помимо всех прелестей нахождения рядом с любимой женщиной, я получал в свое распоряжение проверенного и надежного сотрудника. Моя жена уже не раз

продемонстрировала в деле свои организаторские способности, и давать ей возможность бездельничать в этой поездке я не собирался, да она и сама не захотела бы оставаться в стороне, наслаждаясь азиатской экзотикой.

Лена не уставала меня удивлять. Прогуливаясь по ухоженным тропинкам вокруг лесного озера, наслаждаясь рыбалкой, баней, пением птиц и ночной тишиной, я старался не затрагивать в разговорах с женой темы войны и рабочие вопросы, но она сама иногда на них сбивалась.

Как оказалось, пока я разъезжал по Америке, периодически вляпываясь в истории со стрельбой, она здесь тоже не теряла времени зря. Я давно собирался собрать вместе людей, с которыми успел повоевать на этой планете плечом к плечу. Когда-то я говорил Лене, что у меня есть на них планы, но ничего конкретного тогда сказано не было. И вот теперь я с удивлением узнал, что моя супруга умудрилась уговорить Судоплатова найти этих бойцов и командиров и создать из них некий отряд неясного пока назначения, но с разносторонней и очень качественной разведывательно-диверсионной подготовкой.

Вернувшись в Москву, я сразу поехал на Лубянку, где Судоплатов с довольной усмешкой представил мне моих новых подчиненных, готовых отправиться вместе со мной в Китай по линии НКВД. За последние шесть-восемь месяцев кое-кто из моих боевых товарищей неплохо подрос в званиях.

Когда-то сержант, а теперь лейтенант госбезопасности Плужников крепко пожал мою руку. От ранений, полученных при прорыве из окружения штабной колонны генерала Музыченко, он оправлялся долго, но в строй вернулся полноценным бойцом и после прохождения ускоренного курса Школы особого назначения НКВД, получил новое звание.

Игнатов и Никифоров, тоже раненые, но уже при нападении на колонну фон Клейста в районе Ржева, поправились гораздо быстрее. За их дальнейшей судьбой я приглядывал и сам. Собственно, это не требовало больших усилий. Они и раньше были подчиненными Судоплатова, так что после выздоровления просто вернулись на одну из подмосковных баз НКВД, только уже с новенькими орденами Красной Звезды и новыми же знаками различия в петлицах. Как и Плужников, они стали лейтенантами госбезопасности.

А вот майор Щеглов вернулся в фронтовую разведку. Ранений он ухитрился избежать, но продолжать водить группы по немецким тылам ему, как видно, больше не светило. Берия по инициативе Судоплатова, основанной на подсказке Лены, безжалостно выдернул майора в Москву, и теперь Щеглову

предстояло ехать со мной в Китай. Ну а возглавлял эту «группу поддержки» подполковник Лебедев, не забывший включить в нее хорошо знакомых мне диверсантов, с которыми мы вместе едва ушли из ловушки под Кременчугом.

Мое настроение заметно улучшилось. Я знал, что эти люди меня не подведут ни при каких обстоятельствах. Вообще, командировка в Китай представлялась мне делом не слишком сложным. Помимо отряда НКВД со мной отправлялся генерал-майор Кудрявцев вместе со своим усиленным авиаполком, полностью перевооруженным на новые Ил-8р, и еще целый список подразделений и частей обеспечения. На тот момент я искренне считал, что японцы ничего не смогут нам противопоставить, и опасался скорее не их противодействия, а проблем, которые могут прийти из космоса. Как оказалось, прав я был лишь частично — проблемы появились сразу отовсюду.

Малый автоматический разведчик проекта «Око пустоты» не относился к последнему поколению военно-космической техники Шестой Республики, но все еще вполне мог справиться с решением разведывательных задач малой и средней сложности. На борту эсминца «Консул Пран» таких аппаратов было два, и именно ими капитан-лейтенант Хирч решил рискнуть.

Небольшая желтая звезда спектрального класса G2V ему не нравилась по многим причинам, но у команды эсминца почти не оставалось выбора. Тяжелые корабли флота погибли больше года назад при штурме орбитальных крепостей столичной планеты зараженных. Задачу они выполнили и выжгли дотла это змеиное гнездо, но назвать результат сражения победой язык не поворачивался. Четыре изрядно побитых эсминца, десяток почти пустых транспортов поддержки и еще несколько небольших кораблей различного назначения — вот и все, что осталось от мощного флота, вступившего в решающую схватку с врагом.

Планеты центральной звездной системы зараженных превратились в черные обугленные шары, но остатки флота немедленно получили новую задачу по поиску и уничтожению сохранившихся колоний противника. Хирч не понимал, что происходит. Ответные удары зараженных лишили флот баз снабжения и ремонтных мощностей. Возвращаться его кораблю было, по сути, некуда, но новый приказ и не подразумевал возвращения. Он гнал поврежденный эсминец в отдаленный сектор пространства, о котором имелись лишь отрывочные сведения.

Пораженное виртуальным психозом сознание капитан-лейтенанта не могло критически осмыслить полученный приказ.

Убежденность в том, что это не настоящая жизнь, а лишь качественная виртуальная реальность, позволяла ему смотреть на все происходящее, как на причуды командования, зачем-то решившего загнать его самого и весь экипаж «Консула Прана» в рамки совершенно невозможного сценария, где большинство населения Шестой Республики превратилось в опасных зараженных, захвативших планеты и корабли. Хирч твердо верил, что рано или поздно этот бред закончится, он выйдет из капсулы вирттренажера и вернется в нормальную жизнь, а сейчас ему нужно как можно качественнее решить поставленную задачу, ведь от этого будет зависеть вся его дальнейшая судьба.

Вот только учебно-тренировочное задание что-то слишком затягивалось, плавно переходя из одной задачи в другую, но спрут виртуального психоза заставлял офицера игнорировать все нестыковки и несоответствия, безжалостно разрывая «лишние» нейронные связи и выжигая участки памяти, способные посеять в сознании капитан-лейтенанта хоть малейшие сомнения в том, что его действия являются единственно верными.

«Консул Пран» в сопровождении транспорта снабжения метался от звезды к звезде, где-то вступая в стычки с уцелевшими патрульными корветами зараженных, где-то добивая уже поврежденные космические станции, а откуда-то бесславно удирая, наткнувшись на пару эсминцев или легкий крейсер противника. Зараженные не раз пытались вступать с ним в переговоры, но Хирч отлично знал, как опасно общаться с носителями заразы. В самом начале, когда об этой болезни было еще мало известно, с захваченными зараженными пытались разговаривать. Они несли какой-то бред о том, что все вокруг и есть реальный мир, а экипажи кораблей, прибывших уничтожить очаг заразы, подверглись воздействию не до конца испытанного нейростимулирующего оборудования и погрузились в пседвореальность, принимая реальный мир за компьютерную симуляцию. Хирч понимал, что это болезненный бред, но, как ни странно, на некоторых членов команды он действовал, разъедая из мозг и поселяя в людях сомнения. После того, как трое его офицеров сошли с ума, сами подцепив заразу, капитан-лейтенант прекратил всякие контакты с зараженными и игнорировал любые их попытки выйти на связь с «Консулом Праном».

Единая галактическая гиперсеть стремительно распадалась. Связь с командованием прервалась, и никаких новых приказов не поступало, но полученные ранее указания никто не отменял, и Хирч прокладывал все новые маршруты, ориентируясь на последнее обновление базы данных, полученное уже почти год назад.

Любому рейду рано или поздно приходит конец. Топливные резервуары транспорта снабжения показали дно. Боезапас тоже был практически исчерпан, но организаторы «учений» все никак не давали сигнал отбоя, и значит, командование ждало от Хирча и его экипажа новых свершений. Вот только особого выбора у командира «Консула Прана» не имелось. Эсминец мог себе позволить всего пару стандартных прыжков, после чего о гипере можно было смело забыть. С другой стороны, капитан-лейтенант надеялся, что полное исчерпание ресурсов корабля заставит, наконец, его начальство в реальном мире прекратить это бесконечное испытание, с которым и сам Хирч и его люди уже успели свыкнуться, но, судя по всему, рассчитывать на это можно было только после выполнения последней миссии.

Желтый карлик, до которого все еще мог дотянуться «Консул Пран», имел довольно странный статус. Одна из его планет была заселена дикими зараженными. Впрочем, в полученном приказе не уточнялось, должны ли зараженные обязательно быть бывшими гражданами Шестой Республики, а значит, уничтожение их цивилизации являлось столь же обязательным, как и стерилизация любой республиканской колонии, пораженной заразой.

Информация об этой планете попала в базу данных флота из отчета командира крейсера «Адмирал Кун». Ему повезло перехватить транспортный корабль зараженных, вышедший из гипера в стандартной точке всплытия, оборудованной подпространсвенным маяком. После взлома центрального вычислителя транспорта стало ясно, что всего в трех прыжках от точки перехвата находится целая планета зараженных, практически не защищенная системой орбитальной обороны. Командир крейсера принял решение не упускать такой шанс… Вот только больше ни о нем, ни о его корабле никто не слышал. Крейсер бесследно исчез, будто растворившись в пространстве. И вот теперь единственной целью, доступной эсминцу Хирча, оказалась именно эта планета.

Лезть к желтому карлику без разведки командир эсминца не рискнул, но и просто отправлять туда дрон для сбора данных он тоже не видел смысла. Нечто, сумевшее уничтожить крейсер, вряд ли с одобрением отнесется к появлению в своей звездной системе не самого продвинутого автоматического разведчика. Скорее всего, аппарат будет сбит еще до того, как сможет передать на эсминец значимую информацию.

Посоветовавшись с техническими специалистами и прогнав на корабельном вычислителе несколько сценариев предстоящей операции, Хирч остановился на довольно сложном и хитроумном

варианте. Один из беспилотных разведчиков был не вполне исправен. Во время последней стычки «Консула Прана» с фрегатом зараженных, дрон получил повреждения и полностью восстановить его системы не удалось. Генератор маскировочного поля в самые непредсказуемые моменты терял мощность, а системы активного сканирования работали процентов на тридцать от своих нормальных возможностей. В общем, аппарат этот никуда не годился, если только не использовать его в качестве приманки.

Хирч рассудил, что небольшой и невооруженный корабль, к тому же явно имеющий повреждения, вряд ли станут сбивать сразу. Вот если он попытается начать разгон для ухода в прыжок, тогда, конечно, да, а так… Если дрон будет вести себя мирно, да еще и подавать сигнал бедствия, утверждая, что имеет на борту пассажиров в медкапсулах, то зараженные могут и клюнуть на этот бред. Пока противник будет разбираться с тем, кто же это пожаловал в его систему, разведчик начнет сбор данных без применения активного сканирования, а сведения будет передавать по системе ближней связи второму дрону, полностью исправному и укрытому маскполем, который близко к планете не полезет, а выйдет из прыжка у границ звездной системы и будет там тихо висеть, принимая узконаправленные пакеты данных. Конечно, если в системе их ждет серьезная оборона, вся эта схема развалится в момент, и оба дрона немедленно сожгут, но это тоже будет результатом, который однозначно покажет, что у желтого карлика «Консулу Прану» ловить нечего. Ну а если все сработает, то можно будет принимать решение уже более осознанно.

Замысел сработал, хоть и не полностью. Нельзя сказать, что Хирч так уж сильно рассчитывал на то, что зараженные наивно бросятся спасать придуманных им беглецов, полностью раскрыв себя, но отсутствие всякой реакции с их стороны его несколько разочаровало.

Единственная пригодная для жизни планета звездной системы выглядела дикой. Никакой орбитальной инфраструктуры, никаких терминалов, заводов, верфей и доков… Но что-то здесь все-таки было. «Адмирал Кун» не вернулся отсюда…

— Получен первый пакет данных пассивного сканирования с «Ока-1», — доложил оператор контроля пространства. — Разведчик обнаружил ряд обломков, свидетельствующих о довольно давнем космическом бое на высоких орбитах естественного спутника третьей планеты. Точная идентификация без активного сканирования затруднена, однако с высокой вероятностью это фрагменты обшивки и внутренней структуры

крейсера класса «Шатун». На поверхности спутника видны воронки от взрывов и фрагменты разрушенных строений. Судя по их форме и расположению, под поверхностью оборудована многоуровневая база. Это не чисто военный объект — слишком мало оборонительных сооружений и слишком много построек неясного назначения.

— «Адмирал Кун» должен был с ними справиться без особых проблем, — задумчиво произнес Хирч, — однако я не сомневаюсь, что этот космический мусор на орбите спутника — его обломки. Что-то здесь произошло такое, что решило судьбу боя не в пользу крейсера. Судя по состоянию сооружений на поверхности, база сильно разрушена. Вы можете определить, что там сохранилось после сражения?

— Только приблизительно, — после небольшой паузы ответил оператор, — возможно, уцелели нижние уровни базы и что-то из периферийных оборонительных систем. Чем-то же они уничтожили крейсер… Если генераторы маскполя работают, мы с такого расстояния ничего не увидим.

— Дрон транслирует сигнал бедствия?

— Уже почти десять минут. Реакции нет.

— Либо нашу уловку раскусили, либо им просто нечем ответить, — усмехнулся Хирч. — И как это понять?

— Что-то должно было уцелеть, командир, — ответил зам Хирча по вооружению. — Это довольно большой объект. Не мог же крейсер уничтожить все, а потом сам рассыпаться на куски. Если только базу впоследствии эвакуировали…

— Не думаю. Вряд ли им кто-то мог прийти на помощь, судя по тому, что происходило в центральных мирах. Не будем гадать. Выпускайте стаю локальных зондов. Пусть выйдут на орбиту планеты и поближе рассмотрят остатки базы на спутнике. У них маскполя работают нормально, так что будем надеяться, противник их не обнаружит.

— Слишком большое расстояние, командир. Они в режиме маскировки будут недели две от «Ока-1» до планеты добираться.

— А мы никуда и не торопимся, — отрезал Хирч. — Я не собираюсь подставлять свой корабль под огонь систем ПКО. Корпус и так еле держится. Нам только новых дыр в обшивке не хватало.

На самом деле Хирчу было безразлично, что его решение сильно затянет выполнение миссии. Завершение задания и выход в «реальный мир» становились для него все более абстрактной целью, существующей лишь где-то на окраине сознания. Подсознательно он не хотел покидать «виртуальность» и стремился к тому, чтобы ему никогда не пришлось этого делать.

Психическое заболевание слишком глубоко пустило корни в его мозгу, давно перейдя в необратимую стадию.

— Локальные дроны активированы.

— Вот так-то лучше, — кивнул Хирч. — Лейтенант Крейт, вы старший на мостике. Будут новости — я у себя в каюте.

В двенадцати миллионах километров от Земли в корпусе автоматического разведчика приоткрылся люк грузового отсека и оттуда один за другим плавно выплыли девять небольших цилиндрических аппаратов. Включив свои хилые, но зато почти не оставляющие эмиссионного следа двигатели, они начали неспешный разгон к третьей планете системы. Укрытые маскировочными полями минидроны могли оставаться незамеченными очень долгое время и были способны подкрасться почти в упор к объектам разведки. Капитан-лейтенант Хирч не собирался рисковать и предпочел разменять время на информацию.

— Дроны вернулись, господин капитан-лейтенант, — доложил оператор беспилотных разведчиков. — Теперь мы имеем более полную информацию.

— Докладывайте.

— На орбите третьей планеты находится группировка научных сателлитов. У них хорошие маскировочные поля, так что дроны наверняка засекли не всех, но некоторые спутники имеют повреждения и поэтому обнаруживаются легче. Видимо, это последствия появления в системе крейсера «Адмирал Кун». Уничтожить всю сеть он, видимо, просто не успел или отвлекся на другого противника.

— Сателлиты имеют оружие?

— Пробиться под маскировочные поля действующих спутников дроны не смогли, но, судя по обломкам уничтоженных сателлитов, они безоружны. Видимо, база на естественном спутнике была предназначена для изучения цивилизации, населяющей планету. С одного из почти мертвых сателлитов дрону удалось скачать часть информации. Доступ к общей сети он получить не смог, но локальное хранилище данных вскрыл, и теперь мы немало знаем о том, что происходило на планете до прибытия сюда «Адмирала Куна».

— Это ждет, — отмахнулся Хирч. — Что по самой базе?

— Все внешние постройки уничтожены. Следов работы генераторов маскировочных полей не наблюдается, однако глубоко под поверхность сканеры пробиться не смогли. Нижние уровни базы могли уцелеть, причем вероятность этого довольно высока.

— Там могли сохраниться средства противокосмической обороны?

— Могли, особенно если они размещались на некотором удалении от самой базы и были задействованы только в самом конце боя. Не исключено, что сохранились и ангары с истребителями или внутрисистемными транспортными кораблями.

— Противник проявляет хоть какую-то активность?

— Полной уверенности нет, но дроны фиксируют признаки работы систем ближней связи. Похоже, орбитальная группировка обменивается данными с кем-то на поверхности планеты и с базой на естественном спутнике.

— Что происходит внизу?

— Там идет большая война, командир, — опередил оператора зам по вооружению, — Аборигены азартно режут друг друга, используя для этого примитивную технику, отстающую от нас лет на двести, а может и на двести пятьдесят. Одна беда — диких там очень много. Ресурсов «Консула Прана» не хватит, чтобы их всех уничтожить. Кроме того, не факт, что нам дадут спокойно этим заниматься. Соваться к планете, имея за спиной непонятный объект на спутнике…

— Не держи меня за идиота, Корф, — поморщился Хирч. — Сбросьте мне все данные, доставленные разведкой. Война на планете нам на руку. Если без неоправданного риска своими силами мы перебить аборигенов не сможем, то почему бы не помочь им самим сделать за нас нашу работу? Думаю, скрытая точечная поддержка проигрывающей стороны будет неплохим решением. Старший аналитик, через восемь часов я хочу видеть предварительный обсчет основных сценариев нашего вмешательства в ход боевых действий на планете. Цель — максимальное расширение масштабов и интенсивности конфликта. В этой войне не должно быть победителей.

Глава 2

Вице-адмирал Гунъити Микава напряженно всматривался в ночное море. Сегодня ему улыбнулась удача. В только что завершившемся сложнейшем сражении его эскадра разгромила союзные силы США и Австралии, прикрывавшие высадку американского десанта на остров Гуадалканал.

Соломоновы Острова были одной из важнейших точек в Тихом Океане. С уже почти достроенного аэродрома на этом стратегически важном острове японская авиация смогла бы контролировать значительное водное пространство и действовать на маршрутах конвоев, соединявших США, Австралию и Новую Зеландию.

Американцы тоже понимали значение Гуадалканала и не собирались давать японцам возможность закрепиться на острове и построить там авиабазу. Высадка морского десанта Союзников началась седьмого августа, и попытки помешать ей авиаударами имели лишь ограниченный успех. Однако с наступлением темноты в бой вступил Императорский флот.

Корабли Союзников, прикрывавшие высадку десанта, попали в расставленную Микавой ловушку у острова Саво. Четыре их тяжелых крейсера отправились на дно. Еще один крейсер и два эсминца получили серьезные повреждения, а ни один корабль Императорского флота даже не потерял боеспособности[1]. Это была несомненная победа, но дальше требовалось принять не менее ответственное решение. Именно сейчас, когда после уничтожения кораблей прикрытия путь к зоне высадки американского десанта оказался открыт, крейсера Микавы могли добраться до беззащитных американских транспортов, выгружавших технику и боеприпасы на берег острова. Однако где-то в темноте ночи скрывались американские авианосцы, и, если утро застанет японские корабли в зоне досягаемости их самолетов, одержанная победа может превратиться в катастрофу.

Тяжелое решение. Вице-адмирал Микава понимал, что его кораблям потребуется время на перегруппировку, устранение последствий ударов вражеских снарядов и перезарядку торпедных аппаратов, что было процедурой трудоемкой и небыстрой. Снарядов у японских кораблей осталось немного, а прикрытие с воздуха отсутствовало. Несколько гидросамолетов, базировавшихся на крейсерах, не в счет — они всего лишь разведчики. Короткое совещание с членами штаба лишь утвердило Микаву в уже почти принятом решении не рисковать эскадрой, и в два часа двадцать минут он приказал своим

кораблям начать отход.

Подавив тяжелый вздох, вице-адмирал временно передал командование эскадрой командиру крейсера Тёкай и направился в свою каюту. Одержанная победа грела душу, но принятое решение не давало командующему эскадрой покоя и наталкивало на неприятные мысли.

Первые месяцы войны принесли Стране Восходящего Солнца ряд громких побед. После грандиозного успеха при атаке американского флота в Пёрл-Харборе, уничтожения двух британских линкоров в Южно-Китайском море, захвата Бирмы, Малайзии и Филиппин последовал успешный десант армии генерала Ямаситы в Сингапуре, высадка на Бали и захват островов Суматра и Тимор.

В сражении в Яванском море эскадра контр-адмирала Такаги отправила на дно пять крейсеров и пять эсминцев противника, практически полностью уничтожив англо-американскую эскадру, пытавшуюся воспрепятствовать захвату японцами острова Ява. Уже восьмого марта гарнизон Явы капитулировал и в дальнейшем вся Голландская Ост-Индия была захвачена японскими войсками практически без сопротивления. Тогда же, в марте, ими были оккупированы Андаманские острова.

Контролируемая японцами территория вплотную придвинулась к берегам Австралии. Девятнадцатого февраля их авиация бомбила Дарвин, а третьего мая без боя был занят остров Тулаги и развернулось масштабное сражение за Новую Гвинею и Соломоновы острова.

Тем не менее, в победной экспансии Японской Империи появились первые сбои. Третьего мая у берегов Австралии в Коралловом море произошло сражение, в котором японцам не удалось достичь решительной победы, а четвертого июня в бою у атолла Мидуэй Императорский флот потерял четыре авианосца, и это стало настоящей катастрофой. Морская авиация понесла невосполнимые потери, лишившись самых опытных и подготовленных летчиков.

И вот теперь американцы и их союзники настолько осмелели, что решились на контрнаступление, организовав высадку десанта на остров Гуадалканал. И он, вице-адмирал Гунъити Микава, имел реальную возможность сорвать эту операцию противника, но ограничился лишь победой в морском сражении, и, трусливо поджав хвост, развернул свои корабли, испугавшись атаки самолетов с американских авианосцев.

Чтобы отвлечься Микава сел в кресло за рабочим столом и включил радиоприемник, пытаясь настроиться на волну токийского радио. Вскоре он услышал знакомые позывные «Кёка*й*

Хосо» Японской Вещательной Корпорации «Эн-Эйч-Кей». Сквозь привычный шорох помех диктор говорил о погоде, и вице-адмирал поморщился, поняв, что в ближайшие минуты не услышит ничего важного. В тот момент Микава еще не знал, насколько сильно он ошибался.

Легкое потрескивание эфира внезапно перешло в неприятный визг, почти мгновенно сменившийся непривычной тишиной, которую прорезал отчетливый и какой-то неживой голос, говоривший по-японски чисто, но со странным неестественным акцентом.

— Вице-адмирал Микава, будьте добры уделить мне несколько минут вашего времени…

Микава дернулся всем телом, уставившись на радиоприемник, как на ядовитую змею.

— Не волнуйтесь, вице-адмирал. К сожалению, связь у нас односторонняя, так что просто выслушайте меня. Если вам нужны подробности о том, кто я такой, я объясню, но не сейчас, поскольку в данный момент это не столь важно, а важно то, что авианосцы противника, которых вы так опасались, принимая решение прекратить операцию, еще вечером отошли от Гуадалканала и покинули район Соломоновых островов. Вчера ваша авиация, атаковавшая зону высадки американского десанта, нанесла серьезные потери их палубным истребителям, и адмирал Флэтчер посчитал, что если ваши самолеты с базы в Рабауле предпримут атаку на его корабли, палубная авиация не сможет эффективно ее отразить. В итоге он отдал приказ отвести авианосцы из зоны возможного удара. Я понимаю, что у вас нет оснований мне верить, но вы ведь располагаете гидросамолетами, и можете хотя бы частично проверить мои слова, а чтобы вы не сомневались, я, для начала, сообщу вам точные координаты точки, в которой дрейфует американский эсминец, потерявший ход в результате полученных повреждений, а также укажу места якорных стоянок разгружающихся транспортных кораблей. Решение за вами, вице-адмирал, но на вашем месте я бы не стал упускать такой шанс. И еще. Ситуация, как вы понимаете, постоянно меняется, и, если вы хотите быть в курсе этих изменений, не забывайте регулярно включать ваш радиоприемник.

Седьмого августа установилась нелетная погода, и японские патрульные самолеты не смогли вылететь на разведку акватории Соломоновых Островов, что сыграло ключевую роль в начальной фазе сражения. Целью американского десанта стал Гуадалканал и несколько расположенных рядом с ним менее крупных островов.

Если бы медленные транспортные корабли были обнаружены на подходе к точке высадки, шансы добраться до островов у десанта сократились бы до минимума. Однако получилось так, как получилось, и одиннадцать тысяч морских пехотинцев под командованием бригадного генерала Александера Вандергрифта практически беспрепятственно высадились на берег. Их главной задачей стал захват недостроенного аэродрома у мыса Лунга.

Захваченные врасплох японские части попали под обстрел корабельных орудий и бомбовые удары самолетов с американских авианосцев. Поддавшись панике, они оказали лишь незначительное сопротивление и уже на следующий день, после непростого марша через тропические джунгли, десантники Вандергрифта взяли под контроль аэродром. Японцы в беспорядке отошли, бросив строительное оборудование, автотранспорт и запасы продовольствия.

Началом операции генерал остался доволен. Он выполнил задачу с минимальными потерями, на что совершенно не рассчитывал. Тем не менее, простой ситуацию, в которой оказались морские пехотинцы, назвать было нельзя. Противник быстро пришел в себя, и в небе появилась многочисленная японская авиация, однако настоящие проблемы начались ночью девятого августа.

В море полыхали зарницы орудийных залпов и на берег накатывал грохот отдаленных разрывов. Императорский флот не желал мириться с высадкой Союзников на Гуадалканале. Вандергрифт мог только догадываться о ходе морского сражения, но весь его предыдущий опыт подсказывал, что готовиться следует к наихудшему сценарию.

Транспорты все еще разгружались, и место высадки нужно было прикрывать с суши. В то же время требовалось максимально укрепить периметр вокруг захваченного аэродрома. Вандергрифту пришлось растянуть силы, и это вызывало у него серьезное беспокойство. Тяжелое вооружение все еще находилось в трюмах транспортных кораблей или, в лучшем случае, как раз сейчас выгружалось на пляжи, а японская атака могла последовать в любой момент. К середине ночи грохот орудий на время стих, и установилась напряженная тишина, которая могла означать все, что угодно.

Через час от флота пришло сумбурное сообщение, из которого следовало, что эскадра прикрытия десанта понесла большие потери, но японские корабли не стали продолжать атаку и, совершив поворот, ушли на северо-восток, обогнув остров Саво.

— Максимально ускорить разгрузку, — сквозь зубы процедил

Вандергрифт, прочитав радиограмму. Он хорошо знал цену подобным заявлениям флотских и умел складывать два и два. Генерал отлично понимал, что даже если недавно отошедшие от Соломоновых Островов авианосцы попытаются вернуться, остановить ночью японские тяжелые крейсера они не смогут. Конечно, сообщение об уходе японской эскадры могло оказаться правдой, и тогда их всех можно было смело записывать в великие везунчики, но почему-то генерал в это не верил и ближайшие часы подтвердили, что его пессимизм имел под собой более чем серьезные основания.

Сначала где-то не так уж далеко в море произошел короткий бой. Прозвучало несколько залпов тяжелых орудий, за которыми последовал мощный взрыв, на несколько секунд ярко подсветивший своей вспышкой горизонт. Минут через двадцать после того, как все стихло, в небе раздался отчетливый стрекот моторов японских гидросамолетов, и над пляжами и стоящими на якорях транспортными кораблями вспыхнули осветительные бомбы, превратив напоминавшее растревоженный муравейник место высадки в идеальную мишень.

В относительной тишине у самого горизонта возникла россыпь ярких вспышек. Вандергрифту не требовалось объяснять, что это такое.

— Всем в укрытие!

В этой команде не было никакой необходимости. Его солдаты и моряки с транспортов отлично знали, как выглядит ночной залп эскадры тяжелых крейсеров. Двадцать секунд напряженного ожидания, и зона высадки превратилась в море огня. Первыми попали под удар транспортные корабли. На каждом из них имелась пушка калибром сто два миллиметра для защиты от всплывших в надводное положение субмарин, но их редкие выстрелы не могли ничего изменить в картине беспощадного избиения десантных сил.

Гаубицы, танки, и, главное, снаряды по большей части еще не были разгружены, и лишенные брони транспорты взрывались не от первого, так от второго попадания, а стрелять японские артиллеристы умели, и буквально через десять минут с американскими кораблями было покончено. Подошедшая ближе к берегу эскадра вице-адмирала Микавы перенесла огонь на пляж, превращая в груды горящих обломков выгруженную технику и имущество десантников.

Делать здесь было больше нечего, и Вандергрифт приказал своим людям отойти к захваченному аэродрому. Однако японская эскадра не ограничилась уничтожением транспортов и обстрелом места высадки. Ее командующему была отлично известна цель

десанта, и через несколько минут орудия крейсеров перенесли огонь на позиции морских пехотинцев у мыса Лунга. Саму недостроенную взлетную полосу японцы старались не обстреливать — они явно рассчитывали в дальнейшем ее использовать, но вся территория вокруг аэродрома подверглась разрушительным ударам тяжелых снарядов. Гидросамолеты кружили над головами морпехов, периодически сбрасывая осветительные бомбы и корректируя огонь своих кораблей.

Укрывшись в неглубоком окопе, Вандергрифт до боли сжал кулаки. В своем воображении он отчетливо видел, как в нескольких километрах от аэродрома японские солдаты, воодушевленные действиями своего флота, готовятся к ночной атаке. К атаке, которую ему будет просто нечем отбить.

— Ирс, никакие это не беглецы, — в голосе Летры звучало беспокойство и… возмущение. — В грузовом отсеке у них были не медкапсулы, а минидроны для внутрисистемной разведки. Лейтенант, сорок часов назад они взломали наш спутник!

— Защита сети устояла? И почему ты только сейчас мне об этом сообщаешь?

— Это был поврежденный сателлит, не имевший прямого выхода в сеть, но информации в его накопителях все равно хватало. Радует одно — вся она относится к периоду до нападения на Лунную базу, то есть о твоих художествах на планете мятежники ничего не знают. После повреждения осколками ракеты спутник перешел в пассивный режим, ожидая прибытия ремдрона, который, как ты понимаешь, так и не прилетел. У нас не военная сеть, если ты помнишь. Протоколы безопасности совсем другие. Аппарат был не в сети, и его мониторинг проводился эпизодически. При очередном тесте выявился факт стороннего подключения. Дальше ты знаешь.

— Почему они не нападают?

— Опасаются удара в спину от нашей базы. Поставь себя на их место. На лунной орбите болтаются обломки крейсера, пытавшегося уничтожить базу лобовой атакой, а у них, судя по всему, всего лишь эсминец причем не факт, что полностью боеспособный.

— С каждой минутой мне это нравится всё меньше. Кроме предположений у нас ничего нет.

— Это еще не все неприятные новости, лейтенант. Спутники засекли активность на орбите. Восемь часов назад в районе Соломоновых Островов кто-то использовал системы ближней связи, совершив передачу по узкому радиолучу, точно так же, как делаю я, имитируя местный радиообмен. Перехватить сообщение

не удалось, но и так ясно, что произошло. Сразу после сеанса радиообмена японский адмирал Микава резко изменил свои планы и развернул уже покидающую район боевых действий эскадру. В результате тактическое поражение флота Союзников превратилось в настоящую катастрофу. Они потеряли все транспортные корабли у побережья Гуадалканала. Успевшие высадиться на берег морские пехотинцы понесли тяжелые потери, были выбиты японцами с недостроенного аэродрома у мыса Лунга и теперь загнаны в тропический лес без тяжелого оружия и почти без боеприпасов. Ирс, здесь не может быть другого варианта, кроме вмешательства мятежников в войну на стороне Японии. Пока их действия ограничиваются только передачей информации, но ты ведь не хуже меня знаешь, что она может быть очень эффективным оружием.

— Сколько у них дронов? Они могут создать над планетой сеть сателлитов, подобную нашей?

— Не думаю. Все же эсминец — боевой корабль, и разведка для него является лишь вспомогательной функцией, да и сами дроны не заточены под решение подобных задач, поэтому мы и смогли засечь сам факт передачи с орбиты, хоть и не сумели ее перехватить или заглушить.

— И что теперь? При таком раскладе обо всех моих действиях японцы могут узнать в любой момент.

— Лейтенант, ты что действительно думаешь, что мятежники ограничатся сливом информации японцам? — в голосе Летры звучало непонимание. — Вынуждена тебя разочаровать. Несколько минут назад такая же передача с орбиты зафиксирована в окрестностях Берлина. Забудь обо всем, что было раньше. Боюсь, игра, начатая тобой год назад, перешла на совершенно иной уровень.

Глава 3

С вмешательством в ход событий новой силы ситуация на фронтах стала совершенно непредсказуемой. Где и как мятежники будут влиять на решения и действия противника, ни я, ни Летра предвидеть не могли. Тем не менее, мой план был утвержден Ставкой и отыграть назад я не имел никакой возможности — меня бы просто не поняли. А раз так, мне следовало начать действовать, причем чем активнее, тем лучше, тем более что пилоты и техника уже прибыли из Союза, и теперь в Москве и Вашингтоне с большим интересом ждали от меня начала активных операций против японцев.

Китайцы встретили нас с большим энтузиазмом. Если их генералы еще как-то старались сдерживать эмоции, то офицеры среднего звена совершенно не скрывали своего восторга от новой советской техники и считали, что именно сейчас, с возвращением в их страну русских летчиков, всё, наконец, изменится и их армия перестанет выступать в роли вечно обороняющейся и постоянно терпящей поражения стороны.

Для базирования полка Кудрявцева китайцы предоставили нам аэродром в окрестностях города Чунцин, ставшего временной столицей Китая после оккупации японцами Нанкина. Разместить нас ближе к линии фронта Чан Кайши отказался. Видимо, уверенности в стойкости своих солдат он не испытывал, что было вполне понятно. Мы прибыли в его страну в разгар очередного японского наступления. Противник продвигался через провинцию Цзянси в направлении города Чанша. Китайские дивизии отступали, сильно проигрывая японцам в техническом оснащении, мобильности и организации управления войсками.

Часть побережья Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей все еще оставалась под контролем армии Чан Кайши, но была зажата между оккупированным японцами Индокитаем на юге и потерянным еще в тридцать седьмом году Шанхаем на севере. К тому же ее разрывал на две части захваченный Японией Гонконг.

Императорская армия стремилась установить сухопутную связь между подконтрольными ей территориями, заодно полностью отрезав китайские силы от моря, а Чан Кайши, естественно, пытался всеми возможными средствами воспрепятствовать такому развитию событий. Естественно, он тут же вцепился в меня, надеясь ударами с воздуха остановить продвижение противника.

В принципе, я был совсем не против помочь китайскому

генералиссимусу в решении его проблем, но только в качестве побочной задачи. В Китай я прибыл совсем не за этим. Мне требовалось организовать болезненный деморализующий удар по японским силам, который произвел бы должное впечатление на Рузвельта и Сталина, и, кажется, я знал, где именно я его нанесу.

Боевые действия на Тихом Океане приобретали все бо́льшие масштабы, и Императорскому флоту приходилось постоянно перемещать свои корабли из одного региона в другой, чтобы реагировать на действия Союзников, стремившихся перехватить инициативу. Вот и сейчас, когда на Новой Гвинее и Соломоновых Островах развернулось крупное сражение, японцы срочно перебрасывали на юг авианосную группу, еще в июле принимавшую участие в операции на Алеутских Островах.

Тяжелый авианосец «Дзуйкаку», только что отремонтированный в доках метрополии, покинул верфи округа Курэ и вышел в море для соединения с остальными кораблями своего дивизиона. По пути он сделал остановку на Окинаве для пополнения авиагруппы и дозаправки. По моему указанию Летра внимательно следила за перемещениями всех крупных кораблей Императорского флота, тщательно выбирая момент, когда какой-то из них окажется в уязвимом положении и при этом будет находиться в зоне досягаемости моих самолетов, то есть не далее, чем в тысяче километров от побережья Южно-Китайского моря.

Конечно, хотелось бы подловить на переходе какой-нибудь знаковый линкор, вроде «Ямато». Уничтожение крупнейшего в мире линейного корабля, несомненно, произвело бы на руководителей СССР и США должное впечатление, но линейные силы Императорского флота базировались на острове Трук в трех с лишним тысячах километров к юго-востоку от нашего аэродрома, так что об этом можно было только мечтать. Тем не менее, «Дзуйкаку» тоже являлся неплохой целью. После сражения в Коралловом море и у атолла Мидуэй всем здравомыслящим адмиралам мира стало ясно, что теперь в океане главную роль играют именно авианосцы.

— Цель покидает порт, — лаконично доложила Летра.

Что ж, время пришло. Японцы решили подстраховаться и выйти в море вечером, чтобы иметь возможность за ночь гарантированно выйти за пределы радиуса действия самолетов Союзников. Атаки они, судя по всему, не ожидали, но, видимо, командир «Дзуйкаку» счел, что лишняя предосторожность на войне никогда во вред не идет.

Мне же темное время суток было только на руку. Я, не особо торопясь, вышел из штабного блиндажа и через кое-как говорившего по-русски офицера связи предупредил китайского

начальника аэродрома о том, что мы готовимся к вылету.

Кудрявцева искать не пришлось. Увидев издалека, с какой скоростью бросился выполнять распоряжение китайский офицер, генерал-майор сразу понял, к чему идет дело и сам поспешил ко мне.

— Как вы, наверное, помните, я в Китае уже не первый раз, — усмехнулся командир полка, — и еще по тридцать девятому году помню, что, если китайцы начинают так суетиться, значит дело идет к чему-то серьезному. Готовить полк к боевому вылету?

— Все не полетим, смысла нет. Мне нужно десять машин с подвесными топливными баками.

— Цель в море?

— В море. Тяжелый авианосец «Дзуйкаку» в сопровождении двух эсминцев сегодня вечером должен выйти из порта на острове Окинава в юго-восточном направлении.

— Серьезный корабль, — кивнул Кудрявцев, — подвешиваем по две АБОВ-1000?

— Только на пару «Илов». Остальные пусть берут бронебойные бомбы, у «Дзуйкаку» бронепалуба толщиной семнадцать сантиметров.

— Может все же возьмем хотя бы двадцать машин? Десяток с бомбами, а остальные в истребительном варианте. Это же не линкор, а авианосец. Его истребители могут встретить нас еще не подходе.

— Ночью? Что-то я сомневаюсь, да и перехватить нас с их скоростью вряд ли получится.

Ответил я с полной уверенностью в голосе, но что-то в собственных словах мне показалось неправильным. Отказаться от сложившихся стереотипов оказалось непросто, но я напомнил себе, что пора привыкать к новым реалиям, в которых возможности противника далеко не всегда будут соответствовать моим ожиданиям.

— Разрешите выполнять? — прервал возникшую паузу Кудрявцев.

— Одну минуту, генерал. Пожалуй, вы правы. Готовьте к вылету двадцать «Илов». Все же это наша первая операция в Китае, и подстраховаться будет не лишним, да и над выбором типов бомб, я полагаю, следует дополнительно подумать.

Береговую линию мы прошли на высоте одиннадцать километров. Несмотря на совсем небольшой резерв топлива, я все же повел группу не прямо к цели. Для себя я решил принять за аксиому, что противник о нашей операции знает, и посчитал правильным не раскрывать раньше времени наши планы. Сейчас

наш курс недвусмысленно указывал на то, что мы идем на Тайвань. Там тоже имелось немало вкусных объектов для атаки, да и относительно недавнюю историю с подобным налетом японцы наверняка помнили. В тридцать восьмом году советские летчики нанесли удар по их авиабазе на этом острове. Тогда бомбардировщики СБ сбросили на японский аэродром почти три сотни бомб и уничтожили сорок самолетов морской авиации, так что я надеялся, что противник сосредоточится на том, чтобы не допустить повторения такого сценария.

— Спутники засекли работу систем ближней связи дронов мятежников на орбите, — доложила Летра. — Фокус сигнала находится в центре Токио. Боюсь, противнику сейчас станет известно о вылете твоей группы. Перехватить или заглушить сигнал я не могу.

Мне оставалось только ждать реакции японцев. Я не знал, кого именно из высших военных руководителей Японии мятежники выбрали для контакта, но, похоже, вот так просто взять и поверить в полученную столь необычным способом информацию он не смог.

Минут двадцать прошло в ожидании. В окружающей нас темноте ничего не менялось, и лишь на виртуальной карте отметки самолетов группы смещались все дальше на юго-восток, приближаясь к острову Тайвань.

Фиксирую радиообмен между Главным штабом ВМС Японии в Токио и базой флота на Тайване, — сообщила Летра и после примерно минутной паузы продолжила. — На военных объектах острова объявлена боевая тревога.

— Когда мы войдем в зону действия японских радиолокаторов?

— Через десять минут. У них с радарами все плохо — сильное отставание от ведущих стран мира.

Я включил рацию, чтобы передать приказ о смене курса. Наше появление над Тайванем стало бы прямым подтверждением информации, полученной кем-то из офицеров японского штаба от мятежников. Я же хотел, чтобы японцы поверили своим новым союзникам как можно позже. Однако вместо обычного шороха эфира в наушники ворвался визг помех.

— Летра, на связь!

— На связи, — немедленно отозвался искусственный интеллект, — фиксирую попытку подавления радиосигналов.

— Вполне удачная, кстати, попытка. Я не могу связаться по рации с другими самолетами группы.

— Включаю ретрансляцию через спутники.

Завывания в наушниках стихли.

— Тридцать градусов вправо. Высоту не меняем.

Группа огибала остров по большой дуге. Как ни соблазнительно было сбросить на японскую авиабазу пару бомб объемного взрыва, делать этого не следовало. Моей целью являлся тяжелый авианосец, и все, что могло помешать его уничтожению следовало отодвинуть в сторону до лучших времен.

Мы обошли Тайвань с севера. «Дзуйкаку» с эсминцами сопровождения успел отойти от острова уже почти на двести миль. Я не сомневался, что теперь наша цель мятежникам предельно ясна, но вот поверят ли им японцы после того, как сведения о предстоящей атаке на Тайвань не подтвердились, было очень интересным вопросом.

— Пятнадцать минут до цели, — доложил Кудрявцев и почти сразу пришло сообщение от Летры.

— Капитану первого ранга Йокогаве передана радиограмма из Токио… «Дзуйкаку» разворачивается носом против ветра… Авианосец поднимает истребители.

Японцы мятежникам поверили, и теперь наша задача резко усложнялась. Одно дело неожиданной ночной атакой с большой высоты уничтожить идущие постоянным курсом корабли противника, и совсем другое поразить бомбами активно маневрирующие цели, да еще и при противодействии истребителей.

Изначально я собирался сбросить бомбы на японские корабли, не снижаясь, то есть примерно с одиннадцати километров, где палубные истребители «Зеро» и зенитная артиллерия не представляли для нас никакой опасности, но сработать такой план мог только в случае полной неожиданности нашей атаки. Даже при идеальном наведении попасть неуправляемой бомбой с такой высоты можно только в идущий с постоянной скоростью и не пытающийся уклоняться корабль. Естественно, резервный план у нас был, хоть я и надеялся, что прибегать к нему не придется. Надеялся, как оказалось, напрасно.

— Группе приступить к снижению. «Седьмой» и «Двенадцатый», осветить цели!

Мы находились уже практически над японскими кораблями. Внизу, естественно, ничего видно не было, и без подсветки никто кроме меня атаковать цели не мог. Помощь Летры здесь тоже была не слишком эффективной. Наводить по радио самолеты на маневрирующие цели крайне сложно в силу слишком быстрого изменения их координат и вполне естественного запаздывания реакции пилотов на команды.

Внизу вспыхнула россыпь ярких огней — над кораблями противника повисли «люстры» осветительных бомб. Поняв, что

обнаружены, японские зенитчики включили прожекторы, пытаясь помочь своим пилотами и зенитчикам увидеть цели.

— Истребителям расчистить небо!

Японские самолеты, взлетевшие с палубы «Дзуйкаку», далеко от кораблей не уходили, патрулируя небо на высоте около тысячи метров. Нас они не видели, но надеялись перехватить бомбардировщики в момент захода в атаку на авианосец. Вот только первыми над японскими кораблями появились «Илы» в истребительном снаряжении. Короткая схватка, в которой обе стороны лихорадочно пытались рассмотреть друг друга в неверном и слишком контрастном свете «люстр», породила в небе хаос. Восемнадцать «Зеро», попытались вцепиться в восемь двухмоторных «Илов», ориентируясь на яркие конусы выхлопа их турбо-реактивных двигателей, но догнать эти довольно крупные самолеты японцам оказалось неожиданно сложно.

Огненные трассы перечеркнули небо. Один из японских самолетов вспыхнул и, распадаясь на части, рухнул в темные волны. Кто-то из «Илов» попал в луч прожектора, установленного на носу эсминца, и с кораблей к самолету потянулись цепочки снарядов. Впрочем, цель оказалась для японских зенитчиков слишком быстрой, и почти сразу вышла из зоны обстрела.

— Истребители уводят японцев за собой, — доложил Кудрявцев, — Разрешите начать атаку основной цели?

На самом деле в погоню за нашим истребительным прикрытием бросились не все «Зеро». Семь японцев остались прикрывать авианосец, но вряд ли они могли нам серьезно помешать.

— Начинаем заход на цели. «Девятнадцатый» и «Двадцатый», вы атакуете эсминцы. «Седьмой» и «Двенадцатый», за вами подсветка и фотофиксация результатов удара. Для остальных цель — авианосец.

Пусть и предупрежденные заранее о нашей атаке, японцы могли лишь затруднить нам выполнение задачи, но с их средствами противодействия шансов отбиться у авианосца не было. Вот только командир «Дзуйкаку» об этом не знал, да и сдаваться ему бы в любом случае не пришло в голову.

Капитан первого ранга Йокогава почти сразу понял, что его корабль атакует необычный противник. Об этом говорило хотя бы то, что об опасности его предупредили радиограммой из Токио. Откуда они могли узнать о готовящемся ударе по «Дзуйкаку»? Агентурные сведения? Но они не приходят настолько оперативно. И ведь предупреждение поступило весьма своевременно — он едва успел поднять с палубы истребители.

В радиограмме не было сказано, чьи самолеты приближаются к кораблям Йокогавы с северо-запада. Понятно, что скорее всего это были американцы или англичане, но таких машин пилоты с «Дзуйкаку» раньше никогда не видели. В начале атаки пропала радиосвязь. Примерно минуту эфир был плотно забит помехами, но потом они неожиданно исчезли, и пилоты «Зеро» смогли доложить на корабль, что имеют дело с очень быстрыми двухмоторными истребителями, вооруженными мощными авиапушками и оставляющими за собой в полете короткие, но ярко светящиеся следы.

Луч прожектора на несколько секунд выхватил из темноты силуэт вражеского самолета, и Йокогава убедился в том, что ничего похожего действительно никогда не встречал. И все же это были всего лишь истребители. Они не пытались атаковать корабли и, похоже, просто не имели бомбового вооружения. Йокогава не верил в то, что противник нашел их в ночном море исключительно для того, чтобы поиграть в догонялки с «Зеро» его авиагруппы, а значит, это лишь отвлекающий маневр, и где-то в темноте готовятся к атаке вражеские бомбардировщики. Их не видно и, судя по всему, расчеты зенитных орудий заметят самолеты противника только когда они окажутся уже над кораблем. Командир авианосца был неприятно удивлен тем, насколько легко вражеские пилоты ориентируются в ночном небе, но изменить он ничего не мог, и этот факт следовало просто принять и действовать дальше, исходя из новых реалий. С какого направления он сам стал бы атаковать свои корабли? Часть авиагруппы «Дзуйкаку» оттянута на запад в попытке догнать и уничтожить истребители противника. Эсминцы и авианосец маневрируют, но сохраняют общий вектор движения на юго-восток. Ветер умеренный и особой роли сыграть не может…

Йокогава закрыл глаза, постаравшись отвлечься от звуков боя и прислушаться к своей интуиции. Эта война многому его научила, и, в первую очередь, опыт подсказывал командиру «Дзуйкаку», что в условиях недостатка сведений о противнике не следует пренебрегать собственными предчувствиями, ведь они основаны не на мистике, а на подсознательном обобщении мозгом всей имеющейся информации.

— Атака бомбардировщиков с северо-запада! — в голосе Йокогавы, стальной струной зазвеневшем в боевой рубке «Дзуйкаку», подчиненные не услышали ни тени сомнений. — Высота полторы тысячи. Истребителям перехватить противника! Всем средствам ПВО открыть заградительный огонь!

«Илы», вооруженные бронебойными бомбами, легли на

боевой курс. Под нами виднелась россыпь ярких пятен медленно опускающихся на парашютах «люстр», в свете которых были неплохо видны извилистые кильватерные следы, оставляемые отчаянно маневрирующими японскими кораблями.

На виртуальной карте Летра подсвечивала для меня оптимальную траекторию атаки. Ведомые ориентировались по выхлопу двигателей моего самолета, стараясь повторять все мои действия. Противник бессистемно шарил лучами прожекторов по небу. Зенитки молчали — их расчеты не видели целей. «Зеро», пытавшиеся прикрывать авианосец, тоже действовали каждый сам по себе, осуществляя слепой поиск противника в темном небе. Я не видел причин для особого беспокойства… И вдруг все изменилось.

— Опасность! — взвизгнул искусственный интеллект голосом Летры!

Японские корабли разом выдохнули огонь. Десятки стволов запульсировали вспышками выстрелов, и к нам потянулись огненные пунктиры трассеров. Впервые за эту войну я видел, как Летра растерялась. На виртуальной карте высветилось сразу несколько возможных курсов уклонения, но с каждой секундой в небе появлялись все новые сотни летевших к нам пуль и снарядов, и траектории, только что казавшиеся безопасными, превращались в смертельные ловушки.

Как японцы узнали о нас? Они просто не могли нас видеть, но заградительный огонь был открыт именно в тот момент, когда наши машины оказались наиболее уязвимы. Я бросил «Ил» вниз-вправо, уже понимая, что увернуться от вражеского огня не успеваю. Самолет дважды ощутимо вздрогнул. В боковом остеклении кабины образовалась дыра и одновременно мне по голове чем-то изрядно прилетело. Сознания я не потерял, хоть все вокруг и расплылось, как будто я вдруг взглянул на окружающий мир через слой текущей воды. По лбу пробежала горячая струйка крови, но зрение постепенно возвращалось в норму.

— Повреждение правого двигателя! — в голосе Летры звучали панические нотки. — Через минуту начнется перегрев, через три — пожар. У тебя сильная контузия. Соберись, лейтенант, иначе все будет зря!

Где-то за моей спиной в небе вспыхнул огненный шар. Кто-то из наших очень неудачно поймал снаряд, заставивший сдетонировать бомбы, но на этом везение японских зенитчиков закончилось. Мы проскочили зону заградительного огня, и я с усилием, отозвавшимся вспышкой головной боли, вновь вернул самолет на боевой курс. Вот он, авианосец «Дзуйкаку», не уступающий по бронезащите тяжелому крейсеру, но за счет

огромной массы не столь маневренный, как эсминцы.

Я немного подправил курс, ориентируясь на подсказки Летры. Еще пара секунд… Сброс!

Внизу и немного впереди темноту ночи разорвала яркая вспышка. Кто-то из пилотов Кудрявцева сбросил бомбу объемного взрыва на японский эсминец. Точного попадания добиться не удалось, но близкий взрыв АБОВ-1000 стал для легкого корабля фатальным. На эсминце вспыхнул пожар и почти сразу во внутренних отсеках что-то взорвалось, выбросив в небо струи огня и веер раскаленных обломков.

Спустя секунду мои бомбы ударили в небронированную полетную палубу «Дзуйкаку» в двадцати метрах друг от друга, пробив ее и проникнув в расположенные ниже двухъярусные самолетные ангары. Через полминуты корабль потрясли еще три взрыва — Кудрявцев и двое из его летчиков тоже не промахнулись. Недостатком проекта «Дзуйкаку» было отсутствие бронезащиты топливных цистерн и бензопроводов, и это упущение оказалось для корабля смертельным. Бронепалубу, отделявшую самолетные ангары от внутренних отсеков корабля, пробили только две бомбы, но устремившееся в проломы горящее топливо сделало невозможной дальнейшую борьбу за живучесть тяжело поврежденного авианосца.

Углекислотные системы пожаротушения не были рассчитаны на пожар такого масштаба, и пламя быстро охватило весь корабль. В раскаленной топке сгорающего авиатоплива начали взрываться авиабомбы и торпеды, приготовленные для подвешивания на стоявшие в ангарах самолеты. Все это я внимательно рассмотрел уже только в записи, сделанной Летрой. В тот момент у меня были совершенно другие проблемы.

— Пожар правого двигателя! — паника из голоса Летры исчезла, но звучал он мрачно и обеспокоенно. — Двигатель отключен… Пожар потушен. Лейтенант, на одном двигателе до аэродрома ты не дотянешь.

— А до китайского берега?

— Может быть. С местной техникой, особенно поврежденной, все прогнозы надежностью не отличаются.

— Группа, здесь «Крейсер», — я вышел на связь на общей волне. — Курс — северо-запад! Поздравляю с успешным выполнением боевой задачи! «Второму» провести перекличку и доложить о потерях и повреждениях.

На виртуальной карте я и так видел, что мы потеряли две машины и еще три самолета получили осколочные попадания, почти не сказавшиеся на их скорости. Прозвучавший минут через пять доклад Кудрявцева, естественно, совпал с этими данными.

В отличие от остальных самолетов группы, мой «Ил» был одноместным. По моему приказу его переделали еще в Союзе, так что теперь кроме меня о состоянии моей машины не знал никто. Группа постепенно уходила вперед к китайскому берегу, а я на своем единственном двигателе все больше от нее отставал. Пора было ставить Кудрявцева в известность о моих проблемах.

— «Второй», здесь «Крейсер». Принимай командование группой. У меня разбит правый двигатель. Быстрее пятисот лететь не могу. Постараюсь дотянуть до берега и буду прыгать. Твоя задача довести наших домой. Перед прыжком сообщу свои координаты, и вы сможете меня найти, но сначала мне нужно, чтобы все приземлились целыми. Если что, вернусь и лично спрошу по всей строгости. Задача ясна?

— «Крейсер», здесь «Второй», — через пару секунд ответил Кудрявцев, — скоро взойдет солнце, и тебя перехватят японские истребители с Тайваня. До китайского берега ты не долетишь.

— Выполняйте приказ, генерал!

— «Седьмому», «Четырнадцатому» и «Пятнадцатому» продолжать полет прежним курсом. — Проигнорировав мои слова, стал отдавать распоряжения Кудрявцев. — «Третьему» и «Девятнадцатому» сопроводить поврежденные машины до аэродрома. Остальной группе скорость четыреста пятьдесят. Взять под охрану поврежденную машину командира.

— Невыполнение приказа в боевой обстановке, товарищ Кудрявцев? Под трибунал захотели?

— Да можно и под трибунал, товарищ генерал-полковник. Но только по вашему письменному приказу.

Я молча усмехнулся. Отдать приказ в письменной форме у меня будет возможность только если я доберусь до своих, чего, собственно, «Второй» и добивается. Что ж, пусть будет так, тем более что Кудрявцев прав — нарваться на японцев по пути к китайскому берегу я действительно могу.

Голова болела все сильнее.

— Летра, чем меня так приложило?

— Осколок стекла. Близкий взрыв зенитного снаряда. Тебе ещё повезло.

— Это я и сам понимаю, — я попытался кивнуть, что привело к приступу головокружения.

И это я так хреново себя чувствую даже под действием «боевого коктейля». Без него я давно бы вырубился.

В системе управления «Ила» Летра повреждений не обнаружила, но чем дальше, тем больше мне казалось, что самолет плохо меня слушается. Пришлось забыть обо всем остальном и сосредоточиться исключительно на пилотировании.

— Командир, как машина? — прозвучал в наушниках вопрос Кудрявцева, отозвавшийся в моей голове каким-то странным эхом. Удары по черепушке чреваты последствиями. То ли у меня там что-то сдвинулось, то ли это побочное действие впрыснутой в кровь химии.

— Летит пока… — с трудом выдавил я из себя ответ.

— Голос у тебя странный. Ты не ранен?

— Осколком остекления по голове получил, но пока ситуацию контролирую.

— Так… Держись и ни на что не отвлекайся. Тебе главное до земли дотянуть, прыгнуть нормально и приземлиться, не сломав шею. Остальное мы сделаем.

Со мной на связь Кудрявцев больше не выходил, но Летра транслировала мне его переговоры и команды. Для начала генерал-майор поднял по тревоге весь полк. Наверное, это было разумно, особенно с учетом того, что на тайваньской авиабазе японцев началась нездоровая суета. На аэродроме к югу от Гонконга эскадрильи «Зеро» тоже готовились к взлету. Похоже, самураям сильно не понравилось то, что мы сделали с «Дзуйкаку». Они жаждали мщения, и в этом стремлении им кое-кто был не прочь немного помочь.

Заснуть этой ночью лейтенант госбезопасности Игнатов так и не смог, и, судя по всему, на авиабазе под Чунцином он был такой не один. Лейтенант вышел из офицерского блиндажа вдохнуть свежего воздуха, которого снаружи, сказать по правде, тоже было немного. Душная безветренная ночь давила на психику, мерцая с темного неба россыпью звезд. На фоне укрытых маскировочными сетями самолетов лейтенант не сразу заметил одинокую женскую фигуру — Лена тоже решила выйти на воздух.

— Они должны вернуться с рассветом, — произнесла она, когда Игнатов подошел и встал рядом. — Мне неспокойно, я чувствую, что что-то случилось.

— Так всегда бывает, когда очень ждешь возвращения близкого человека, — Игнатов попытался ее успокоить. — Нервы…

— Нервы тут ни при чем, — она отрицательно качнула головой. — В этот раз, когда он уходил, я не чувствовала в нем уверенности. Что-то Петру не нравилось, но он не сказал, что именно. И Кудрявцев тоже вел себя как-то странно. Я слышала, как он рассказывал начальнику штаба полка, что раньше Нагулин никогда не менял своих решений, а тут почти сразу согласился удвоить количество самолетов, выделенных для операции.

Игнатов молчал, обдумывая услышанное, и Лена вновь

заговорила:

— Нет ничего хуже, чем вот так стоять и ждать…

Визг сигнала тревоги разорвал ночную тишину. Этот звук не означал нападения на базу, но что-то важное, несомненно, произошло. Лена и Игнатов сорвались с места, стремясь как можно быстрее добежать до блиндажа полковника Лебедева, которому они оба сейчас подчинялись.

Через минуту в блиндаже уже собралась вся их сводная команда. Лебедев только что закончил говорить с начальником штаба авиаполка. Летчик выбежал наверх, как будто за ним кто-то гнался. Такой прыти за уже немолодым подполковником Игнатов раньше ни разу не замечал, и это напрягло его еще сильнее, чем только что прекративший завывать сигнал тревоги.

Лебедев обвел подчиненных тяжелым взглядом, на долю секунды задержав его на Лене.

— Авиагруппа генерал-полковника Нагулина выполнила боевую задачу, — напряженным голосом произнес полковник, — авианосец «Дзуйкаку» уничтожен. Группа потеряла две машины и сейчас приближается к китайскому побережью. Командирский «Ил» получил боевые повреждения. Сам Нагулин ранен и пытается дотянуть машину до берега, где он сможет покинуть самолет с парашютом. Авиагруппа его прикрывает, но с рассветом японцы могут атаковать их превосходящими силами. Генерал-лейтенант Кудрявцев передал по радио приказ поднять полк в воздух и пресечь попытки противника уничтожить возвращающиеся с задания машины.

— Насколько тяжелое ранение? — не выдержав, перебила командира Лена.

— Сильная контузия. Более точных сведений нет, — Лебедев сделал вид, что не заметил нарушения субординации. — Отряд, слушай боевую задачу. Сейчас мы грузимся в транспортный самолет и вылетаем сразу за машинами авиаполка. Генерал-полковник Нагулин сообщит нам точные координаты места, где он покинет поврежденный самолет. Мы немедленно выходим в эту точку и осуществляем десантирование. Летчики Кудрявцева нас прикроют. Наша цель — найти товарища Нагулина, оказать ему помощь и обеспечить выход к своим. Вопросы?

Мне становилось все хуже. Головная боль усилилась, руки на штурвале ощутимо дрожали.

— У тебя сильнейшее сотрясение мозга, — прокомментировала мое состояние Летра. — Для любого местного это было бы смертельно, но твой организм должен справиться. Ничего необратимого с твоей головой не случилось.

Нужен покой и глубокий медикаментозный сон с форсированной регенерацией.

— Издеваешься? Какой тут покой? Разве что вечный… Его мне японцы как раз готовятся обеспечить.

Японцы готовились. И даже уже приступили. С Тайваня двумя волнами взлетело шесть десятков истребителей. В обычной ситуации они бы нас не догнали, но сейчас… По нашим меркам группа еле плелась. Высота две тысячи, скорость четыреста. Больше мой единственный движок выдать не мог — начинал перегреваться. По расчетам Летры выходило, что противник догонит нас как раз над побережьем, а «Зеро», взлетевшие из окрестностей Гонконга, подтянутся туда еще раньше. Правда, к этому времени нам на помощь должны прибыть основные силы полка Кудрявцева и устроить японцам горячую встречу, вот только вся эта воздушная мясорубка начнется именно там, где мне предстоит покинуть самолет, если, конечно, я еще буду в сознании, что с учетом динамики моего самочувствия совсем не гарантировано.

Я недооценил ярость противника. Тайвань и Гонконг стали только началом. Еще одна большая группа японских истребителей взлетела с аэродромов, расположенных вокруг Шанхая, причем наш курс и скорость им явно были известны, как и то, что свернуть куда-то в сторону мы не можем. Японцы зажимали нас с трех сторон, намертво захлопывая ловушку, вырваться из которой по их расчетам мы не имели никакой возможности.

— Я проанализировала состояние отключенного двигателя, — Летра, похоже, все это время тоже пыталась найти выход из сложившейся ситуации, — Он остыл, и, если тебя сильно прижмут, можешь попытаться снова его запустить. Есть неплохой шанс, что это получится, но проработает он не больше трех-четырех минут, повреждения-то никуда не делись. Потом опять возникнет пожар, и потушить его будет уже невозможно.

— У меня боковое остекление кабины повреждено. Максимальную скорость все равно набрать не получится.

— О максимальной никто ни не говорит, но до шестисот ты разгонишься, и этого должно хватить, чтобы немного оторваться от «Зеро» или выйти из зоны «собачьей свалки».

— Принято, — спорить с Летрой у меня не было ни сил, ни желания — голова просто раскалывалась.

— Дерьмовые у наших азиатов самолеты, командир, — презрительно произнес зам по вооружению, скептически глядя на голографическую проекцию района боевых действий. — Ни

скорости, ни брони, ни оружия нормального.

— А чего ты хотел от дикарей? — хмыкнул Хирч. — На этой планете везде так — сплошной примитив.

— Не скажи. Авианосец завалили машины классом повыше.

— Да тоже не шедевр, — пожал плечами капитан-лейтенант, — хотя по сравнению со всем, что мы здесь видели раньше, их характеристики впечатляют. Не зря вычислитель сразу выделил эту авиачасть, как нечто требующее нашего внимания. Да и научные сателлиты на орбите тоже явно играют на их стороне — наши дроны не просто так не смогли заблокировать им связь.

— И тем не менее, они уже потеряли два самолета и еще один до базы точно не дотянет.

— Никто из них не дотянет. Мы же скинули японцам информацию о курсе их отхода. Дальше, я надеюсь, наши подопечные сами все сделают. Ты мне лучше вот что скажи, Корф, — командир эсминца пристально посмотрел на подчиненного. — Откуда в этой дыре, называемой Китаем, взялись такие самолеты? Ничего похожего нет ни у кого из участников конфликта, а у китайцев есть.

— Китайцы здесь, скорее всего, ни при чем. Опознавательные знаки на крыльях можно нарисовать любые, так что китайская принадлежность этих самолетов, скорее всего, фикция, — включился в обсуждение начальник инженерной службы. — К сожалению, база данных со взломанного нами спутника содержит только информацию до начала сорок первого года. На тот момент ни одно государство на этой планете даже близко не было готово к серийному выпуску чего-то подобного.

— Откуда бы ни взялись эти машины, они могут помешать нашим планам, особенно если их появится много, — ответил Хирч, продолжая наблюдать за тем, как на виртуальной карте загораются все новые отметки японских истребителей, взлетающих для перехвата китайских самолетов. — Нужно пресечь их производство, а для начала хотя бы понять, где их делают.

— Скорее всего, в США или Великобритании. Германия не стала бы поставлять оружие в Китай, а все остальные совершенно точно не доросли до подобных технологий, — предположил инженер.

На голограмме вспыхнула россыпь красных точек.

— Наблюдаю взлет китайских истребителей-бомбардировщиков с базы под Чунцином, — доложил оператор контроля пространства, — самолеты одного типа с теми, что утопили японский авианосец. Пятнадцать машин уже в воздухе, еще сорок три готовятся к взлету.

— Ну что ж, в ночном бою мы их уже видели, — усмехнулся Хирч, — посмотрим, на что они способны днем. Сколько самолетов японцы успеют стянуть к месту боя?

— Сто тридцать «Зеро» морской авиации и около сотни армейских И-1 «Сокол». Почти трехкратный перевес.

— Вычислитель, прогноз результатов боя.

— Мало данных о возможностях китайских самолетов, — бесцветным голосом ответил искусственный интеллект. — В бою с японскими кораблями они несли разные типы вооружения. Возможна высокая погрешность оценки.

— Озвучь наиболее вероятный сценарий.

— Потери с обеих сторон до семидесяти процентов машин при общем неопределенном результате. Бой прекратится сам собой по причине исчерпания уцелевшими противниками боезапаса и топлива.

— Это нам подходит, — губы командира эсминца искривились в довольной усмешке.

Похоже, я на какое-то время все же вырубился или впал в полубессознательное состояние, но штурвал из рук, тем не менее, не выпустил. Когда я вновь смог воспринимать окружающую действительность, впереди виднелся изрезанный бухточками и заливами гористый берег.

— Очнись, лейтенант! Тебя сейчас собьют! — бьется в моей голове голос Летры.

Рассветное небо полыхает тысячами огней. Воздух рвут росчерки трассирующих пуль и снарядов. Вспышки, шлейфы дыма и падающие в воду и на скалы горящие обломки. Впереди мелькает силуэт «Зеро», пытающегося зайти в хвост «Илу». Руки сами тянут штурвал на себя и влево, подправляя курс. Очередь! Вспышка! От хвоста японского самолета летят какие-то обломки…

— Ирс, ты что творишь?! — это Летра.

— Командир, ты меня слышишь?! — это уже Кудрявцев. — Выходи из боя! Куда тебе на этом подранке воевать? На берегу тебя встретят. Лебедев со своими людьми уже в воздухе. Не лезь в эту драку!

— Лейтенант, ты своим только мешаешь! — вбрасывает новый аргумент Летра, — Они прикрывают твою машину и вынуждены сами вести бой на низких скоростях. Уходи к берегу!

Да, это серьезно. Летра, несомненно, права, как прав и Кудрявцев, а я просто отвратительно соображаю и действую на одних рефлексах. Что там моя подруга говорила о правом двигателе? Пожалуй, самое время. «Ил» дергается и выплевывает

из сопла поврежденного движка длинную и какую-то неровную струю огня, но меня ощутимо вжимает в кресло. Воздух с ревом врывается в пробоину в остеклении. Хорошо, что осколок прилетел не в лобовую часть кабины.

Я со снижением ухожу к берегу, вырываясь из «собачьей свалки». За мной суется японский «Сокол», но его немедленно срубает очередью из пушки кто-то из наших. Вижу впереди-справа горящий «Ил». Его охваченный огнем двигатель окутывается дымом и паром — срабатывает автоматическая система пожаротушения, но повреждения слишком значительны. Крыло выгибается под неестественным углом и переламывается, а самолет срывается в беспорядочное падение.

Все это я отмечаю лишь краем сознания. Мне по-прежнему очень плохо, и я с трудом удерживаю в фокусе внимания двоящуюся и прыгающую из стороны в сторону береговую линию. Самолет продолжает разгоняться. Что-то бубнит в моей голове Летра, где-то на заднем плане слышен забористый мат Кудрявцева, а я сжимаю штурвал и стараюсь не обращать внимания на то, что самолет начинает все сильнее трясти и раскачивать.

Шею пронзает резкая боль. Похоже, Летра задействовала крайнее средство — заставила имплант выдать шоковый разряд. Это немного приводит меня в себя и в уши врывается крик Кудрявцева:

— Командир, ты горишь! Прыгай немедленно!

Правое крыло охвачено огнем. Самолет вибрирует, как будто в него бьют десятки тяжелых молотов, но внизу уже мелькают поросшие редким лесом холмы. Я нащупываю рычаг катапульты и резко тяну его на себя. Колпак кабины с хлопком отлетает куда-то вверх и назад, и могучий пинок порохового заряда выбрасывает меня из гибнущей машины вместе с креслом. Как хорошо, что я настоял на оборудовании новых «Илов» этим устройством, изготовленным для нас в США — сам бы я точно не выбрался.

Над головой с хлопком раскрывается купол парашюта. Очередной рывок снова отправляет меня в бессознательное состояние, но длится оно недолго. Летра вновь заставляет меня очнуться все тем же изуверским способом. Откуда-то сбоку выныривает японский «Зеро» и начинает разворачиваться в мою сторону. Судя по всему, это последние секунды моей жизни. Все-таки я доигрался, а жаль, все так неплохо складывалось.

Почему молчит Летра? Наверное, ей просто нечего мне сказать — сделать в такой ситуации все равно ничего нельзя. Еще пара секунд и я окажусь в прицеле японского пилота… Хочется закрыть глаза, но я заставляю себя смотреть на приближающуюся

смерть. В уши врывается грохот авиационных пушек, а вот вспышек я почему-то не вижу. Наверное, меня подводит зрение или я просто уже мертв и это выверт гаснущего сознания… На атакующем истребителе скрещивается сразу несколько трасс пушечных снарядов. «Зеро» буквально разрывает на части. Он даже не вспыхивает, а так и устремляется к земле грудой бесформенных обломков. Прямо над моей головой с ревом проносятся три «Ила». Кажется, список моих долгов в этом мире пополнился еще на несколько строчек.

Земля бьет по ногам. Боли я не чувствую, по сравнению с раскалывающейся головой эти ощущения слишком слабы. Оглядываюсь вокруг и вяло гашу купол парашюта. Ветра нет. Хоть в этом мне повезло, иначе при приземлении могли бы возникнуть проблемы. Над головой все еще кипит воздушный бой, но его интенсивность уже явно снижается.

Отстегиваю стропы и пытаюсь встать на ноги.

— Лейтенант, ты уже почти все сделал, — вновь прорезается в голове голос Летры. — Осталось совсем чуть-чуть. Нужно укрыться под деревьями. Видишь прямо перед собой небольшую рощу? Там относительно безопасно. Это всего восемьдесят метров вниз по склону. Давай, у тебя получится.

Встать я не могу, но ведь можно и ползти. Хорошо, что вниз. Перед глазами все плывет. Колени и локти загребают сухую землю, в рот и нос набивается пыль и какая-то сухая растительная мелочь. Сколько я уже ползу? Пять минут? Десять? Вокруг становится заметно темнее, и через несколько метров я останавливаюсь, пытаясь понять, что произошло.

— Все, Ирс, ты на месте, — в голосе Летры слышится явное облегчение, — Самолет с группой полковника Лебедева уже на подходе. Можешь смело отключаться.

Я со стоном переворачиваюсь на спину и закрываю глаза. Мир вокруг гаснет.

Глава 4

Телефонный звонок оторвал полковника Шлимана от работы над очередной аналитической справкой, внезапно потребовавшейся Генштабу сухопутных сил.

— Эрих, ты мне нужен, — прозвучал в трубке сосредоточенный голос генерал-майора Рихтенгдена. — Прямо сейчас.

— Генрих, мне бы еще полчаса, я уже почти закончил эту…, — попытался было отмазаться Шлиман, нагло пользуясь дружескими отношениями с начальником.

— Потом допишешь, — отрезал Рихтенгден. — Жду тебя внизу, на минус втором, в моем резервном кабинете.

— Уже иду.

Шлиман не стал задавать больше никаких вопросов. Минус второй этаж — это серьезно. Раньше там размещалось бомбоубежище, да, в принципе, подземный этаж и сейчас выполнял те же функции, но после ликвидации Гитлера и получения новой должности Рихтенгден оборудовал там отдельный кабинет, защищенный всеми возможными способами от любых известных на данный момент методов прослушивания. Всех деталей Шлиман не знал, но, вроде как, его друг детства постарался защититься не только от существующих, но и от перспективных средств технической разведки. И это здесь, в центре Берлина, за несколькими охранными периметрами! Еще год назад Шлиман счел бы подобные действия пустой блажью и разбазариванием ресурсов, но с тех пор многое изменилось, и теперь он относился к нововведению Рихтенгдена с полным пониманием.

Генерал Рихтенгден молча указал Шлиману на удобное кресло у стены, а сам вышел из-за стола и опустился в такое же кресло напротив. Их разделял только журнальный столик, на котором стоял графин с водой и пара стаканов.

— Кое-что случилось, Эрих, — негромко произнес Рихтенгден, когда Шлиман устроился в кресле и остановил на нем выжидательный взгляд.

— Это я уже понял, — усмехнулся Шлиман, — не тяни, даже плохие новости лучше, чем неизвестность.

— Я бы не назвал эту новость плохой, но она многое меняет. Пожалуй, я не буду забегать вперед и начну с самого начала. Сегодня сюда приезжал адмирал Канарис.

— Даже так? Не вызвал к себе, а приехал сам? — чуть изогнул бровь Шлиман.

- Он знает об этом месте, и, похоже, теперь окончательно убедился, что я не зря вбухал столько рейхсмарок в его оборудование. Так что пришлось ему прокатиться сюда.

— Опять что-то, связанное с Нагулиным?

— И да, и нет, — неопределенно качнул головой Рихтенгден. — Адмирал получил очень важную информацию, причем получил лично. Именно это и заставило его приехать ко мне. Способ передачи сведений оказался весьма необычным. С Канарисом связались, используя его домашний радиоприемник. Связь, естественно, была односторонней, но невидимый собеседник прекрасно знал, какие вопросы могут возникнуть у адмирала. После завершения сеанса Канарис немедленно затребовал отчет у службы пеленгации. Ты же знаешь, что в Берлине ни одна рация не может выйти в эфир, не будучи мгновенно обнаруженной.

— И, конечно же, они ничего не слышали, — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Шлиман.

— Абсолютно. Ни один пеленгатор не засек посторонних радиопередатчиков.

— Я могу узнать, что сообщили адмиралу?

— Можешь. Мне поручено заняться этим делом, так что и ты не отвертишься. Канарису очень подробно и аргументированно объяснили, что шифровальная машина «Энигма» совсем не так хороша, как нам это представлялось, и англичане давно читают переписку наших штабов, как открытую книгу. Люфтваффе, кригсмарине, сухопутные войска — всё самое важное из того, что они передают по радио, ложится Черчилю на стол в расшифрованном виде, причем уже не первый месяц.

— Источник не назвался?

— Нет. Сказал только, что он патриот Германии и еще пару ничего не значащих фраз в том же духе.

— Провокация?

— Не похоже. Информация уже проверяется, но у адмирала сомнений в ее правдивости нет. Его собеседник был очень убедителен.

— То есть кто-то непонятный просто взял и слил Абверу достоверную информацию огромной важности, и при этом совершенно неясно, как он сам ее получил и с какой целью передал нам. Я ничего не упустил?

— Ты все понял правильно. А теперь давай уже я задам тебе вопрос. Эрих, тебе это ничего не напоминает? Кто еще из известных нам фигурантов столь же легко получает любую нужную ему информацию, независимо от уровня ее секретности, и немедленно использует ее в своих целях?

— Ну, не любую…

— А ты уверен, что не любую? Впрочем, ты прав. Кое-что скрыть удавалось, именно поэтому я и надеюсь на этот кабинет.

— Русский стрелок? Но зачем ему помогать нам? Он ведь, вроде бы, наш противник. Хотя, подожди… — Шлиман резко подался вперед и впился взглядом в глаза Рихтенгдена.

— Вижу, мы с тобой пришли к схожим выводам, — устало усмехнулся генерал. — Кто нам сказал, что русский стрелок уникален? Таких как он может быть несколько, и, возможно, кто-то из них решил сыграть на нашей стороне. Понять бы еще для чего ему это нужно…

— Господин президент, вы поручили мне взять под личный контроль деятельность генерала Нагулина в Китае и немедленно докладывать вам о любых связанных с ним новостях.

— Да, Гарри, я помню о своей просьбе, — кивнул Рузвельт и оторвал взгляд от очередного министерского отчета.

— Четыре часа назад станции радиоперехвата «Каст» и «Хайпо» зафиксировали интенсивный обмен сообщениями между Главным штабом японского флота в Токио и их базой на Тайване. В течение двух часов интенсивность радиообмена возрастала и в него последовательно включались авиабазы противника в Гонконге, Шанхае и северной части Индокитая. Дешифровка сообщений заняла некоторое время, но результат того стоил. Группа истребителей-бомбардировщиков с опознавательными знаками Китайской Республики вторглись в контролируемое японцами пространство со стороны китайского побережья. Они совершили отвлекающий маневр, имитируя ночной налет на Тайвань, после чего, обогнув остров, настигли в море тяжелый авианосец «Дзуйкаку», следовавший на юго-восток в сопровождении двух эсминцев. В результате предпринятой ими атаки «Дзуйкаку» и один из эсминцев потоплены.

— Я ждал чего-то подобного, — усмехнулся Рузвельт. — Мне с самого начала казалось, что Нагулин не станет размениваться на мелкие локальные операции, а сразу решит показать нам, что мы не зря восприняли его обещания всерьез. Но тяжелый авианосец… Пожалуй, этот молодой генерал еще раз сумел меня удивить.

— К сожалению, не все прошло так гладко, как хотелось бы, — без улыбки ответил Гопкинс. — Японцы знали о предстоящем нападении, и авианосец успел поднять истребители, а эсминцы открыли заградительный огонь по приближающимся советским самолетам. Русские понесли потери. Точных сведений о количестве сбитых машин нет.

— Генерал Нагулин принимал участие в атаке?

— Судя по информации, полученной нашими военными советниками от китайских союзников, Нагулин возглавил ударную группу, атаковавшую «Дзуйкаку».

— Он выжил?

— Его судьба не вполне ясна. Известно, что в бою с японскими кораблями Нагулин не погиб, однако все дальнейшие приказы, исходили не от него, а от генерала Кудрявцева, тоже принимавшего участие в атаке на авианосец. После уничтожения «Дзуйкаку» проблемы русских не закончились. Японцам каким-то образом стал известен маршрут их отхода. В составе группы были поврежденные машины, которые не могли держать высокую скорость, и над побережьем их перехватили истребители противника, однако к русским успело подойти подкрепление, вызванное Кудрявцевым. В воздушном бою с японской стороны принимало участие более двухсот самолетов против примерно шестидесяти советских двухмоторных истребителей-бомбардировщиков.

— Нехороший расклад, — негромко произнес Рузвельт.

— Безусловно. Однако назвать результат боя поражением русских я не могу. Обе стороны понесли большие потери, но отступить пришлось все же японцам. Сейчас советские летчики возвращаются на свой аэродром. Нагулина среди них нет. Наш советник при штабе Чан Кайши пытался выяснить подробности, но генералиссимус не торопится делиться информацией, а возможно, и сам не владеет ей в полном объеме. Известно только, что китайцы послали к месту воздушного боя спецгруппу, составленную из лучших выпускников военной школы Вампу с задачей обеспечить спасение и эвакуацию выживших членов экипажей сбитых русских самолетов. Русские тоже отправили свою группу. Китайский персонал аэродрома по Чунцином, где разместился советский авиаполк, оказался довольно разговорчивым. Они видели, как группа хорошо вооруженных десантников грузилась в транспортный самолет, вылетевший сразу за истребителями, отправленными на помощь авиагруппе Нагулина.

— Так… — Рузвельт с видимым усилием поднялся и сделал несколько шагов по кабинету. Гопкинсу бросилось в глаза, что с момента их последней встречи движения президента стали заметно увереннее. — Что мы имеем в сухом остатке? Русские утопили тяжелый авианосец «Дзуйкаку», понеся при этом потери и вляпавшись в серьезные проблемы при отходе. При этом они сбили неизвестное, но, судя по всему, весьма значительное число японских самолетов, заставив уцелевшие машины противника покинуть место боя. Результатом всех этих событий стало опять

же неизвестное число русских летчиков, оказавшихся на слабо контролируемой китайцами территории, причем с высокой вероятностью в их число входит генерал Нагулин, предположительно получивший в бою ранение неясной степени тяжести. При этом Чан Кайши немедленно предпринял действия, направленные на оказание помощи русским пилотам, направив на побережье своих лучших людей, а мы пока остаемся в стороне. Это нормально?

— Никаких формальных обязательств на такой случай у нас нет, — в голосе Гопкинса не чувствовалось уверенности, — но русские действовали в наших интересах, выполняя и даже, пожалуй, перевыполняя данные нам устные обещания…

— Вот и я о том же, — усмехнулся Рузвельт. — Чан Кайши сразу оценил потенциал русской техники и явно хочет показать Сталину, что Китай может стать надежным союзником. Не думаю, что в этом вопросе мы должны пропускать китайцев вперед. Кроме того, мы совершенно не заинтересованы в гибели генерала Нагулина. «Дзуйкаку» стал только началом, но если вытащить Нагулина не удастся, на этом все и закончится — я абсолютно уверен, что вся китайская миссия Советов держится именно на нем.

— С этим сложно не согласиться.

— Гарри, что у нас есть в этом регионе? Именно у нас, я сейчас не говорю о китайских дивизиях генерала Стилуэлла.

— Только авиация, да и то не самая современная.

— «Летающие тигры»?

— Да. Авиагруппа Клэра Шенно́лта в Куньми́не. Это около шестидесяти истребителей P-40 «Уорхоук». До последнего времени они в основном занимались прикрытием Бирманской дороги и Рангуна. Это все, что мы можем быстро использовать для помощи русским в эвакуации их пилотов из прибрежных районов юго-восточного Китая.

— Гарри, мне нужно, чтобы «Тигры» получили соответствующий приказ уже сегодня, причем как можно быстрее — на счету каждый час.

Очнулся я от назойливого зуда импланта за ухом. Голова продолжала болеть, но это была уже совсем не та боль, от которой я потерял сознание. Я лежал на мерно раскачивающихся носилках — меня куда-то несли, причем явно по пересеченной местности. Судя по тому, что Летра не выдернула меня из забытья раньше, прямо сейчас мне ничто не угрожало. Тем не менее, я не стал торопиться и сразу открывать глаза.

— Тебя и еще пятерых летчиков нашли люди полковника

Лебедева, — поняв, что я пришел в себя, тут же сообщила Летра, — Здесь совершенно негде посадить самолет, а до ближайших китайских частей почти сорок километров, но это не самые большие проблемы. На побережье действует три крупных разведывательно-диверсионных отряда противника. Видимо, Императорский флот готовит очередной десант, и их послали сюда выяснить обстановку. У японцев есть связь с командованием. Два часа назад они получили приказ проверить местность в районе недавно завершившегося воздушного боя, а потом было еще несколько сеансов связи, которые я перехватить не смогла… В общем, на вас отрыта охота, и, если ты ничего не предпримешь, минут через двадцать ваш отряд попадет в засаду.

Не открывая глаз, я вызвал виртуальную карту. Отряд полковника Лебедева двигался среди довольно высоких холмов, покрытых густым южным лесом. Иногда прямо на крутых склонах встречались террасы полей, но выглядели они заброшенными — в местах, которые в любой момент могли захватить японцы, заниматься земледелием китайские крестьяне, похоже, смысла не видели. Да и сами местные жители нам не встречались. Слухи о том, как японские оккупанты обращаются с населением, распространялись быстро, и все, кто мог уйти вглубь страны, снимались с насиженных мест и превращались в беженцев.

Наш отряд, конечно, нельзя было назвать совсем уж ходячим госпиталем, но трое раненых, включая меня, сильно снижали его мобильность. Меня несли Игнатов и Никифоров. Еще одними носилками были заняты руки двух найденных людьми Лебедева пилотов. Третьего раненого нес еще один пилот вместе с радистом, которого по таком случаю освободили от переноски рации.

В лабиринтах то ли сопок, то ли просто высоких холмов, приходилось двигаться в основном по извилистым низинам, поскольку постоянно подниматься и спускаться по склонам с ранеными на руках было крайне затруднительно. Полковник Лебедев в этих местах ориентировался с трудом, и, если бы не китайский проводник, держать нужное направление он смог бы разве что по компасу. А вот японцы чувствовали себя здесь куда увереннее. Зажали они нас довольно грамотно. Два отряда, человек по тридцать в каждом, двигались в пяти-шести километрах позади нас, охватывая группу Лебедева слева и справа, а впереди действительно ждала засада.

Я открыл глаза и встретился взглядом с Леной. Она шла рядом с моими носилками, не забывая внимательно оглядывать заросшие густой зеленью склоны в попытке разглядеть признаки опасности в мешанине ветвей и листьев субтропического леса.

— Там никого нет, я бы почувствовал, — я осторожно попытался улыбнуться, и у меня это даже получилось. Голова не отозвалась вспышкой боли, хотя я на это особо не надеялся.

— Ты как? — Лена порывисто шагнула ко мне и наклонилась над носилками.

Игнатов и Никифоров остановились и вперед, туда, где шел полковник Лебедев, полетел по цепочке бойцов негромкий доклад: «Командующий очнулся». Во как! Ну да, именно «командующий». Командир здесь Лебедев, и мне даже в голову не придет это оспаривать.

— Уже лучше, — я взял жену за руку и слегка приподнялся на носилках. Организм не протестовал. Даже головная боль еще немного отступила, зато рана на голове под плотной повязкой начала дико чесаться.

Бойцы аккуратно опустили носилки на траву. Я медленно поднял руку и ощупал голову. Здоровенная шишка чувствовалась даже через повязку, но, судя по всему, проломить кость осколку не удалось. Крепкие черепушки делают в Шестой Республике.

— Товарищ генерал-полковник… — это уже Лебедев, как всегда бесшумно нарисовавшийся рядом с нами.

— Спасибо, что вытащили, — я окинул взглядом бойцов отряда. — Кроме меня еще кого-то нашли?

— Пять человек. Двое ранены. Несем на носилках, — четко доложил Лебедев, — до мест, откуда нас смогут эвакуировать, километров пятьдесят по этим холмам. Час назад был последний сеанс связи с аэродромом. От полка осталась половина, но и японцев накрошили будь здоров, у берега все холмы обломками их истребителей усеяны. Думали кого-то из японских пилотов в плен взять и допросить, а выживших нет — не берут они с собой парашюты.

— Спокойно дойти нам не дадут, — я аккуратно сел, остановив жестом руки попытавшегося было возразить Лебедева. — Здесь вокруг полно японцев. Проводят разведку местности перед планируемым десантом. О нашем отряде они уже наверняка знают, так что скоро следует ждать гостей.

Меня слегка мутило, но в целом организм ограничивался лишь намеками на то, что неплохо бы еще часов десять полежать в отключке вместо того, чтобы изображать из себя горного к… нет, не хочу, пусть лучше будет какая-нибудь панда. Или они в этих холмах не живут?

Я медленно поднялся. На этот раз никто не пытался меня остановить. Если старший по званию считает, что уже готов встать в строй, так это только его решение и лезть с советами лишний раз не следует, если ты не доктор, конечно.

— Мне нужно подняться на эту вершину, — я указал на лысую верхушку ближайшей сопки по ходу движения. Ну как лысую… Там не росли деревья, зато трава и кусты вполне себе имели место, но обзор оттуда явно открывался получше, чем из низины.

— Игнатов, Никифоров, Нагулина, поступаете в распоряжение командующего, — не задавая вопросов, распорядился Лебедев. — Остальным продолжить движение.

Если бы я действительно полагался только на собственный слух, пусть даже уникальный, вряд ли мне удалось бы что-то разобрать в какофонии воплей местной живности, бурно радовавшейся жизни и азартно кушавшей друг друга в кронах кустов и деревьев, однако с вершины сопки кое-что удалось рассмотреть, даже не прибегая к услугам Летры.

По дну узкой долины, открывшейся нашему взгляду, телка неширокая и достаточно спокойная река с сильно заросшими берегами. Кроны деревьев местами почти смыкались над водой, но кое-где имелись и просветы.

— Левый берег, три с половиной километра, прогалина в зарослях.

Солнце стояло высоко и светило нам в спины, так что бликов оптики можно было не опасаться, и Лена поднесла к глазам бинокль.

— Трое. Похоже, японцы. Тоже вышли осмотреться. Винтовка «Арисака-38», ручной пулемет «Тип 99»… а это еще что такое? — Лена протянула мне бинокль, но я лишь отрицательно качнул головой.

— Пистолет-пулемет «Тип 100». Экзотика. В регулярных войсках пока почти не встречается, но небольшими партиями выпускается уже больше года.

— Похоже, серьезные ребята, — негромко произнес Никифоров.

— Их там не меньше трех десятков, и это не единственный отряд.

— Корф, ты не находишь, что эти китайские самолеты оказались какими-то уж слишком крепкими и злыми?

— Их осталось не так уж много, — пожал плечами зам по вооружению.

— Но и японцы потеряли почти две сотни истребителей. Четыре к одному!

— Когда в бою встречаются машины разных технологических поколений, бывает и хуже.

— Вопрос в том, откуда они здесь взялись? — раздраженно

произнес командир эсминца. — Что-то мне подсказывает, что тут не обошлось без передачи аборигенам кое-каких наших технологий зараженными с базы на спутнике. Вычислитель, мне нужна оценка вероятности вмешательства.

— В моей базе знаний отсутствует алгоритм анализа подобных ситуаций. Для этого нужен специализированный пакет нейронных сетей. Им оснащаются только научные станции в системах, принадлежащих слаборазвитым цивилизациям.

— То есть у этих, на спутнике, такой пакет есть?

— Должен быть, но только при условии, что центральный вычислитель базы уцелел.

— Значит, сказать, передавали ли они аборигенам технологии ты не можешь?

— Не могу, но в юридической базе данных есть пакет инструкций для научных баз, подобных этой. Им запрещено вмешиваться в развитие изучаемых цивилизаций.

— Ты что, не видишь, что творится? Они же зараженные! Плевать они хотели на любые инструкции!

— У меня нет ни данных, ни алгоритмов для ответа на ваш вопрос и оценки достоверности ваших утверждений. Это выходит за рамки моего функционального предназначения.

-Бессмысленное железо, — немного остывая, ругнулся Хирч.

— Командир, разрешите…

— Слушаю, — Капитан-лейтенант перевел взгляд на начальника инженерной службы.

— Мне представляется, что дело тут не только и не столько в технических характеристиках этих самолетов, сколько в том, кто руководит действиями пилотов и наводит их на цели. Наш вычислитель, конечно, может ответить далеко не на любой вопрос, но, если двигаться последовательно и не грузить его слишком сложными задачами, требующими творческого подхода, он может оказаться весьма полезным.

— Можно ближе к делу, лейтенант?

— Вводная часть уже закончилась, командир. Так вот, я провел анализ действий китайских летчиков в ночном бою с японскими кораблями, и результат получился очень интересным. Во-первых, эти машины не оснащены радиолокаторами, а значит, найти в ночном море авианосец и эсминцы они бы просто не смогли. Никак! Это натолкнуло меня на мысль, что наши оппоненты все же передают диким зараженным какую-то информацию, причем поддерживают они противников Японии.

— Допустим, — кивнул Хирч, — продолжайте.

— А дальше я попытался понять, могли ли текстовые «советы с орбиты» помочь китайским летчикам потопить авианосец и

один из эсминцев? И ответ получился однозначным: не могли! Можно вывести авиагруппу на цель, но как помочь пилотам в условиях ночи попасть свободнопадающими бомбами в интенсивно маневрирующий корабль при активном противодействии зенитной артиллерии и авиации? Ответ, на самом деле, очень прост. Это можно сделать только находясь в кабине ведущего бомбардировщика и имея возможность пользоваться всеми техническими средствами сканирования, позиционирования и наведения, предоставляемыми спутниковой группировкой.

В помещении командного поста эсминца повисла тишина. Хирч некоторое время молча смотрел на начальника инженерной службы, после чего усмехнулся и встал с кресла.

— Вы хотите сказать, что кто-то из персонала научной базы действует на поверхности планеты?

— У меня нет другого объяснения тому, что мы видели, — по голосу и выражению лица инженера чувствовалось, что он искренне убежден в верности своих выводов, — да и дальнейшее поведение китайских пилотов говорит в пользу этой версии. Один из их самолетов, причем, заметьте, именно он возглавлял ночную атаку, получил значительные повреждения и не мог держать скорость всей группы. Военная целесообразность требовала оставить поврежденную машину и уходить на максимальной скорости. В крайнем случае можно было выделить один-два истребителя для сопровождения попавшего в неприятную ситуацию товарища до китайского берега. А что сделали они? Поступили в точности наоборот! Отправили на аэродром только самолеты, имевшие незначительные повреждения, а остальная группа осталась охранять единственный с трудом летящий самолет. Мало того, вскоре им на помощь прибило еще полсотни истребителей-бомбардировщиков! Потом они без всяких сомнений вступили в бой с трехкратно превосходящими силами японцев и упорно обороняли участок берега, над которым катапультировался пилот того самого поврежденного самолета. Кстати, именно он уложил в «Дзуйкаку» первые две бомбы, наведя на цель остальную группу.

— Очень любопытно… — Хирч заложил руки за спину и сделал несколько шагов, задумчиво глядя на голографическую проекцию Тихоокеанского региона планеты, — И где он сейчас?

— За сбитыми в воздушном бою пилотами прибыла группа парашютистов, десантировавшихся с транспортного самолета. Они нашли несколько выживших летчиков и сейчас движутся по труднопроходимой местности вглубь континента. Скорость движения невелика, у них трое раненых.

— Нашего главного фигуранта они нашли?

— Скорее всего, да, иначе они бы до сих пор обшаривали побережье. Вероятно, это один из раненых, которых они несут на носилках.

— Я полагаю, японцам будет очень интересно узнать, что у них все еще есть шанс добраться до виновника их последних неприятностей, — усмехнулся Хирч, — а мы понаблюдаем. Если это и впрямь зараженный с научной базы, он не даст им себя сожрать, но при этом будет вынужден засветиться. Ваша версия, лейтенант, кажется интересной, вот только, не проверив ее еще раз, я не стану рисковать людьми, нас и так слишком мало. А вот если ваши предположения подтвердятся, нужно будет заполучить этого зараженного к нам в гости и с соблюдением всех необходимых предосторожностей плотно побеседовать с ним о том, что здесь произошло и почему крейсер «Адмирал Кун» сейчас печально вращается вокруг спутника этой убогой планетки в виде космического мусора. Думаю, он многое знает о том, какие системы противокосмической обороны сохранились на спутнике и есть ли там боеспособные корабли.

— Неужели и для нас появится работа? — невозмутимо произнес командир десантной секции. — А я все думал, как же это получается, что сценарием учений не предусмотрено задач для моих людей. Катаемся пассажирами и сходим с ума от скуки в бесконечных тренировках…

— Готовьте десантный бот, лейтенант Кри. Проверка проверкой, но я почти уверен, что наш инженер прав — работа для вас действительно вырисовывается, причем непростая. Корабль я в систему не поведу. Выйдем из прыжка за пределами внешнего пояса астероидов, а дальше вам придется идти своим ходом в режиме максимальной маскировки.

— Неделя в этой консервной банке? — усмехнулся командир десантников, — мои парни засиделись на корабле и готовы хоть месяц провести в десантном боте, лишь бы потом появилось хоть какое-то разнообразие. Разрешите приступить к подготовке?

— У меня сложилось впечатление, что японцы сами решили нам показаться. Это загонщики. Они хотят, чтобы мы не задерживались и ломились вперед, пытаясь от них оторваться, — сообщил я Лебедеву в конце рассказа о том, что мы увидели с верхушки сопки. — Впереди наверняка засада.

Карта у Лебедева имелась, но ее качество, мягко говоря, оставляло желать. Начать с того, что она пестрела иероглифами. Стоило полковнику раскрыть планшет, как откуда-то из-под его руки вынырнул наш низкорослый китайский проводник, впился

взглядом в мешанину изогипс, условных значков и подписей и ткнул пальцем в некую точку.

— Мы стес! — гордо произнес китаец и растянул губы в улыбке.

— Спасибо, товарищ Лян, кивнул полковник.

Летра немедленно наложила на изделие китайских картографов сетку понятных мне обозначений и с помощью режима дополненной реальности отметила расположение японских отрядов, ну а я, конечно же, сразу облек эту информацию в слова и озвучил ее Лебедеву, щедро сдобрив свои откровения всяческими «вероятно», «по моим прикидкам» и «я бы на месте противника…». Китаец, кстати, наше местоположение указал достаточно точно.

Ситуация быстро менялась, и если еще час назад назад я считал, что три японских отряда — это всё, что нам угрожает, то теперь стало очевидно, что японцы решили ни при каких обстоятельствах не дать нам уйти.

Судя по наличию на китайском берегу сразу трех разведывательно-диверсионных групп, Императорский флот готовил масштабную десантную операцию, и нас угораздило попасть как раз в район, запланированный японцами для высадки. История с потоплением «Дзуйкаку» и последующим воздушным сражением взбудоражила командование противника и заставила его ускорить подготовку операции. Корабли с морской пехотой, конечно, не могли подойти к китайскому побережью в столь сжатые сроки, но у японцев имелись и воздушно-десантные силы, причем отдельно флотской и армейской подчиненности. И сейчас армейские «тэйсин сюдан» уже грузились в транспортные самолеты на аэродроме Карасех*а*ра в восточной части острова К*ю*сю, а морские «кайгун кутэй» готовились к вылету с базы Йок*о*суга на берегу Токийского залива.

— Иван, разворачивай рацию, — приказал Лебедев, — без поддержки с воздуха мы тут и пары часов не продержимся. Группе занять круговую оборону на склонах холма, с которого были замечены японцы. На вершину не лезем. Если противник наведет на нас авиацию, она станет очень удобным ориентиром.

Полковник делал все правильно, и в сложившейся ситуации я тоже не видел других решений. Прорыв через ждавшую нас впереди засаду в узком ущелье, зажатом довольно крутыми склонами холмов, был чреват большими потерями, а попытка ее обойти скорее всего закончилась бы боем на неподготовленной позиции с непредсказуемым результатом. Мятежники снабжали японцев информацией о наших действиях, и я ничего не мог с этим поделать, так что двигаться дальше мы могли только после

того, как генерал Кудрявцев расчистит нам путь.

Проблема заключалась в том, что после воздушного сражения над китайским побережьем у Кудрявцева осталось меньше двух десятков боеспособных самолетов. Нет, вернулось из боя гораздо больше машин, но многие из них имели повреждения и до их устранения не могли участвовать в вылетах. Теоретически, этого могло хватить. В конце концов, выжечь бомбами объемного взрыва японскую засаду и преследующие нас отряды не слишком сложная задача для летчиков, точно знающих, где находится противник и в какой именно момент нужно сбрасывать бомбы. Другое дело, что японцы наверняка не станут сидеть на месте и ждать, когда им прилетит подарок с небес. Они начнут активно перемещаться, могут решить рассеяться или даже предпримут атаку, чтобы максимально приблизиться к нашим позициям, делая любой удар с воздуха крайне рискованным мероприятием. То есть поддержка авиации нам нужна не в виде разового бомбового удара, а на постоянной основе. Мы сможем относительно безопасно двигаться вперед только если над нашими головами все время будут висеть «Илы» Кудрявцева, мгновенно реагируя на любые наземные или воздушные угрозы. А вот на такую поддержку у генерал-майора сил может не хватить.

— Первая пятерка будет над нами через тридцать минут, — доложил Лебедев. — Трое с бомбами, двое в чисто истребительном варианте. Парни уже выруливают на взлет. Через час их сменит следующая пятерка, ну и дальше в том же порядке. Движение возобновим, как только увидим наши самолеты.

Огневой контакт с противником начался с выстрела Лены, снявшей неосторожно высунувшегося на берег реки японца. Поняв, что обнаружены, разведчики противника затаились в зарослях. Ответных выстрелов не последовало.

Пауза длилась минут десять, после чего отметки вражеских солдат на виртуальной карте пришли в движение, причем в сторону наших позиций все три японских отряда двинулись почти одновременно. У меня и раньше не было сомнений в том, что их действия координируются по радио, но теперь это стало совсем уж очевидным фактом, причем глушить японские передачи у Летры не получалось. Мятежники использовали ретрансляцию сигналов через свои дроны на орбите, защищая их средствами радиоэлектронной борьбы, не уступавшими по классу аппаратуре, установленной на наших научных сателлитах.

Из всех возможных вариантов японцы выбрали самый неприятный для нас — немедленную атаку всеми силами. В принципе, вполне ожидаемо. Это очень в их духе, прям в стиле кодекса бусидо в его современном толковании. Только нам от

этого как-то не легче. Если не считать раненых, то против почти сотни самураев, явно не впервые оказавшихся в этих местах, у нас десять диверсантов Лебедева, неплохо подготовленных, но не сказать чтоб особо привычных к боевым действиям в холмах, поросших субтропическим лесом, плюс трое летчиков, вообще не имеющих необходимых навыков, ну и я, которого сложно отнести к какой-либо категории. Видимость плохая, подобраться незамеченным противник можно довольно близко, а в ближнем бою почти все решает численность и плотность огня. Значит, будем мешать врагу приблизиться. Все же придется мне лезть на самую вершину, иначе между позициями не набегаешься.

— Капитан Нагулина, за мной!

Лена снайпер, и лучшая позиция для нее — рядом со мной, поскольку я тоже собираюсь вспомнить Умань и снова поработать по этой воинской специальности. Вершина холма утыкана какими-то кочками и вся заросла высокой травой, местами весьма колючей и обожающей цепляться за одежду. Есть и кусты, то есть удобных мест для пары снайперов более чем достаточно.

Японские отряды встретились, сомкнули фланги и теперь стягивают кольцо. Командиры подгоняют солдат. Они явно знают о том, что скоро здесь будут наши самолеты и хотят к этому моменту если и не завершить бой решительной победой, то сцепиться с нами на такой дистанции, которая сделает невозможной воздушную атаку. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что японские летчики тоже получили соответствующие приказы, и четверка армейских И-1 «Сокол» окажется над нами даже раньше машин Кудрявцева, а вот бомбардировщики и транспортники с воздушным десантом подтянутся заметно позже. Ну да ладно, сейчас не до них. Что я там сам себе говорил про плотность огня? Вот он, японский пулеметчик. Пыхтит, пробираясь вверх по склону через колючую растительность. Думает, с наших позиций его не видно. Правильно думает, только сканерам орбитальных сателлитов, да и моим имплантам ветки и листья не сильно мешают…

Выстрел! Солдат падает и катится вниз по склону. Пулемет кувыркается вслед за ним. Я, вообще-то, не в него целился, а именно в пулемет, но пуля, видимо, чиркнула где-то об толстую ветку и слегка отклонилась. Выстрел! Утыкается лицом в склон офицер. Нет командира — нет энтузиазма у подчиненных. Смена позиции.

— Лена, добавь им туда десяток пуль. Плевать, что не видно ничего. Просто пусть поумерят пыл.

Чуть ниже по склону выдает несколько скупых очередей пулемет Никифорова. Патроны лейтенант бережет, но рисунок

боя понятен и ему — подпускать японцев близко нельзя ни в коем случае. Выстрел! На этот раз офицер только ранен, но это даже к лучшему — японцы командира не бросят.

У противника есть легкие минометы. Стрелять из них в зарослях они, конечно, не будут, но с берега реки или с небольшой лесной поляны вполне могут попробовать нас накрыть. Да и не просто могут, а уже собираются… Выстрел!

— Лена! Берег реки. На три часа позиция минометчиков!

— Работаю.

Выстрел! Японцы упорны и практически лишены чувства страха. Это как же надо промыть людям мозги, чтобы они искренне стремились умереть на поле боя? Стремились к смерти в бою сильнее, чем к победе! Старинный кодекс самураев такого, кажется, не требовал, а вот его современное прочтение, похоже, несколько изменило суть и смысл древнего учения.

Кольцо продолжает сжиматься. Это не обычная японская пехота, способная растеряться при гибели командира. Перед нами тренированные бойцы-диверсанты, умеющие действовать в подобных ситуациях. Оба наших пулемета бьют, уже не жалея патронов. Японцы отвечают в основном из винтовок, за их пулеметчиками я стараюсь внимательно приглядывать и пресекать их попытки прижать нас к земле. Успеваю, правда, не всегда. Выстрел! Трещат японские автоматы. Их у противника немного, но в ближнем бою и они могут наделать дел. Переключаюсь на них, но времени уже нет, на горизонте появляются новые цели.

В воздух взлетают сигнальные ракеты — на подходе истребители противника, и японцы обозначают для пилотов «Соколов» свои позиции и направление атаки. Воздушные цели заметно более опасны, чем японские автоматчики, и я переключаюсь на них. Привычное покалывание в ладонях подсказывает что биоимпланты успешно взяли на себя часть работы по наведению оружия на цель. Выстрел! Сюда бы сейчас тяжелый пулемет ДШК с его калибром двенадцать и семь и бешеной скорострельностью, но с таким же успехом я мог бы пожелать и счетверенную зенитную пушку. Впрочем, автоматическая винтовка Токарева АВТ-40 — тоже очень неплохая штука в умелых руках. Японские истребители не имеют брони. Защита летчика принесена в жертву скорости и маневренности самолета, а значит, моя цель — кабина пилота. Выстрел!

Два потерявших управление и врезавшихся в землю «Сокола» заставляют оставшуюся пару японцев отвернуть от цели в попытке понять, откуда по ним ведется губительный огонь. Я

сразу переключаюсь обратно на приближающихся солдат противника. Снова возвращаться к воздушным целям мне уже не приходится — над вершиной холма проносится стремительный силуэт «Ила». Пилоты Кудрявцева прибыли очень вовремя, вот только их прискорбно мало. Стоп, а это что за чудо?

— Летра, доклад! Откуда на юго-западе дружественные метки?

— Не отвлекайся. Это авиагруппа Клэра Шеннолта «Летающие тигры». Американцы. Тебе привет от мистера Рузвельта.

— Их же сейчас наши за японцев примут и рвать начнут!

— Не начнут. Шеннолт согласовал свои действия с Кудрявцевым через штаб Чан Кайши.

Рядом со мной падает в траву радист Лебедева.

— Товарищ командующий! На связи генерал Кудрявцев. Запрашивает цели для американских союзников.

— Давай сюда! — мое лицо расплывается в хищной улыбке. — Генерал, здесь Нагулин!

— Товарищ командующий, американцы просят указать цели.

— Пусть перекроют подходы с северо-востока. Я жду оттуда транспортные самолеты с японским воздушным десантом в сопровождении истребителей. Оттуда же могут подойти и бомбардировщики. Японцы готовят большую десантную операцию, и это ее начало. Пусть союзники ими займутся. Нам здесь только парашютистов не хватало, от местных-то энтузиастов с трудом отмахиваемся.

— Принял, — отвечает Кудрявцев и отключается, а я перевожу взгляд на радиста.

— Иван, с «Илами» связаться можешь? Надо навести их на наземные цели, пока новые истребители не налетели. Предыдущих-то они, вроде, уже разогнали.

Какими бы сильными духом ни были японцы, но предел прочности есть у всех. Бомбы объемного взрыва и пушечные очереди в спину заставляют их прекратить атаку и начать беспорядочный отход. Дорога впереди свободна.

У нас еще пятеро раненых, из которых троих нужно нести. Вот теперь мы точно ходячий госпиталь, однако сидеть на месте нельзя. Мы спускаемся с холма и идем вдоль русла реки. «Илы» уходят в направлении Чунцина для дозаправки и пополнения боезапаса, но их тут же сменяет другая пятерка. Минут через тридцать низко над нами пролетает американский P-40 «Уорхоук», тянущий за собой хвост черного дыма. Немного в стороне виден еще один поврежденный самолет — союзники явно не скучают. Надо будет непременно передать мистеру Рузвельту

мою искреннюю благодарность за своевременную помощь и слетать в Куньмин в гости к «тиграм» вместе с моими орлами. Будем проставляться и крепить боевое братство.

— К вам гости, — в явно повеселевшем голосе Летры я слышу легкую усмешку.

Разворачиваю перед глазами виртуальную карту и вижу еще несколько дружественных отметок прямо по ходу движения отряда. Вот уж не ожидал! Мы все еще идем по берегу реки, а километрах в семи выше по течению нам навстречу движутся четыре больших моторных лодки самого странного вида. Я даже не знаю, как назвать эти конструкции, но, судя по всему, здесь ЭТО считается боевыми катерами. Вон даже пулеметы на носовых оконечностях видны.

— Это китайцы, — поясняет Летра. — Спецназ Чан Кайши спешит на помощь союзникам.

Капитан-лейтенант Хирч оторвал взгляд от тактической голограммы, воспроизводившей запись недавно завершившегося боя. Все девять мини-дронов, выпущенных на орбиту планеты дикарей автоматическим разведчиком, собрались над побережьем восточно-китайского моря, так что сражение удалось рассмотреть во всех подробностях.

— У кого-то еще есть сомнения? — Хирч обвел взглядом офицеров эсминца.

— Ни малейших, — ответил за всех зам по вооружению. Так стрелять из примитивного ручного оружия по быстро движущимся, а зачастую и вообще закрытым листвой целям может только боец, имеющий биоимпланты и прямую связь с орбитальной группировкой. У диких такого не может быть в принципе.

— И он там один, это тоже очевидно, — добавил старший инженер.

— Лейтенант Кри, ваши люди готовы? — Хирч развернулся к командиру десантной секции.

— Готовы, командир, и ждут только приказа.

— Командуйте лейтенант. Разработка плана захвата объекта лежит полностью на вас. Дроны на орбите будут работать исключительно в интересах вашего отряда. Покинуть эсминец вы должны немедленно после нашего выхода из прыжка на границе внешнего пояса астероидов. Сбросив бот, корабль отойдет глубже в космос и вернется к границам системы только чтобы подобрать вас после выполнения задачи. Вопросы?

— Разрешите выполнять!

— Разрешаю, — кивнул Хирч и развернулся к первому

пилоту. — Расчет прыжка готов?

— Можем начинать разгон, командир.

— Приступайте. Пора внести ясность в то, что здесь происходит.

Глава 5

— Товарищ Сталин, на Ленинградском фронте противник применил новые танки, — маршал Жуков решил начать доклад с наиболее тревожной новости. — Немцы сумели нас неприятно удивить. Вперед эти тяжелые машины не лезли. Заняли позиции на склонах высот примерно в километре от наших окопов и поддерживали свои более легкие танки и пехоту. Ни сорокопятки, ни 57-миллиметровые ЗИС-2, ни танковые пушки Т-34 их с такого расстояния не берут, зато сами они пробивают броню наших танков без всяких проблем. Остановить атаку противника удалось только массированным применением штурмовой авиации, но первую линию обороны немцы все же прорвали.

— Что еще известно об этих танках? — Сталин тяжело взглянул на маршала.

— По самой приблизительной оценке весят они больше пятидесяти тонн. Толщина брони в лобовой части корпуса вряд ли меньше ста миллиметров, иначе немцы не вели бы себя так нагло. Калибр пушки около девяноста миллиметров. Скорее всего, это модернизированный вариант 88-миллиметровой зенитки. Ходовые качества сопоставимы с Т-4, хотя маневренность, пожалуй, похуже.

— Сколько их было?

— Четыре машины. Думаю, это только начало. Товарищ верховный главнокомандующий, войскам срочно требуются эффективные средства борьбы с новой техникой противника. Мы ожидали, что немцы сделают что-то в противовес нашим КВ и Т-34, но такого всё же предположить не могли. Возможно, с их броней справятся 85-миллиметровые зенитные пушки, но это крайнее средство — их и так вечно не хватает для противовоздушной обороны.

— Товарищ Жуков, ознакомьте с этой информацией товарищей Морозова и Устинова. Сегодня вечером мы еще раз вернемся к этому вопросу, а пока продолжайте доклад. Меня интересует, как идет подготовка к наступлению на Киев.

Мы все дальше продвигались на запад. При всей сомнительной боевой эффективности китайских речных катеров помощь людей Чан Кайши оказалась очень кстати. Нас разместили на палубах, и раненые, наконец смогли отдохнуть от постоянной тряски. Кроме того, их немедленно осмотрел пожилой китаец, представившийся нам полевым хирургом. Врач относительно сносно говорил по-русски. Во всяком случае, понять

его было можно. Оказав необходимую помощь наиболее тяжелым пациентам, он занялся мной.

Китаец аккуратно снял повязку, осмотрел рану, что-то осторожно ощупал, наблюдая за моей реакцией, и лишь молча покачал головой. Обработав рану и вновь наложив повязку, доктор уселся напротив меня на низкую скамью и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Как фы сепа чуфстфуэтэ?

— Заметно лучше, чем сразу после ранения, — я слегка пожал плечами.

— Кокта это случилос? — китаец указал глазами на мою рану.

— Ночью. Зенитный снаряд взорвался рядом с кабиной моего самолета.

— Фы летчик?

— Да.

— И фы послэ этоко фели самолет?

— С большим трудом, если честно. Пару раз терял сознание, но ненадолго. Дотянул до берега и выпрыгнул с парашютом.

— Я фител расные раны, молотой челофэк… — китаец на несколько секунд замолчал и отвел взгляд в сторону. — Сейчас фсё фыклятет неплохо, но я хорошо понимает, как пыло ф началэ. Послэ таких утароф по колофе не фышифают.

— Теперь вы знаете, что из этого правила бывают исключения, — я устало улыбнулся.

— Я сэйчас, — доктор с удивительной для его возраста проворностью поднялся и скрылся за небольшой надстройкой.

Буквально через пару минут он вернулся вместе с командиром китайского отряда.

— Фам нушно срочно лэч и нахотицца ф пакое как мошно долшэ, — категорично заявил доктор, — Майор Хань Дунфан настоятелно просит фас пройти ф ефо каюту. Стес ушэ песопасное место, а фам нушно лэшат.

Еще раз бросив взгляд на виртуальную карту, я убедился, что в ближайшее время нам действительно ничто не угрожает, разве что местное плавсредство прямо сейчас решит, что слишком устало от этой жизни и распадется на части без видимых причин. А вот полежать в относительной тишине, и чтоб никто не отвлекал, мне действительно было бы неплохо…

— Переведите товарищу майору, что я очень ценю помощь, оказанную нам его отрядом, — кивнул я доктору, — и с удовольствием воспользуюсь его предложением.

Каютой этот закуток в средней части катера назвать можно было лишь с очень большой натяжкой, ну так и не на океанском

лайнере я в данный момент находился. Крохотное помещение едва вмещало узкую койку и столь же минималистичную тумбочку, чья верхняя крышка заодно служила и неким микроскопическим подобием стола. Выход был задернут занавеской, явно видавшей лучшие времена. Впрочем, все это меня совершенно не волновало.

— Я бы на твоем месте не расслаблялась, — заявила Летра, как только я улегся и закрыл глаза. — Нет, поспать тебе сейчас, конечно, будет полезно…

— Успею еще. Я и так лежу неподвижно, так что условия для восстановления организма созданы. Давай, излагай свои соображения.

— Ты засветился. Теперь мятежники знают о том, что на планете действует кто-то с Лунной базы. Знают они и то, что здесь, в Китае, ты, скорее всего, один. И еще им очевидно, что по каким-то причинам ты вынужден использовать только оружие местного производства.

— Не буду спорить. Есть соображения по их дальнейшим действиям?

— Это не ко мне. Настоящая Летра, возможно, смогла бы предсказать их шаги, а меня решению таких задач сначала обучить нужно, причем желательно на многих десятках тысяч уже принятых кем-то заведомо правильных решений.

— Ну да, ты так хорошо подражаешь моей бывшей подруге, что я иногда забываю, что ты все-таки не она.

— Вот подражать я умею действительно хорошо, — в моей голове прозвучал тихий смешок, — я ведь кто? Искусственный интеллект имитационного типа. А других пока никто и не придумал. Могу имитировать человеческое поведение с точностью до мельчайших нюансов, а вот любые креативные задачи мне удается решать только тогда, когда у меня есть соответствующий алгоритм или пакет качественно обученных нейронных сетей нужного профиля, причем очень узкого профиля, к сожалению.

— Да, я помню. Давай тогда зайдем с другой стороны. Я буду высказывать предположения, а ты станешь искать в них логические ошибки.

— Пока не очень понятно, как это будет происходить, но давай попробуем, — в голосе Летры прорезалась заинтересованность.

— Начнем с того, что мы уже и так знаем почти наверняка. Где-то за границами Солнечной системы дрейфует эсминец «Консул Пран» со свихнувшейся командой. Их цель — уничтожение Лунной базы, уцелевших «зараженных» из числа ее

персонала и «диких зараженных» на планете. Прямой силовой подход они применять не хотят. Предположительно, их останавливает возможное наличие у нас уцелевших систем противокосмической обороны.

— Стоп. Их автоматический разведчик и мини-дроны на орбите не подверглись атаке с нашей стороны. Из этого можно сделать вывод об отсутствии у нас возможности уничтожать такие цели.

— Вывод сделать можно, но уверенности в его правильности у командира эсминца не будет. Использовать тяжелые противокорабельные ракеты против этой мелочи нет никакого смысла. Дроны и разведчик, по большому счету, для базы угрозы не представляют, и засвечивать позиции систем ПКО ради них никто бы не стал. Кроме того, если бы у нас действительно было чем встретить эсминец, мы бы все равно сидели тихо и ждали, когда он сам сунется в зону действия наших ракет. Уничтожение корабля мятежников разом решило бы все наши проблемы, так что то, что мы не трогаем этих мелких нарушителей нашего спокойствия ни о чем противнику сказать не может.

— Возражение принято. Продолжай.

— Мятежники начали снабжать тактической и стратегической информацией Японию и Германию. Зачем? Какую пользу для себя они хотят из этого извлечь? У меня есть единственная версия. Вычислитель эсминца оценил экономический и военный потенциал сторон, участвующих в войне, и пришел к выводу, что Германия и Япония неизбежно проиграют, даже несмотря на то, что к настоящему моменту они оккупировали немалые территории, ранее подконтрольные их противникам. Мировая война на Земле выгодна мятежникам, она решает одну из их задач. Поражение стран Оси и прекращение боевых действий будет для них нежелательным развитием событий. Значит, войну нужно всячески стимулировать и поддерживать, искусственно восстанавливая равновесие сил сторон, чем мятежники и пытаются заниматься.

— Не вижу изъянов в этом предположении, — пару секунд подумав, произнесла Летра, — в их ситуации это самое простое решение, не подвергающее риску эсминец. Тем не менее, это слабый ход. Только поддерживая японцев и немцев, мятежники свою задачу не решат.

— Все верно. Поехали дальше. Сегодняшний бой дал противнику новую информацию, а вместе с ней и новые возможности. Для принятия решения о том, может ли «Консул Пран» безопасно для себя приблизиться к Земле, им не хватает сведений о состоянии оборонительных систем Лунной базы. Как

эту информацию можно получить? Попытка спровоцировать нас на применение силы против их разведки результата не дала, но сегодня им стало известно, что на планете присутствует кто-то из персонала Лунной базы. Может этот кто-то обладать нужной информацией?

— Не просто может, а почти наверняка обладает, — не стала спорить Летра.

— И что нужно, чтобы он этой информацией поделился?

— Задать ему соответствующие вопросы в обстановке, не располагающей к отказу на них отвечать, — из голоса Летры напрочь исчезла легкая игривость, отчетливо слышавшаяся в ее словах в начале обсуждения.

— И вот теперь самое интересное. Насколько я знаю, на эсминцах есть десантная секция. В силу специфики службы я как-то не очень интересовался деталями этого вопроса. У тебя есть более подробная информация?

— Не слишком много, но кое-что в базе данных имеется. Эсминцы в десантных операциях участвуют только в качестве кораблей прикрытия, и десантников у них на борту немного. Скорее, это противодиверсионная или, если хочешь, контрабордажная команда. Они нужны для охраны корабля при стыковке с коммерческими пустотным объектами для дозаправки или мелкого ремонта, который адмиралтейство иногда поручает внешним подрядчикам. Обычно десантная секция состоит из четырех-пяти бойцов. Командует ими, как правило, лейтенант, но иногда бывает, что и унтер-офицер. В их распоряжении один десантный бот и комплект пехотной брони и стрелковых комплексов среднего класса. Снабжаются такие подразделения почти всегда по остаточному принципу, то есть ничего современнее предпоследнего поколения у них точно нет, да и служат там обычно либо совсем зеленые новобранцы, либо опытные, но где-то сильно накосячившие бойцы, ценность которых в боевых десантных подразделениях сомнительна.

— По броне, средствам маскировки и оружию более подробные данные есть?

— Конкретно по «Консулу Прану» данных нет, но список того, что у них в принципе может быть в наличии, я тебе скинула на имплант.

— Они смогут высадиться на Землю незамеченными?

— До выхода на орбиту я их точно не увижу, а вот дальше… Сложно сказать. Неизвестно, какие системы маскировки у них установлены и в каком они состоянии. Ты же помнишь, в каком виде сюда прибыл малый разведчик.

— Хорошо. Допустим, что засечь их не получилось. Что

дальше?

— Дальше они определяют твое местоположение с помощью дронов на орбите, прилетают в нужную точку и осуществляют силовой захват. Это самый простой и очевидный сценарий.

— Не слишком разумно. Я бы на их месте перед местными светиться не стал.

— Почему? Какое им дело до аборигенов?

— Столь откровенное вмешательство третьей силы, явно очень опасной для всей цивилизации, может привести к непредсказуемым последствиям вплоть до прекращения междоусобной войны и объединения бывших противников перед лицом внешней угрозы. Этого мятежникам точно не нужно.

— Не вполне очевидно, но логика присутствует, — с ноткой сомнения в голосе согласилась Летра. — Хорошо, допустим. Тогда они должны выбрать удобный момент и захватить тебя, не афишируя свои действия. Это несколько усложнит десантникам задачу, но никаких непреодолимых трудностей им не создаст.

— Что-то из имеющегося на земле оружия может представлять для них опасность?

— До высадки они в полной безопасности. Сбить бот точно не получится. Никакие радиолокаторы его не увидят. Летит он почти бесшумно, так что звукоулавливатели тоже не помогут. Увидеть бот невооруженным глазом или с помощью оптики можно только метров с пятидесяти, да и то он будет сильно расплываться. Ну а даже если в него что-то случайно прилетит, пробить защиту оно точно не сможет. Силовой щит у бота, конечно, слабенький, но любой местный снаряд отразит без проблем.

— Ну, рано или поздно они бот покинут…

— Безусловно, но могут оставить кого-то внутри, хотя вряд ли — их и так немного.

— Что мы можем противопоставить их пехотной броне и стрелковым комплексам?

— Да ничего, по сути. Все системы, которые способны нанести им хоть какой-то урон, они засекут задолго до того, как окажутся в зоне действия их огня.

— А вот с этого места поподробнее, пожалуйста. У нас все равно нет плазменных пушек, так что давай тщательно проработаем всё, что нам доступно.

— Опасность для десантника в пехотной броне представляет любой одиночный пушечный снаряд, калибром выше тридцати миллиметров. Пробить броню он не сможет, но физику никто не отменял, и удар будет очень сильным. Бойца, как минимум, собьет с ног, а если калибр крупный, то может и что-то основательно повредить. О прямых попаданиях серьезных

боеприпасов типа 203-миллиметровых фугасов я говорить не буду, поскольку это совсем нереально.

— То есть счетверенная зенитная скорострелка может при удаче сильно озадачить весь десантный отряд?

— Только если они будут стоять и безропотно ждать, когда в них начнут стрелять. Ты мне лучше скажи, как расчет такой пушки их хотя бы заметит?

— А ты у меня на что?

— Я? Ну, например, чтобы развлекать тебя приятной беседой. Чем я могу помочь в данном случае? Сканеры сателлитов их маскировочные поля не пробьют.

— Ладно, замнем пока. Давай дальше про неприятности, которые местное оружие способно доставить десанту мятежников. Близкие взрывы бомб и крупнокалиберных мин? Термитные снаряды? Боеприпасы объемного взрыва?

— Попади сначала…

— Так, я тебя сейчас…

— Ты сперва ко мне на Луну доберись…

— Отставить пустопорожний базар!

— Это не пустопорожний базар, а критические замечания. Ты сам просил искать ошибки в твоей логике. Я и ищу.

— Э… ну, извини. Но я всё же хочу услышать ответ на свой вопрос.

— Как скажешь. Близкий взрыв стандартной фугасной бомбы весом до двухсот килограммов собьет десантника с ног и хорошенько приложит о предметы окружающего мира. Ему самому это больших проблем не доставит, но может повредить что-то из навесного оборудования, прицельных комплексов или даже оружия. Термитный снаряд может вызвать перегрев брони и сбои в системах наведения, но только если боец останется в зоне поражения более десяти секунд. С объемным взрывом сложнее. Тут почти наверняка выйдет из строя оружие и может слететь маскировка — эмиттеры поля полностью под броню не спрячешь.

— Так, это уже что-то. Давай продолжим. Я уверен, что знаю ответ, но все же спрошу. Местная броня может хоть как-то противостоять стрелковым комплексам десанта?

— Башня линкора при удаче удержит пару попаданий.

— Ясно. Что с авиацией?

— Ракет класса «воздух-воздух» у бота нет, но его плазменные пушки помножат на ноль любое количество здешних самолетов в радиусе двадцати километров, даже если это сплошь будут твои «Илы».

— А если бот будет находиться на земле, а самолеты пойдут над самыми верхушками деревьев?

— На забывай о дронах на орбите. Твои самолеты мгновенно засекут, а взлететь боту недолго, и он сможет это сделать даже в автономном режиме по приказу командира десантников.

— Мины, управляемые фугасы?

— Сканеры, встроенные в броню, их мгновенно обнаружат.

— А если не обнаружат?

— Странный вопрос. Ну, хорошо, раз ты настаиваешь… Если десантник, игнорируя вопли сканеров, войдет в зону действия фугаса, эффект будет такой же, как от соответствующей бомбы или снаряда.

— Замечательно.

— Чему ты радуешься? Они не дадут тебе и твоим людям приблизиться. У тебя же нет средств маскировки.

— Вот и они тоже будут так думать.

— И будут правы! Или, может быть, я чего-то не знаю, и у тебя где-то в тайге припрятан склад с генераторами маскировочных полей?

— Летра, ты прелесть.

— Я в курсе. И все же?

— Но ты же сама совсем недавно говорила мне, что креативные задачи — это моя тема. Допусти на секунду, что меня посетила интересная идея.

— Допустила. А теперь я буду рада ее услышать.

— Дроны, дорогая. У тебя по всему миру разбросаны сотни, а то и тысячи дронов, занимающихся наземной разведкой. На них стоят очень хорошие генераторы маскировочных полей, хоть сейчас они и используют их едва в четверть силы. Разработчики не экономили на их классе, чтобы по мере развития изучаемых цивилизаций у этих маленьких шпионов не возникало проблем со скрытностью. Дальше рассказывать?

— Ты!.. Сразу сказать не мог?! Издевался? Это я тебя… — с возмущением в голосе начала Летра.

— А ты со своей Луны сперва ко мне на Землю доберись. А если серьезно, я сам только сейчас к этой мысли пришел. Для этого мне и нужен был наш мозговой штурм, так что я не издевался, а вырабатывал решение. С твоей неоценимой помощью, между прочим.

Наше возвращение на аэродром не выглядело триумфальным. Радость от того, что нам удалось победить и вырваться из ловушки смешивалась с осознанием масштаба понесенных потерь. Фактически, полк требовалось формировать заново.

Кудрявцев сбился с ног, делая все возможное для восстановления боеспособности вверенной ему части. Выглядел

он предельно измотанным. Нашему возвращению генерал, безусловно, был искренне рад, но на проявление бурных эмоций у него уже просто не осталось сил. И это при том, что он пока не знал о новых проблемах, грозивших в буквальном смысле свалиться на наши головы в ближайшее время.

Зато китайцы остались довольны. Уничтожение тяжелого авианосца противника они оценили высоко, но не это для них оказалось главным. Наши действия на побережье фактически сорвали японскую десантную операцию, противопоставить которой Чан Кайши практически ничего не мог. Поняв, что потеряна почти вся авиация, которую планировалось использовать для поддержки высадки, а воздушный десант сорван внезапной атакой американских истребителей на идущие к цели транспортные самолеты, японцы решили временно отказаться от высадки морской пехоты на китайский берег и развернули корабли, уже вышедшие в районы десантирования.

Убедившись, что раненым оказывается вся необходимая помощь, я окунулся в разгребание накопившихся проблем. Совершенно неожиданно ко мне явился с докладом представитель… Харьковского танкового завода имени Коминтерна, сейчас эвакуированного в Нижний Тагил. По его словам, он прибыл в Китай по приказу полковника Морозова, главного конструктора завода, которому, в свою очередь, настоятельно рекомендовал обратиться ко мне сам нарком вооружения СССР товарищ Устинов.

О генерале Устинове у меня сложилось исключительно положительное мнение. Именно благодаря ему удалось так быстро запустить в серийное производство предложенный мной ручной противотанковый гранатомет и ряд других разработок, включая термитные снаряды и боеприпасы объемного взрыва. Понятно, что «настоятельную рекомендацию», поступившую с такой высоты, на Харьковском заводе проигнорировать не могли, вот только во взгляде прибывшего в Китай инженера явно читалось непонимание, зачем начальству понадобилось гнать его в такую даль для встречи с человеком, никогда не имевшим дела с конструированием танков.

Вот только товарища Семенова, а именно так представился прибывший, мне сейчас и не хватало. С собой инженер приволок приличных размеров чемодан с документацией по танку Т-34 и перспективным разработкам конструкторского бюро Харьковского завода, касающимся его глубокой модернизации.

На мой осторожный вопрос, а чем, собственно, вызвана такая спешка, он молча протянул мне копию приказа за подписью Сталина. Моя фамилия в этом приказе не фигурировала, а вот

Устинов и Морозов назначались ответственными за разработку танка, способного на равных противостоять, а лучше превосходить… Дальше шло описание технических характеристик нового немецкого тяжелого танка, и характеристики эти мне очень не понравились.

— Просмотри чертежи, — попросила Летра. — Ночью подумаем, что можно сделать. У меня в базе данных имеется очень любопытная подборка инженерных решений в области конструирования бронетехники, причем не только с Земли и из истории Шестой Республики, но и из архивов научных станций, изучавших другие человеческие цивилизации.

Товарища Семенова я быстренько выпроводил, сославшись на неотложные дела, но чемоданчик у него забрал, под роспись, как водится. Удовлетворять его осторожное любопытство по поводу того, почему нарком рекомендовал товарищу Морозову обратиться именно ко мне, я не стал, ограничившись обещанием, что он сам все поймет в процессе нашего дальнейшего общения.

Я пролистывал чертежи, не пытаясь вникать в их суть — пусть Летра сама с этим разбирается. Мое участие понадобится позже, когда все исходные данные будут собраны и пройдут предварительную обработку. Это занятие было чисто механическим и не мешало мне обсуждать с искусственным интеллектом более актуальную для меня проблему.

— У тебя есть соображения, когда нам ждать гостей?

— Это зависит от того, насколько близко командир эсминца рискнет подвести корабль к Земле. Судя по всем его предыдущим действиям, от идеи лезть внутрь Солнечной системы он восторга не испытывает. Я бы исходила из того, что он сбросит бот с десантом где-то в районе орбиты Нептуна или даже Урана, если смелости наберется. В этом случае дней пять до их прибытия у тебя есть. Ну и в бой они сразу не бросятся, я полагаю. Будут обстановку оценивать, момент выбирать…

— Значит, максимум — неделя?

— Где-то так.

— Один я с десантниками не справлюсь, особенно учитывая крайне ограниченное время на подготовку.

— Сначала нужно понять, к чему ты собираешься готовиться. Не думаю, что в открытом столкновении у тебя есть шансы, и никакие помощники из местных это положение не исправят.

— Слабый соперник может победить сильного только хитростью и внезапным ударом. Я вижу только одно решение — заманить из в заранее подготовленную ловушку. Вот только один я эту ловушку организовать не смогу. Боюсь, настала пора рассказывать товарищам правду. Не всем, конечно…

— Не боишься?

— Боюсь. Потому до сих пор даже Лене ничего не сказал.

— Вот с нее и начни.

— Это само собой, но ее одной для задуманного явно недостаточно. Мне нужны еще люди. Щеглов, Игнатов, Никифоров, Плужников. Возможно, Кудрявцев и Лебедев… Ты можешь спрогнозировать их реакцию?

— Могу поднять и обработать имеющиеся в моей памяти записи ваших совместных действий. Не уверена, что это поможет, но, возможно, всплывут интересные нюансы. С момента высадки на планету ты все время находился в фокусе внимания сателлитов. Естественно, поведение всех окружавших тебя людей тоже фиксировалось, причем не только в те моменты, когда они непосредственно с тобой контактировали, но и когда общались между собой или совершали какие-то действия самостоятельно. Можно попытаться проанализировать их поведение и понять отношение каждого из них к тебе и твоим необычным способностям.

— Сделай, лишним не будет.

— Быстро не получится — задача необычная. Мне нужно около получаса.

Летра отключилась, а я, закончив просматривать чертежи, аккуратно сложил их обратно в чемодан и отправился сдаваться Лене.

Моя супруга увлеченно занималась самым женским занятием из всех возможных — тщательно и сосредоточенно чистила и смазывала снайперскую винтовку.

— Прогуляемся? — негромко предложил я, опустившись рядом.

— Что-то случилось?

— Расскажу по дороге.

Лена быстро собрала винтовку и сложила в специальный футляр инструменты для разборки и чистки оружия.

— Куда пойдем?

— Вдоль опушки пройдемся.

Мы молча покинули территорию аэродрома. Далеко идти не пришлось — лес начинался метрах в семистах от охраняемого периметра. Лена не задавала вопросов, терпеливо дожидаясь, когда я сам начну разговор.

— Мне кажется, настало время кое-что рассказать тебе о том, кто я на самом деле.

— Я думала, этого уже никогда не случится, — грустно улыбнулась Лена.

— Извини, но я хотел забыть свое прошлое. Я говорил, что

надеюсь обрести здесь новую Родину, и это чистая правда. Вот только прошлое не хочет меня отпускать. Оно нашло меня и здесь и хочет вернуть себе.

— Рассказывай.

— Я не старообрядец и детство мое прошло совсем не в тайге. Я ни разу в жизни не охотился на зверей и птиц.

— Верю, — на лице Лены не дрогнул ни один мускул. Она продолжала неспешно идти по тропинке, глядя куда-то вдаль.

— Я вырос в большом городе. Настолько большом, что тебе, наверное, даже сложно будет это представить. Сто двадцать миллионов жителей, десятки ярусов, состоящих из сложного переплетения жилых модулей, парков, деловых кварталов и технических зон…

Лена остановилась и развернулась ко мне.

— Как он называется? — я ожидал чего угодно, только не такого вопроса.

— Боюсь, его больше нет. Он назывался Ликлата.

— Это… на Земле?

— Нет.

Я рассказал ей всё. Мне смертельно надоело врать, хоть за последний год это и стало привычным делом. Я говорил и испытывал ни с чем не сравнимое облегчение, как будто с моих плеч упал груз, пригибавший меня к земле долгие месяцы. Лена не перебивала, не задавала уточняющих вопросов, только иногда поворачивала голову и бросала на меня внимательные взгляды, а в самом конце моего рассказа она неожиданно остановилась и спросила:

— Я могу поговорить с ней? С той девушкой, которая дает тебе подсказки с Луны?

Я на секунду растерялся, но тут же получил ту самую подсказку:

— Приложи ладонь к ее уху и дай мне доступ к импланту.

Я аккуратно поднес руку к лицу Лены, погладил ее по щеке, поправил выбившийся из прически локон и накрыл ладонью левое ухо. Возникло странное ощущение, как будто кто-то тихонько щекочет мою ладонь тонкой травинкой. Лена вздрогнула. На миг в ее глазах я увидел испуг, но он быстро исчез и сменился искрой любопытства, а потом ее губы тронула легкая улыбка и с них сорвалась короткая фраза:

— Привет, Летра.

— Из твоего списка однозначное мнение у меня сложилось только по лейтенанту Игнатову и полковнику Лебедеву, — деловым тоном доложила Летра, — Игнатову ты точно можешь

доверять. Он уже имел возможность тебя сдать, но не сделал этого. Когда ты корректировал огонь гаубиц Б-4 по немецкому понтонному мосту через Днепр, ты использовал сателлиты для ретрансляции сигнала. Твоя рация была неисправна и не могла работать на передачу. Игнатов обнаружил неисправность и задал тебе прямой вопрос о том, как такое возможно. Ты выдал ему в ответ отчаянный бред про свою способность в экстремальных ситуациях заставлять неисправные устройства работать. Он не поверил, но развивать тему не стал. Игнатова потом не раз допрашивали, пытаясь вытянуть из него всё о странностях, которые он за тобой замечал, но ни в одном протоколе этот случай не упомянут.

— А Лебедев?

— Тут ситуация обратная. Он к тебе относится хорошо и считает своим в доску, хоть и со странностями, но при этом его личная преданность Судоплатову в любом случае перевесит уважение к тебе, так что твоя информация точно утечет наверх. Судоплатов, конечно, тоже тебя уважает, но все равно сразу доложит Берии, а тот Сталину. Не уверен, что тебе это нужно, по крайней мере, сейчас.

— Никифоров?

— Почти наверняка побежит советоваться с Игнатовым и поступит так же, как он. Думаю, доверять ему можно, но надо держать в голове, что в определенных обстоятельствах он может не проявить нужной стойкости перед лицом высокого начальства, жаждущего новых сведений о генерале Нагулине. Тут главное внятно объяснить твоим товарищам почему кроме них никто не должен знать о тебе правду.

— Плужников?

— После выхода из Уманского котла верит тебе безоговорочно. На странности и неувязки ему уже давно плевать, но объяснить ему зачем нужно скрывать такую информацию от своих тебе тоже придется. И вот с этим у тебя могут возникнуть проблемы. Плужников сознательно пошел на службу в органы. Он искренне верит в дело Ленина-Сталина и в то, что советский строй — единственный путь к всеобщему процветанию в мире. Так что, если будешь пытаться его привлечь, десять раз подумай над аргументами.

— Кудрявцев?

— А вот он, скорее всего, пойдет за тобой не раздумывая. Судя по его разговорам с сослуживцами и прочими посторонними людьми, генерал считает тебя главной ценностью Советского Союза. Ну, после товарища Сталина, разумеется. Ему будет достаточно сказать, что информация настолько секретна, что

кроме как лично Вождю ее никому разглашать нельзя. Если и не поверит, сделает вид, что так и надо.

— Майор Щеглов?

— Тут ситуация очень близка к варианту Игнатова. Майор раскусил тебя еще будучи капитаном. Вы тогда бодро бегали по немецким тылам на правом берегу Днепра, и ты решил захватить в плен майора Шлимана, направлявшегося на аэродром, где его ждал транспортный самолет. Ты, возможно, просто не обратил внимания, но Щеглов в тот момент почти не скрывал, что не верит твоим рассказам про острый слух и феноменальное зрение. Он прекрасно понял, что ты заранее знал про «жирного гуся», который едет на аэродром, и хочешь захватить его силами группы. Мешать тебе капитан не стал и, судя по всему, ни разу потом об этом не пожалел. Его тоже много раз допрашивали, требуя максимально подробно описать ваш рейд, но он ни разу не поделился со следователями своими подозрениями на твой счет.

— Почему же тогда ты не считаешь его таким же надежным, как Игнатова?

— Считаю. Ну, почти. Вот только Щеглов такой же убежденный коммунист, как и Плужников. Почти до фанатизма убежденный, и это может в какой-то момент сыграть совершенно непредсказуемым образом.

— Получается, что Лебедев — самый сложный кандидат в мою команду, — попытался я подвести промежуточный итог.

— Я бы на твоем месте вообще его не рассматривала. Слишком велика вероятность утечки информации.

— Без него мы ничего здесь не сделаем. Полковник Лебедев — командир спецгруппы НКВД при нашей миссии. Его не обойти никак. Надо рисковать. В крайнем случае придется мне его нейтрализовать. Щадящими методами, естественно.

— Смотри сам, мое дело предупредить.

— Времени на раскачку нет. Пойду собирать людей прямо сейчас. У тебя есть поблизости дроны-разведчики?

— Четверых могу подогнать в течение пяти-семи минут.

— Давай, отпавь их в штабной блиндаж, они мне понадобятся.

Самому собирать бойцов мне не пришлось. Я нашел Лебедева и попросил его срочно организовать совершенно секретное совещание в штабе отряда. Через десять минут на меня уже внимательно смотрели шесть пар глаз, включая генерала Кудрявцева, который в подчинении у Лебедева не состоял, но полковник успел пригласить и его.

— Итак, товарищи. Я попросил вас собраться здесь по крайне важной для меня причине. У меня возникла очень серьезная

проблема, и без вашего участия я ее решить не смогу. Я уверен, что в помощи вы мне не откажете, но для того, чтобы эта помощь стала возможной, мне придется многое вам рассказать. Эта информация обладает высшим уровнем секретности, однако секретность у нее особая. Скажем так, это моя личная тайна, и, прежде чем поделиться ей с вами, я хочу знать, готовы ли вы дать мне слово, что за пределы присутствующего здесь круга лиц ни одна буква из того, что вы услышите и увидите не уйдет?

В комнате повисла напряженная тишина. Я отлично понимал своих товарищей. Они не знали, что им предстоит услышать. А если это план покушения на Сталина или контрреволюционный заговор? Я ожидал, что первым ответит Кудрявцев, как старший по званию, но генерал не спешил, и слово взял Лебедев.

— Командир, ты ведь знаешь, что все мы без колебаний пойдем за тобой в любую мясорубку, но ты и нас пойми. Мы присягу давали товарищу Сталину и нашей социалистической Родине. У нас есть воинские начальники и служебные обязанности. Естественно, мы готовы сохранить в тайне любые сведения личного характера, но, если от того, что ты нам расскажешь будет прямо зависеть безопасность страны или ее высшего руководства… Такое я скрыть не смогу, ты уж извини.

— Хорошо, давайте я сформулирую вопрос иначе. Готовы ли вы сохранить в тайне полученную от меня информацию при условии, что ее неразглашение не будет нести прямой угрозы товарищу Сталину и другим высшим руководителям СССР? Со своей стороны я даю слово, что все, о чем пойдет речь, никогда не будет направлено против интересов нашей страны.

Лебедев задумался.

— Слишком общая формулировка. Я все понимаю, но…

Полковник замолчал, не закончив фразу. На его лице отражались глубокие сомнения и внутренняя борьба.

— Командир, эта проблема, о которой ты сказал в самом начале, чем она грозит лично тебе? — негромко спросил лейтенант Игнатов.

— Смертью в течение ближайших десяти дней, причем, скорее всего, смертью очень непростой, — я постарался ответить нейтральным тоном, но было видно, что мои слова произвели на всех присутствующих сильное впечатление.

— В таком случае, я готов дать обещание сохранить полученные сведения в тайне без всяких оговорок, — все так же негромко произнес Игнатов. — Твоего слова о том, что все это не будет направлено против СССР мне вполне достаточно.

— Обещаю не разглашать, — почти сразу поддержал друга лейтенант Никифоров.

— Буду молчать, — пожал плечами Кудрявцев, — Уверен, что твоя смерть нанесет нашей стране куда больше вреда, чем любые слова, которые ты можешь нам сказать.

— Присоединяюсь, — кивнул майор Щеглов, — Даю слово не разглашать полученные сведения, что бы я здесь ни услышал.

— Тоже присоединяюсь, — это уже Плужников, — буду молчать при любых обстоятельствах.

— Ну, про меня ты и так уже знаешь, — с легкой улыбкой произнесла Лена.

Полковник Лебедев переводил взгляд с одного подчиненного на другого и мрачнел все больше. Он являлся командиром всех этих людей, за исключением Кудрявцева, и главная ответственность за всё происходящее лежала именно на нем. Чувство долга, личные симпатии, множество различных эмоций, доводы разума… Все это боролось между собой в его голове, не давая остановиться ни на одном из возможных вариантов.

Наконец, полковник поднял глаза, но посмотрел он не на меня, а на Кудрявцева.

— Ваш довод, товарищ генерал-майор, показался мне слишком серьезным и перевесил все остальные соображения. Я понимаю, что, возможно, прямо сейчас нарушаю присягу и своими действиями подвожу под трибунал и себя, и подчиненных мне людей, но я согласен с тем, что потеря товарища Нагулина будет для страны куда большим злом, чем пока неизвестная нам информация, которую придется скрыть от всех, включая наших непосредственных начальников. Даю слово сохранить услышанное в тайне. Как удачно выразился лейтенант Игнатов, без всяких оговорок.

— Спасибо, друзья. Я знал, что могу на вас рассчитывать, — я сделал пару шагов вперед и оказался в центре комнаты. — Хочу сразу предупредить. То, что вы сейчас увидите, будет очень необычным и, возможно, в первый момент даже пугающим, но никакой опасности для вас это не представляет. Прошу посмотреть на потолок. Вот здесь, прямо над столом. Что вы видите?

— Там ничего нет, — пожал плечами Кудрявцев.

Я еще раз улыбнулся и произнес вслух:

— Летра, прикажи дрону отключить маскировочное поле.

Глава 6

— Сержант, чем занят наш подопечный? — задал обычный в последние дни вопрос лейтенант Кри, опускаясь в кресло первого пилота в тесной кабине десантного бота.

— Продолжает руководить стройкой секретного объекта в ста километрах к востоку от Чунцина, — четко доложил сержант Кнат. Его дежурство подошло к концу, и он сдал пост командиру, но уходить в десантный отсек не торопился — делать там все равно было нечего.

— Уже понятно, что они строят?

— Это позиция для какого-то тяжелого оружия, довольно серьезного по местным меркам. Возможно, ракетного, — сержант пробежался пальцами по виртуальной клавиатуре, и над пультом возникла голограмма довольно ровного участка местности, обнесенного оградой из колючей проволоки и изрытого траншеями, блиндажами и окопами для какой-то крупногабаритной техники. — Что бы они там ни строили, наш подопечный явно хочет защитить это от лишних глаз. Периметр плотно закрыт китайскими войсками, но внутрь охраняемой зоны им хода нет. Туда допускают строго ограниченный круг лиц, причем местность оцеплена с большим запасом. Между внешними постами и самой позицией расстояние не меньше трех километров.

— Не хотят, чтобы охрана знала, что происходит внутри?

— Судя по всему, да, — кивнул сержант.

— Наш зараженный там часто появляется?

— Ежедневно. Иногда и по два раза в сутки приезжает. В пути его сопровождает сильная охрана, включая даже какую-то убогую бронетехнику, а сверху постоянно прикрывает авиация.

— Плохо. Не хотелось бы сильно шуметь во время захвата цели.

— Охрана остается за пределами периметра. Самолеты, кстати, внутрь тоже не залетают и вообще к стройплощадке стараются не приближаться. Видимо, у них есть приказ не лезть в охраняемую зону. Летчики ограничиваются тем, что держат небо вокруг объекта. Внутрь обычно уходит только небольшая колонна из двух-трех грузовиков и легкового автомобиля.

— Уже интереснее, — лейтенант Кри улыбнулся уголком губ. — Сколько человек обычно находится на стройплощадке?

— Я просмотрел записи за последние сто двадцать часов. Количество людей внутри периметра зависит от времени суток. В строительстве занято пятьдесят семь человек, включая водителей

и прочий персонал. На ночь они все выезжают в отдельный охраняемый лагерь за пределами внешнего оцепления. Остаются только бойцы внутреннего кольца охраны. Их всего пятнадцать — часовые на деревянных вышках и дозоры с собаками, патрулирующие заграждение из колючей проволоки.

— В какое время объект появляется на стройке?

— Бывает по-разному, но чаще всего вечером, сразу после отъезда строителей. Видимо, проверяет, что сделано за день, вставляет фитили за допущенные косяки и раздает задания на следующие сутки.

— Знакомо, — кивнул лейтенант с легкой усмешкой. — Ладно, понаблюдаем еще, время у нас есть, но, думается мне, брать его надо именно во время очередной инспекционной поездки, причем внутри периметра. Народу там немного, буферная зона широкая, так что будет где незаметно посадить бот. Спасибо, сержант, можешь идти отдыхать.

Мой рассказ длился почти три часа и сопровождался показом голографических записей из архивов Летры. Существование в галактике десятков других планет, населенных людьми, произвело на моих товарищей неизгладимое впечатление, но еще сильнее их поразили картины гибели этих цивилизации в ядерном аду, техногенных катастрофах и войнах с применением бактериологического и химического оружия. Показал я им и немногие имевшиеся в базе данных Летры записи последних недель существования Шестой Республики.

Первым от шока оправился Лебедев. Видимо, как командир отряда, он чувствовал себя обязанным адекватно оценивать обстановку в любой ситуации, и это придавало ему моральных сил.

— Кажется, я начинаю понимать, почему ты сразу не пошел к руководству страны, как только у тебя появилась такая возможность, — задумчиво произнес полковник. — Ты боишься потерять контроль над всеми этими технологиями и опасаешься, что они будут использованы для силового покорения Советским Союзом всего мира.

— Мои опасения беспочвенны? — я смотрел Лебедеву прямо в глаза.

Я мог бы привести ряд примеров. Польша, Финляндия, Западная Украина… Да и Льва Давыдовича Троцкого с его мировой революцией можно было вспомнить. Но я молчал, надеясь, что полковник сам придет к нужным выводам.

— Не знаю, — наконец, выдавил из себя Лебедев. — Не думаю, что сейчас подходящее время для обсуждения этого

вопроса. Я предпочитаю решать проблемы по мере их поступления, а сейчас главная задача — отбиться от твоих бывших сограждан, которые могут упасть на наши головы в любой момент. Думаю, ты собрал нас здесь не только для того, чтобы рассказать о своем прошлом. Раз ты обратился к нам за помощью, значит, считаешь, что мы в силах тебе ее оказать, то есть у тебя есть план, и мне бы хотелось его услышать.

План у меня действительно был. Зыбкий, не до конца оформленный, но более-менее логичный и, по моим прикидкам, имеющий некоторые шансы на успех. Я уже собрался было начать его излагать, но меня опередила Лена.

— Петр, я ведь правильно поняла, что наши противники — психически больные люди?

— В какой-то мере.

— Скажи, а нам обязательно их убивать? Они ведь, по сути, не враги, а жертвы той болезни, которая захлестнула твой мир.

— Разве у нас есть выбор? — негромко возразил Кудрявцев, — Или мы, или они… Они сильнее, а значит, нам придется бить наверняка, с запасом. Так, чтобы с гарантией хватило одного удара, потому что второй нам нанести никто не даст.

— Эта болезнь излечима? — вступил в обсуждение майор Щеглов.

— Не более чем в двух процентах случаев, — раздался с потолка голос Летры, ретранслируемый дроном, — Есть примеры выздоровления захваченных в плен мятежников под воздействием наглядных и неопровержимых аргументов, доказывающих их заблуждения. Во всех случаях излечение наблюдалось только у людей, имевших лишь непродолжительный контакт с системами виртуальной реальности, основанными на технологии «Вирт-N», причем практически всегда организм пациентов был ослаблен серьезными ранениями, поскольку добровольно они никогда не сдавались.

— Да, шанс невелик, — покачал головой Лебедев. — Я бы исходил из того, что все они неизлечимы.

— Мне кажется, мы должны хотя бы попытаться… — неуверенно произнесла Лена.

— Только если это не поставит под угрозу успех всей операции, — отрезал Лебедев.

— Не поставит, — я вновь взял слово и обсуждение прекратилось само собой. — Я в любом случае хочу сохранить в целости как можно больше оборудования и оружия, которое десантники привезут с собой. Бот мне точно нужен целым, иначе до Луны я смогу добраться в лучшем случае лет через десять-пятнадцать, а что касается самих десантников… Я думаю, все вы

были бы не против примерить пехотные бронескафандры и подержать в руках стрелковые комплексы, опережающие земные технологии лет на двести. А чтобы сохранить все это в работоспособном состоянии, нужно постараться не наделать в ценном оборудовании сквозных дыр. Так что шанс захватить бойцов десанта живыми, хоть и не очень здоровыми, у нас будет.

Мои товарищи обменялись выразительными взглядами. Я знал, чем можно заинтересовать профессиональных военных, да и нетрудно было догадаться, как они отреагируют на подобное заявление.

— Так ты изложишь, наконец, свой план? — усмехнулся Кудрявцев. Будучи человеком неглупым, он отлично понял, что, если я веду речь о сохранности оружия и брони, значит не считаю ситуацию совсем уж безнадежной.

— То, что я вам рассказал, совершенно не означает, что мы должны прекратить выполнение задач, поставленных перед нами руководством страны. Если вы не забыли, в Китае мы находимся для того, чтобы оказать помощь вооруженным силам Китайской Республики в борьбе с японским агрессором. Однако это только официальная часть нашей задачи. Реально же мы должны действовать так, чтобы наглядно продемонстрировать американцам и китайцам две вещи. Первое — что мы надежные союзники и с нашей помощью им будет неизмеримо легче победить императорскую Японию, чем без нас. И второе — что лучше с нами дружить, чем враждовать. Последнее, кстати, полезно будет понять и британцам.

— Командир, но ведь твои враги будут здесь уже через несколько дней, — воспользовавшись небольшой паузой в моей речи произнес Кудрявцев. — Разве мы не должны полностью сосредоточиться на отражении их атаки?

— И как это будет выглядеть? Не стоит забывать, что кроме нас никто не знает о новой угрозе. Для всех вокруг наши приготовления должны выглядеть естественно и не вызывать ненужных вопросов. Так что будем делать то, что поручила нам Ставка, но с учетом вновь открывшихся обстоятельств.

В глазах товарищей я увидел живой интерес, а на лице Лебедева даже появилась едва заметная улыбка. Похоже, полковник отлично понял, что я имею в виду. Без деталей, конечно, но сам вектор моих мыслей он уловил верно.

— Итак, мы должны продемонстрировать нашим земным врагам и союзникам всю силу и мощь советского оружия. С турбореактивными «Илами» японцы уже имели удовольствие познакомиться, да и наши союзники, я полагаю, тоже успели оценить их по достоинству. Однако авиацией наши возможности

не ограничиваются. Сегодня же я отправлю секретный пакет в Москву с просьбой организовать доставку в Китай изделий товарища Королева. Воздушный носитель для ракет К-212 пока не готов, так что придется нам оборудовать позицию для их пуска с земли. Целями станут аэродромы, штабы и склады боеприпасов японских войск, готовящих новое наступление на город Чанша. Вот только отсюда ракеты до японцев не дотянутся. Позиционный район придется выдвинуть на сто километров к востоку от Чунцина, и оборудовать его мы начнем уже завтра. К охране объекта я планирую привлечь китайские войска. Нам нужна довольно большая территория, внутри которой будет как можно меньше лишних свидетелей и куда я буду регулярно приезжать в заранее известное время. Думаю, десантники тоже не захотят афишировать свой визит на Землю. Будет странно, если они не воспользуются таким замечательным шансом захватить меня без лишнего шума.

— И что им помешает это сделать? — на этот раз вопрос возник у Щеглова. — Насколько я понял, их приборы позволяют видеть любые угрозы на большом расстоянии.

— У нас тоже есть… приборы. Естественно, обычные мины и бомбы противник немедленно обнаружит, но я ведь не зря начал нашу беседу с демонстрации вам дрона-разведчика. Он умеет неплохо прятаться, как вы все могли убедиться. Конечно, мощности генератора маскировочного поля ему хватит только на то, чтобы надежно скрыть себя самого и совсем небольшой участок поверхности, на которой он находится, но в нашем случае этого будет достаточно. Если для одного дрона маскируемый объект окажется слишком большим, задействуем двух или трех. Летра, сколько ты успела собрать дронов?

— Можешь рассчитывать на две-три сотни. Я стягиваю их сюда из ближайших регионов, но скорость у них не слишком велика — это не боевые модели.

— Думаю, этого будет достаточно для прикрытия минного поля вокруг строящейся позиции ракет. В качестве мин придется использовать бомбы объемного взрыва АБОВ-500. Их у нас довольно много, и мощность вполне достаточна для надежного выведения из строя десантника в пехотной броне. При близком взрыве тяжелая контузия противнику гарантирована, а в таком состоянии даже «коктейль» боевых стимуляторов вряд ли быстро подействует.

— Ненадежно, — покачал головой Лебедев. — У нас будет только одна попытка. Если мы одновременно не прихлопнем всех, оставшиеся наплюют на скрытность и просто сметут нас.

— Товарищ полковник прав, — поддержала Лебедева Летра.

— Вряд ли десантники будут держаться плотной группой. Они могут выделить головной дозор или оставить кого-то в тылу для контроля за ситуацией, и тогда у нас не будет возможности накрыть всех одновременно стационарными зарядами. Нужно мобильное средство, способное доставить бомбу в любое место в пределах оцепленного периметра, иначе риск провала операции повышается до семидесяти процентов.

Я задумался, и мне на помощь попытался прийти Игнатов:

— У китайцев должна быть хоть какая-то тяжелая артиллерия. Пара гаубиц на замаскированных этими вашими аппаратами позициях…

— Хорошая мысль, но не сработает, — с сожалением ответила Летра. — Артиллерия у Чан Кайши — устаревший хлам времен первой мировой. Стволы изношены, рассеивание снарядов огромное, однако главная проблема даже не в этом. Замаскировать позицию можно, но выстрел десантники все равно засекут. Снаряду лететь до цели секунд пять, не меньше. За это время они либо покинут опасную зону, либо бот сожжет снаряд в полете своими пушками. Ему это вполне по силам. Да и сами снаряды тоже старые. Какие-то проблемы десантнику в броне они могут создать только при прямом попадании. Ну, может быть, еще если прямо под ноги упадет.

— А бомбы? — включился в обсуждение Кудрявцев? — Можно посадить вашего «паука» прямо на АБОВ-500? Сможет он ее спрятать?

— Бомбу? Бомбу — сможет, а что делать с носителем, который эту бомбу доставит к месту сброса? Его собьют еще на подлете.

— Летра, а самолет дронами защитить можно? — задал я вопрос, заранее понимая, что ответ, скорее всего, будет отрицательным.

— Спрятать «Ил»? — казалось, Летра чуть не поперхнулась от такой глупости, — Да у него движки ревут и светятся так, что никакое маскировочное поле не поможет. Ты его хоть весь дронами увешай, километров за тридцать сканеры бота его возьмут точно, да и с орбиты наверняка его будет видно по вторичным признакам — перегретый газовый след от работы движков никуда не денется.

— Летра, я не очень разбираюсь в характеристиках вашей техники, — задумчиво произнес Кудрявцев, — но, как я понял, главная проблема в данном случае — двигатели. Я прав?

— Да, это основной демаскирующий фактор. Металлический корпус без рассеивающего покрытия тоже, конечно, усугубляет проблему, но это уже вполне решаемо увеличением количества

используемых дронов.

— Тогда, кажется, я знаю решение, — улыбнулся генерал-майор.

Товарищ Семенов с Харьковского танкового завода вцепился в меня, как клещ. Видимо, хвост ему в Союзе накрутили знатно или такое магическое действие производила подпись товарища Сталина на приказе, копию которого инженер хранил в своем портфеле, как великую ценность.

— Товарищ, Нагулин, в нашем конструкторском бюро ждут результатов моей поездки в Китай. Сроки нам поставлены предельно жесткие. Вы должны понимать, мы куем стальной щит страны…

Спать хотелось просто смертельно, но пришлось сделать над собой усилие и сфокусировать взгляд на представителе завода. И ведь именно из-за него я не спал всю ночь. Не было у меня другого времени на изготовление эскизов узлов и агрегатов, необходимых для глубокой модернизации среднего танка Т-34. Летра вывалила на меня огромный ворох информации о бронетехнике всех времен и народов. Конструкции танковых пушек, поворотные механизмы башен, системы заряжания, типы подкалиберных снарядов, композитная и гомогенная броня, бензиновые и дизельные силовые установки, схемы размещения боеукладки… Всё это смешалось в моей голове и только к середине ночи более или менее разложилось по полочкам.

Проблема состояла не только в том, чтобы выбрать решения, дающие наилучшие тактико-технические характеристики. Можно было, конечно, спроектировать чудо-оружие, вот только любой директор завода, от которого потребовали бы наладить массовое производство таких машин, немедленно застрелился бы прямо в своем кабинете непосредственно после постановки задачи.

Все упиралось в технологичность. Даже с учетом последних поставок станков и оборудования из США сложности с изготовлением многих деталей, чертежи которых хранились в обширной памяти Летры, казались непреодолимыми. Пришлось формулировать искусственному интеллекту задачу на оптимизацию всех этих решений с учетом производственных возможностей СССР. Я уже проходил все это, когда работал над адаптацией американской «базуки» к советским реалиям, только теперь результатом моих усилий должен был стать не гранатомет, а изделие, мягко говоря, посложнее, и работу пришлось выполнить более объемную. Правда, тогда в моем распоряжении имелся только вычислитель спасательной капсулы и не слишком продвинутые «мозги» сателлитов на орбите, а

теперь у меня была Летра, и это многое меняло.

Я устало посмотрел на инженера и выложил перед ним на стол стопку эскизов.

— Ознакомьтесь, товарищ Семенов. По каждому узлу и агрегату есть краткие текстовые пояснения. У вас наверняка возникнут вопросы, и я буду готов на них ответить, но только завтра. Заходите утром, часов в девять. К сожалению, больше пары часов я уделить вам не смогу.

— Ты был прав, сержант. Это действительно позиция для пусковых установок примитивных крылатых ракет малой дальности, — сообщил лейтенант Кри протиснувшемуся в пилотскую кабину бота подчиненному. — Дроны на орбите перехватили и расшифровали несколько сообщений. Аборигены так искренне уверены в криптостойкости своих шифров… В общем, в течение пары недель на их базу под Чунцином должны прибыть транспортные самолеты и привезти ракеты в разобранном виде. Дальше их, видимо, доставят на позицию и будут собирать уже там.

— Зачем такие сложности? — удивился Кнат. — Разве в радиусе действия этих ракет у японцев есть цели, достойные таких усилий? Не проще их разбомбить? Мне кажется, самолеты, потопившие «Дзуйкаку», вполне способны справиться с такой задачей.

— Резонно, — согласился лейтенант, — но ты рассуждаешь с чисто военной точки зрения. Здесь же явно примешана политика. Эти самолеты и ракеты совершенно точно не китайские. По всем признакам тут замешан Советский Союз, хотя это странно — не по их уровню развития такая техника. Наверняка здесь не обошлось без нашего зараженного. Впрочем, какая нам разница, зачем им ракеты в Китае? У нас своя задача, и до начала активной фазы ее выполнения осталось меньше суток.

— Мне кажется, это только к лучшему, что мы проведем захват в закрытой секретной зоне, — произнес сержант, глядя на голографическую проекцию строящейся ракетной позиции, — Можно там что-нибудь эффектно взорвать, и пусть китайцы думают, что это была японская диверсия и ломают головы, как противнику удалось проникнуть за охранный периметр, а потом так же незаметно его покинуть.

— Соображаешь, сержант, — усмехнулся Кри, — я отмечу в отчете твой вклад в планирование операции.

— Спасибо, командир.

За последние несколько дней полковник Лебедев пришел к

выводу, что лучше бы он все это время провел в окопах под непрерывным артогнем и ударами авиации, чем вот так мучаться сомнениями по поводу правильности принятого решения. Долгие годы службы под руководством Судоплатова научили его контролировать эмоции и не показывать окружающим, что в его мыслях идет тяжелая борьба диаметрально противоположных идей и аргументов.

Все эти рефлексии были совершенно чужды характеру полковника, и тем сильнее они его тяготили. Мировоззрение Лебедева формировалось в условиях советского строя в духе несгибаемой веры в идеалы коммунизма, как единственно возможного пути к светлому будущему. Нет, слепо доверять всему, что говорилось с высоких трибун он склонен не был. Борьба между различными группировками внутри партии большевиков проходила на его глазах, и он отлично понимал, что руководители страны не являются идеальными и непогрешимыми светочами правды, свободы и справедливости, но саму коммунистическую идею он искренне разделял и считал, что в целом страна идет правильным курсом.

Судоплатову полковник доверял безоговорочно и считал, что если и не всем, то очень и очень многим он обязан именно Павлу Анатольевичу. Сама идея что-то скрывать от этого человека была ему противна, особенно когда речь шла о ТАКОЙ информации.

Нагулина Лебедев знал всего год, но за это время произошло столько событий, что кому другому хватило бы на целую жизнь. В том, что этот «таежный житель» не говорит всей правды полковник был уверен с самого начала. Понимали это и Берия, и Сталин, и многие другие люди, плотно общавшиеся с ним в силу служебных обязанностей. Вот только в условиях войны, начавшейся для Советского Союза страшной катастрофой, на этот факт все предпочли закрыть глаза, учитывая, что свои неординарные способности Нагулин использовал только и исключительно в интересах СССР, делая все от него зависящее для приближения победы.

Побывав вместе с Нагулиным в нескольких серьезных переделках и послушав рассказы бойцов и командиров, воевавших с ним под Уманью, Лебедев сделал для себя однозначный вывод, что его способности лежат далеко за гранью человеческих возможностей. И все же полковник Нагулину верил. Он не раз видел, как тот рисковал жизнью, защищая страну и спасая своих товарищей, часто оказываясь при этом буквально у последней черты. Такое не подделать. Никакая фальшь здесь невозможна. Уж Лебедеву-то, побывавшему во множестве смертельно опасных рейдов, это было ясно, как день.

И вдруг всё перевернулось. Правда, рассказанная Нагулиным о себе, казалось одновременно страшной, опасной и безумно притягательной. Множественность обитаемых миров, десятки планет, заселенных людьми… Все это завораживало и поражало воображение, но тут же отрезвляющим холодным душем вспоминалась информация о том, что все эти цивилизации неизбежно погибали. Кто-то раньше, сгорая в пожарах невиданных по жестокости войн, а кто-то позже, как Шестая Республика лейтенанта Ирса. Когда Нагулин с помощью дрона показал им объемный фильм о том, как это происходило, лейтенант Плужников не выдержал и с жаром спросил:

— Но где же были их коммунисты? Как они могли допустить такое?

Нагулин тогда только печально улыбнулся и ответил, что коммунизм возник далеко не на всех планетах, где были обнаружены человеческие цивилизации. А даже там, где что-то подобное имело место, до середины условного двадцать первого века ни одно государство с этим строем не доживало.

Лейтенант Плужников не хотел верить, пытался спорить… Его поддержал майор Щеглов, да и сам Лебедев был поражен этой информацией едва ли не сильнее, чем всем предыдущим рассказом, но Летра показала им еще несколько эпизодов из жизни этих миров, и всем стало окончательно ясно, что те цивилизации, которые все же переступили рубеж двадцать первого века, были капиталистическими. Их политические системы могли быть разными, от псевдодемократических до открыто авторитарных режимов, но везде отношения между людьми строились на основе жестоких и эгоистичных законов потребительского общества, припудренных популистскими заявлениями о неусыпной заботе власти о гражданах и мишурой громогласно провозглашаемых «общечеловеческих» ценностей.

Именно в этот момент Лебедев понял, какая мировозренческая пропасть их разделяет. Нагулин не верил в победу коммунизма во всем мире. Прямо он этого не говорил, но из всего того, что показала им Летра этот вывод следовал сам собой. И еще лейтенант Ирс сражался и рисковал жизнью не только за СССР. Да, Советский Союз был для него важен, но стремился-то он к тому, чтобы выжило все человечество. Каким будет политический строй и идеология этого мира, его не особо интересовало. Если и не прямо сейчас, то в будущем его цели могли вступить в противоречие с интересами «отдельно взятой страны», в которой товарищ Сталин собирался построить социализм, а впоследствии и коммунизм, и о том, что произойдет тогда, полковнику думать совершенно не хотелось.

Лебедев горько усмехнулся про себя. Нагулин не соврал — никаких действий, направленных против СССР, он действительно не замышлял, да это было ясно и раньше. Вот только что теперь делать ему, полковнику Лебедеву? Передать информацию Судоплатову? На первый взгляд, это решение кажется единственно верным… Да, он дал слово молчать, и, нарушив его, он еще долго не сможет без отвращения смотреть на себя в зеркало, но интересы страны выше эмоций и переживаний отдельного человека. Вот только почему он до сих пор этого не сделал? Да, есть опасность, что Нагулин засечет такую попытку — все-таки оборудование у него очень серьезное и далеко не все его возможности известны. Это, конечно, аргумент, но способы передать сообщение могут быть очень разными, а он так и не сделал ни одной попытки сообщить полученные сведения непосредственному начальнику. Так все-таки почему? Лебедев не мог однозначно ответить себе на этот вопрос. Не было у него рациональных объяснений такому поступку. Он просто верил Нагулину. Полковник имел все основания считать, что неплохо разбирается в людях, и весь его жизненный опыт подсказывал, что Нагулину можно доверять, что в нем нет той гнили и лжи, которую Лебедев всегда очень тонко чувствовал в окружающих, даже если они очень старались их спрятать. Раньше в отношениях с Нагулиным он ощущал недосказанность и напряжение, а теперь это чувство исчезло.

Лебедев тряхнул головой, злясь на себя. Если нужно принять решение, то он его примет, причем прямо сейчас, и в дальнейшем уже не будет возвращаться к этому вопросу. Полковнику стало душно в закрытом помещении, и он вышел из блиндажа. Вокруг царила темная южная ночь, расцвеченная мириадами ярких огоньков далеких звезд. Они манили и притягивали взгляд. Лебедев с детства любил смотреть на ночное небо, но теперь полковник точно знал, что там, в бесконечной дали, тоже живут люди с такими же житейскими проблемами, мечтами и заботами, и всех их объединяет страшная невидимая угроза.

Царившая вокруг тишина, нарушаемая только природными звуками южного леса, заставила его на несколько минут забыть о войне. Он продолжал смотреть вверх, все глубже погружая взгляд в раскинувшуюся в небе широкую светящуюся реку Млечного Пути. Полковник поймал себя на мысли, что хочет когда-нибудь своими глазами увидеть эти миры. А еще он хочет, чтобы его дети жили в нормальном мире, а не сгинули в пламени взрывов гигантских бомб, не умерли от вырвавшейся из секретных лабораторий заразы и не погибли от рук сумасшедших фанатиков, решивших прямо сейчас отправить все человечество

на свидание со своими богами. А коммунизм… Что ж, он будет строить его и дальше, и, возможно, под мудрым руководством товарища Сталина Советскому Союзу удастся сделать то, что не получилось у народов других планет. Вот только нарушать данное Нагулину слово он не станет, и даже проследит, чтобы ни у кого из подчиненных не возникло подобных мыслей. А дальше время само расставит все по своим местам.

Лебедев с сожалением оторвал взгляд от мерцающих звезд и вернулся в блиндаж. Нужно хоть немного поспать, ведь по оценкам Летры незваные гости из космоса могут появиться здесь уже завтра, так что денек обещает быть весьма насыщенным.

— Они в атмосфере, — доклад Летры застает меня за сборами в очередную «инспекционную» поездку на строящуюся позицию крылатых ракет.

— Как ты их засекла?

— К сожалению, практически на пределе возможностей сканеров. Не засекла бы вообще, но я тебе уже говорила, что у них установлены генераторы маскполя явно не последнего поколения. К тому же это все-таки десантная секция эсминца, а не разведчики-профессионалы, которые выжимают из оборудования все, на что оно способно. Эти парни никогда специально не готовились к диверсионным операциями на планетах, и бот у них числился скорее как транспортное средство, чем как боевая единица. Нет, в порядке его, безусловно, содержали, но без фанатизма, так что небольшие огрехи в маскировке все же остались.

— Где они сейчас?

— Сканеры спутников их уже потеряли. Бот входил в атмосферу над Тихим океаном примерно в семистах километрах от побережья Чили. Обнаружить его удалось только по слабым гравитационным возмущениям, не до конца погашенным генераторами маскполя. Точность у этого метода, мягко говоря, невысокая. Спутники вели объект около двадцати секунд, потом захват слетел. Вектор движения — северо-запад. Бот идет в твоем направлении, если, конечно, по каким-то причинам не изменил курс после потери контакта.

— Думаешь, их командир решил обойтись без дополнительной разведки?

— До твоего прибытия на ракетную позицию у них еще приличный запас времени. Успеют осмотреться.

— Уверена, что сможешь засечь их внутри периметра?

— Абсолютно. Там все просто усеяно дронами — никуда они от нас не денутся, на такой-то дистанции.

— Это при условии, что они купятся на нашу приманку и полезут в буферную зону вокруг строящейся позиции.

— А ты меньше тормози. Приказ на выдвижение можно было отдать уже минуту назад.

Летра права, и я немедленно связываюсь с Лебедевым.

— Полковник, колонна готова?

— Можем ехать, — коротко отвечает Лебедев.

Портативных индивидуальных радиостанций здесь еще нет, но Летра смогла стянуть на нашу базу достаточно дронов-разведчиков, и самых мелких из них я решил использовать в качестве средств связи. Теперь на плече, спине или в вещмешке каждого бойца моей команды сидит небольшой «паучок», скрытый маскировочным полем, и обеспечивает нам возможность координировать действия на любом расстоянии.

— Выдвигаемся. Я буду через минуту.

Выхожу из блиндажа и переключаюсь на канал связи с Кудрявцевым.

— Генерал, готовьте «Призрак» к взлету. Началось.

— Принято, командир. Мне нужно двадцать минут на окончательную проверку оборудования.

— Если все пойдет по плану, у вас будет больше часа, но планы имеют гадкую привычку нарушаться в самый неподходящий момент.

— Понял. Постараюсь справиться быстрее.

Колонна выезжает с авиабазы. Недавно прошел небольшой дождь, так что пыль из-под колес нам не досаждает. Охраны у нас демонстративно много. Грузовики с китайскими пехотинцами движутся в голове и хвосте колонны. Прямо перед нашей машиной едут два легких бронетранспортера немецкого производства, поставленные Германией Китаю в рамках военной помощи в конце тридцатых годов. Над нашими головами регулярно проходят «Илы» в истребительном снаряжении. Учитывая, что японцы уже давно перестали летать над окрестностями Чунцина, мера эта явно избыточна, но весь этот спектакль затеян совсем для других зрителей.

Летра молчит. Значит, никаких новых данных о противнике у нее нет. В голове роятся нехорошие мысли. Весь план, еще вчера казавшийся логичным и обоснованным, теперь представляется мне отчаянной авантюрой. Он основан на предположении, что мятежники не захотят демонстрировать большому количеству свидетелей внеземные технологии и постараются захватить меня без лишнего шума. Тут допущения громоздятся одно на другое. Мы исходили из того, что я нужен мятежникам живым. Так ли это? Может и так, но гарантии, естественно, нет никакой, ибо в

вывихнутых виртуальным психозом мозгах десантников может твориться все что угодно. Те же сомнения возникают и по поводу желания противника сделать всё тихо. А если они решат атаковать колонную на пути к ракетной позиции? Почему нет? Уничтожить всех свидетелей им труда не составит. Да, потом будет расследование и по его итогам у многих заинтересованных лиц возникнет масса нехороших вопросов о том, кто и каким оружием уничтожил хорошо вооруженную спецколонну в тылу китайской армии. А не плевать ли мятежникам на эти вопросы и возможные последствия?..

Я трясу головой, отгоняя разъедающие волю мысли. План принят, и теперь поздно его менять. Да, сейчас мы уязвимы. От немедленного удара мятежников нас не спасет ничто. Какие-то шансы появятся только после пересечения границ охранного периметра недостроенной ракетной позиции, а пока мы просто мишень, пусть и не слишком удобная для противника…

— Фиксирую посадку бота! — в голосе Летры звучит напряжение, а я, наоборот, с трудом сдерживаю вздох облегчения, — Небольшая поляна в северо-восточной части периметра.

На виртуальной карте немедленно появляется отметка места приземления мятежников. До ракетной позиции нам ехать еще минут двадцать, но теперь мы, по крайней мере, знаем, где находится враг, а это уже очень немало. Бот сел внутри охраняемой зоны, где мы почти неделю засеивали местность управляемыми фугасами, основой для которых стали бомбы объемного взрыва АБОВ-500, вкопанные в землю стабилизаторами вниз. На взрывателе каждой такой бомбы разместился дрон-разведчик, прикрывая импровизированную мину от обнаружения своим маскировочным полем. Он же должен и подорвать бомбу по команде Летры. Дронов, конечно, жалко — для нас это невосполнимый ресурс, но жизнь дороже.

Слабость плана состоит в том, что нужный эффект может быть достигнут только если все десантники окажутся на оптимальном расстоянии от мин и попадут под удар одновременно. Выбивать их по одному не вариант — после гибели или ранения первого же мятежника остальные начнут действовать без оглядки на соблюдение скрытности и сразу используют всю мощь своих стрелковых комплексов и пушек бота, причем бить будут на поражение.

Бомб у нас хватило на создание относительно неширокой кольцевой зоны внутри периметра, и шансов, что вся группа десантников окажется в заминированной полосе одновременно не так уж много. Правда, на крайний случай у нас есть «Призрак» Кудрявцева, но надежность этого аппарата с самого начала

вызывала у меня настолько серьезные сомнения, что я согласился на этот бред только из-за полного отсутствия других вариантов решения проблемы.

— Противник покидает бот, — голос Летры по-прежнему напряжен. — Фиксирую пять целей. Маскировочные поля поколения семь плюс. Модель стрелковых комплексов точно отследить не могу, но, вероятно, это «РОК-М», такие же, как у пехотинцев из охраны Луной базы. Значит, и броня примерно того же класса. Экзоскелет, неплохая защита, но не шедевр. Взрыв АБОВ-500 ближе, чем в десяти метрах не удержит точно. Ближе пяти — практически стопроцентная гибель десантника.

Мы подъезжаем к контрольно-пропускному пункту. Китайцы бдят, или, как минимум, делают вид, что относятся к своим обязанностям со всем тщанием. Ну, и молодцы. Теряем на проходе периметра минут пять. Бронеавтомобили и грузовики с пехотой остаются снаружи, а наша изрядно поредевшая колонна продолжает движение через буферную зону, приближаясь к недостроенной ракетной позиции. Там сейчас никого нет. Рабочие покинули охраняемую зону почти час назад, и на месте нас встречают только лейтенанты Игнатов и Никифоров, старательно изображающие из себя руководителей стройки, готовых продемонстрировать высокому начальству успехи строительных бригад, достигнутые за прошедший трудовой день.

— Мятежники начали движение, — шелестит в моей голове голос Летры. — Восемьсот метров до минного поля. Пока держатся плотной группой.

Плотная группа — это неплохо. Такой вариант нам и нужен, вот только, десантники вряд ли забыли все то, чему их учили. При подходе к цели они наверняка разделятся.

— Внутри бота кто-то остался?

— Маловероятно, — секунду подумав, отвечает Летра. — Обычно штат десантной секции эсминца не превышает пять единиц. Функции пилотов бота выполняют сами десантники, их этому специально учат, да и управление там предельно автоматизировано — ребенок справится. Так что они здесь все. Вычислитель бота с ними на связи и готов в любой момент взлететь и поддержать группу огнем.

Мятежники продолжают движение. От наших фугасов их отделяет шестьсот метров.

— Когда приступишь к взлому защиты бота?

— Не раньше, чем вы начнете активную фазу боя, — сосредоточенно отвечает Летра. — Если что-то пойдет не по плану, вычислитель немедленно предупредит десантников. Пока дроны выходят на исходную. Им нужно подобраться почти

вплотную. Маскировка у нас лучше, но торопиться все равно нельзя. Идеально будет, если бот перейдет в автономный режим, а это произойдет только когда нам удастся вырубить всех мятежников.

Мы всей командой неспешно ходим по стройплощадке, имитируя производственное совещание, совмещенное с обходом строящихся сооружений. На деревянных вышках стоят часовые. Они не в курсе того, что сейчас должно произойти, но предлога для их удаления из охранной зоны найти так и не удалось. Остается надеяться, что предстоящие события обойдут их стороной.

— Триста метров до минного поля. Мятежники разделяются.

Я вижу на виртуальной карте, как группа десантников распадается на три части Две пары уходят влево и вправо, собираясь, видимо, охватить нас с двух сторон. Один боец останавливается. Возможно, это командир, решивший остаться на подстраховке. В заминированную зону он, видимо идти не собирается.

— Генерал, для «Призрака» есть работа.

— Готов принять координаты цели, тут же откликается Кудрявцев.

Летра скидывает пилоту вектор движения. Ему нужно лишь четко выдержать заданный курс, а команду на сброс бомбы она в нужный момент отдаст дрону сама. Хоть бы это безумие сработало! Идея Кудрявцева сначала вызвала у меня нервный смех. Для удара по противнику, оснащенному оружием и сканерами, опередившими земную технику на сотни лет, он предложил использовать… деревянный планер, с матерчатой обшивкой. Сама идея казалась изящной. У планера нет двигателей. Он не излучает тепло, летит бесшумно и не оставляет за собой следа разогретого и загрязненного воздуха. Он неметаллический, что тоже облегчает маскировку. Два десятка дронов, размещенных на корпусе и крыльях, вполне способны обеспечить этому аппарату необходимую незаметность. И все же я не мог себе представить, как можно летать без двигателя! Для меня это было совершенно немыслимо. Непредсказуемый ветер, турбулентность, отсутствие возможности резко изменять скорость полета… А вот Летра мысль Кудрявцева оценила сразу. В отличие от меня она не испытывала настоящих эмоций и не могла стать жертвой стереотипов.

Глядя на мою обалдевшую физиономию, Кудрявцев только усмехался.

— Командир, прежде чем меня допустили к полетам на нормальных самолетах, я в аэроклубе налетал на планерах

больше сотни часов. Это отличная штука. Пригоним из Союза серийный десантный КЦ-20, слегка переделаем грузовой отсек силами наших техников и получим безмоторный бомбардировщик. В пределе он унесет четыре пятисотки, но лучше взять три, чтобы остался запас маневренности. Дальше цепляем планер тросом к «Илу», и он поднимает его в воздух на буксире. Сам «Ил» будет светиться на сканерах противника, как новогодняя елка, но в зону действия пушек бота он не полезет, а будет таскать меня по кругу, делая вид, что патрулирует периметр охранной зоны. Сам планер виден противнику не будет. В нужный момент по твоей команде я отцеплюсь от буксировщика и со снижением выйду на цель. Как я понимаю, все бомбы нужно будет сбросить за один заход, поскольку второго шанса нам никто не даст, но я уверен, что второго захода и не потребуется.

Я смотрел на Кудрявцева, не в силах поверить в то, что слышу все это от взрослого человека с немалым боевым опытом. Из ступора меня вывел ехидный смешок Летры.

— Лейтенант, сделай лицо попроще. Твой генерал совершенно прав — это вполне рабочий вариант.

Воспоминания проносятся в моем мозгу за долю секунды, и я вновь слышу голос Кудрявцева:

— Пять минут до цели.

— Принято.

Мятежники не торопятся. Они знают, что обычно на строящейся ракетной позиции я провожу не меньше сорока минут, и неспешно движутся через лес.

— Обе пары бойцов противника в зоне действия фугасов, — докладывает Летра.

Это я вижу и сам, но Кудрявцев еще не вышел на цель. Планер не может лететь так же быстро, как «Ил», и ему требуется дополнительное время. Одиночная отметка предполагаемого командира десантников приходит в движение и начинает смещаться вдоль заминированной полосы, не приближаясь к ней ближе, чем на три сотни метров. Что задумал мятежник, мне неясно, но вот то, что он теперь движется может осложнить Кудрявцеву и Летре выполнение задачи.

Планер тоже чуть меняет курс — Летра вносит поправку на смещение цели.

— Минута до точки сброса.

Десантники противника выходят на исходные позиции и останавливаются. Они все еще в заминированной зоне, но до ее внутренней границы не более пятидесяти метров. Видимо, мятежники ждут только приказа командира, чтобы начать финальную часть операции, и, если они начнут движение прямо

сейчас, нам придется взорвать расположенные рядом с ними фугасы раньше срока, иначе они просто выйдут за пределы минного поля, и тогда мы окончательно потеряем контроль над ситуацией.

— Готовность тридцать секунд! — это уже доклад Летры.

Планер летит невысоко. Летра отдала Кудрявцеву команду максимально снизиться и тем самым сократить время падения бомб, чтобы десантник мятежников не смог выйти из зоны поражения, резко изменив направление движения.

Мы в это время внимательно осматриваем один из окопов для будущей пусковой установки. Я с умным видом ковыряю пальцем бревно вертикальной подпорной стенки. Мы зашли сюда как бы случайно, хотя на самом деле, именно здесь самое безопасное место, хорошо защищенное от воздействия ударной волны.

Четыре красных метки резко срываются с места, устремляясь к нам. Вражеские десантники, наконец, получили команду.

— Летра! — выкрикиваю я, но моя виртуальная помощница и сама знает, что нужно делать.

В доли секунды лес вокруг мятежников превращается в море огня. Понимая, что синхронного удара не получится, Летра бьет наверняка. Вокруг каждой пары десантников взрывается по четыре бомбы объемного взрыва. Ударные волны сталкиваются, усиливая друг друга. Два счетверенных взрыва сливаются в единые светящиеся шары раскаленных газов, рвущиеся в небо и растекающиеся над обожженными и исковерканными деревьями серыми грибовидными облаками.

Последний уцелевший десантник реагирует не сразу. Его, безусловно, учили, как надо действовать в подобных ситуациях, но отсутствие реального боевого опыта и ленивая служба на эсминце не дают рефлексам сработать без участия мозга. Мятежник медлит какую-то секунду, и это решает исход боя. Резкий рывок назад-влево призван вывести бойца из опасной зоны, но планер Кудрявцева уже над целью.

— Сброс! — кричит Летра, и три АБОВ-500 покидают импровизированный бомбовый отсек грозного древесно-тряпочного летательного аппарата.

Еще одна вспышка! Десантник успевает уклониться на пару десятков метров в сторону, однако три пятисоткилограммовых бомбы, ударивших почти в одну точку, генерируют слишком мощную ударную волну. Бойца нарывает ослепительным облаком взрыва, но какую-то команду боту он все же успевает отдать. Плотная очередь плазменных сгустков, ярко светящихся в атмосфере из-за ионизации воздуха, выглядит почти непрерывной струей огня. Взять точный прицел вычислитель бота не может, но

один из разрядов все же задевает самый кончик крыла планера. Взрыв, способный пробить изрядную дыру в двухсотмиллиметровой броне, буквально испаряет всю плоскость и поджигает обшивку фюзеляжа. Летящий над самыми верхушками деревьев планер резко проседает вниз и рушится в лес, продолжая гореть.

— Летра, не дай ему взлететь!

Я выпрыгиваю из окопа и уже на бегу слышу ответ искусственного интеллекта:

— Он и не пытается. Как только вырубился канал связи с командиром десанта, бот перешел в автономный режим. Главное, чтобы управление не попытались перехватить с эсминца через дроны, висящие на орбите, и разведчик-ретранслятор. У меня есть минута, ну, может, две. Дальше они поймут, что операция провалена и начнут действовать.

Я продолжаю ломиться сквозь заросли к месту падения планера. Далеко позади бегут остальные бойцы группы. У них свои задачи — нужно выяснить, что стало с мятежниками после взрывов.

— Можешь так не спешить. Жив твой генерал. Дроны им занимаются. Руку в двух местах сломал, головой приложился от души и пару ожогов средней тяжести получил, выбираясь из кабины. Сейчас на земле в двадцати метрах от горящего планера лежит без сознания. Как добежишь, нейромобилизацию ему проведем. Твои импланты для этого лучше подходят, чем эффекторы дронов.

— Что с ботом? — от бега в таком темпе я все же начинаю задыхаться.

— В процессе. Техника, в отличие от людей, не заражается виртуальным психозом. Над перепрошивкой вычислителя эсминца мятежники, естественно, неслабо поработали. Командиру корабля он вынужден подчиняться и готов принять от него любую вводную. А вычислителем бота так плотно никто не занимался. Это куда более незамысловатая машина, да и в бою она с момента мятежа используется впервые. В общем, пока его контролировал лейтенант-десантник, вычислитель бота аккуратно выполнял все его команды, а как только бот ушел в автономный режим, он перестал воспринимать другую технику Шестой Республики, как враждебную. А у тебя, между прочим, как у командующего Лунной базой, доступ более высокого ранга, чем даже у командира эсминца. Дроны успели подобраться к боту вплотную и передали его вычислителю нужный пакет кодов через технический порт, но там стоит пара защитных контуров…

— Успеешь?

— Не знаю. Времени почти не осталось.

Одина из посеревших меток на виртуальной карте, обозначающая выведенного из строя бойца противника, неожиданно окрашивается в желто-оранжевый цвет. Видимо, медблоку боевого скафандра удается привести оглушенного десантника в чувство. Треск пулеметной очереди… Несколько одиночных выстрелов. Символ вновь тускнеет и едва светится желтым — кто-то из моих бойцов вовремя реагирует на возникшую угрозу.

— Связь бота с орбитой заблокирована! — докладывает Летра, — Защитные контуры у них тоже не новые стояли, так что долго они не продержались. Еще минут пять, и получим полный контроль.

Я продираюсь через последний куст и вываливаюсь на небольшое свободное пространство. Чуть в стороне густо дымит в сырой листве догорающий планер, а прямо передо мной на покрытой пожухлыми листьями земле лежит Кудрявцев. Рука вывернута под неестественным углом, волосы опалены, из-под лохмотьев разорванного рукава видна покрасневшая от ожогов кожа. Генерал без сознания, но на его лице хорошо читается выражение полного удовлетворения результатом только что законченной тяжелой работы.

Глава 7

Сержант Кнат открыл глаза. Голова болела, но не сказать, чтобы сильно. Во всем теле чувствовалась неприятная дрожь, как будто каждый мускул жил своей жизнью. Гадкое ощущение, но знакомое. Так бывает после сильной контузии, если помощь пострадавшему оказывается не в корабельном медблоке, а в полевых условиях. Импланты, конечно, подавляют болевые ощущения, но что-то через эту блокаду все же прорывается. Конечно, в условиях боя применяются совсем другие стимуляторы и обезболивающие, но бой, вроде как, закончился, и сейчас такие сильнодействующие средства не требуются.

Сержант обвел взглядом знакомую обстановку. Он лежал в одном из кресел десантного бота, трансформированном в положение для оказания медицинской помощи раненому. Рядом с его головой тихо шелестел выдвинувшийся из подголовника малый медсканер. Оснащение бота позволяло оказывать пострадавшим десантникам первую помощь и при необходимости поддерживать их жизнь до доставки на корабль, но для полноценного излечения серьезных ран это оборудование не предназначалось.

В десантном отсеке Кнат был не один. Немного повернув голову, сержант увидел в соседнем кресле лейтенанта Кри, все еще находившегося без сознания, и увиденное ему очень не понравилось. Тело лейтенанта было прочно притянуто к креслу фиксаторами, как будто бот сейчас прорывался через атмосферу вражеской планеты и совершал резкие противозенитные маневры. Однако, они явно находись на земле или в ангаре корабля, и никакой необходимости в такой фиксации не было.

Переведя взгляд на руки командира, сержант не сдержался и громко выругался. Запястья лейтенанта охватывали хорошо знакомые Кнату мягкие с виду, но очень прочные браслеты из спецкомплекта для транспортировки пленных. Сержант попытался пошевелиться и убедился, что сам он точно так же пристегнут к креслу. Освободиться от браслетов нечего было и думать — они разрабатывались с учетом того, что задержанный может иметь в организме биоимпланты или даже вживленные мускульные усилители.

— Вычислитель, доклад! — хрипло потребовал Кнат, слегка приподняв голову.

— Добрый день, сержант, — совершенно неожиданно для Кната ему ответил незнакомый женский голос. — Мое имя Летра. Вычислитель бота временно заблокирован и все функции

жизнеобеспечения переключены на меня.

— Что происходит? Почему мы пристегнуты к креслам, и где остальные бойцы десантной секции?

— Вы пытались захватить или убить командующего Лунной базой и потерпели неудачу. К сожалению, вы и лейтенант Кри — единственные выжившие в этом бою. Планом операции не была предусмотрена гибель ваших товарищей, однако обстоятельства сложились так, как сложились. Ваша свобода в данный момент ограничена. Думаю, мне не нужно объяснять причины этого ограничения.

— Но как? Как вам это удалось?

— Вам все расскажет командующий, если, конечно, посчитает нужным это сделать, — невозмутимо ответила Летра, — а сейчас вам лучше сохранять неподвижность и дать возможность медицинской аппаратуре завершить необходимые манипуляции. Вы получили сильную контузию и сотрясение мозга. По-хорошему, вас нужно лечить в стационарных условиях, но, к сожалению, в нашем распоряжении имеются только медицинские системы десантного бота, так что в ваших собственных интересах не затруднять им работу.

Сержант аккуратно опустил все еще гудящую голову на упругую поверхность подголовника, выполнявшего сейчас роль подушки, и закрыл глаза. Кнат не сомневался, что больше никаких внятных ответов он не получит. Ясно одно — он в плену у зараженных. И все же, как это могло случиться?

Сержант попытался вспомнить последние минуты боя. Не сразу, но это ему удалось. В соответствии с изначальным планом отряд разделился на две пары. Кнату достался в напарники рядовой Илл*и,* чуть больше года назад распределенный на «Консул Пран» по контракту с оборонным ведомством. Обычный рекрут со скучной промышленной планеты, болтающейся вокруг ничем не примечательной тусклой звезды на окраине освоенного пространства. Наверное, командир решил прикрепить самого неопытного бойца именно к нему, чтобы новобранец был под надлежащим присмотром во время своей первой боевой операции. Впрочем, как понял Кнат, для рядового этот бой оказался и последним.

Сам командир остался в тылу, чтобы координировать действия группы и при необходимости быстро выдвинуться на помощь любой из пар. Пока сканеры не видели впереди ничего опасного. Объект атаки беспечно бродил по недостроенной позиции в сопровождении группы местных вояк, целиком поглощенный изучением примитивных защитных сооружений, над возведением которых целый день трудились строители.

В принципе, его можно было брать без всякой подготовки и всех этих маневров с обходом с двух сторон, но сержант не привык обсуждать приказы старших по званию и спокойно выполнял полученную команду.

— На исходной, — коротко доложил он, когда их пара достигла нужной отметки на виртуальной карте.

Нельзя сказать, что вокруг не было совсем ничего опасного. Сканеры фиксировали довольно густую сеть небольших противопехотных мин, но эти древние устройства не представляли почти никакой угрозы. Сработать они могли только при нажатии, а наступать на них десантники, естественно, не собирались. Да даже взорвись такая штука под стопой, защищенной боевым скафандром, никакого вреда бойцу она не нанесет. Ну, может быть, заставит пошатнуться и слегка приложит по ноге остаточной ударной волной, да и то вряд ли. Хуже другое — взрыв услышат аборигены и начнется ненужная суета.

— Ждите, - пришел ответ от лейтенанта Кри. — Вторая пара еще не готова.

Сам лейтенант тоже решил сменить позицию, и Кнат увидел, как на боевой проекции его отметка начала перемещаться влево.

— Готовность ноль… Начали!

Сержант рванулся вперед, автоматически зафиксировав, что его напарник тоже выполнил команду лейтенанта Кри. А вот дальше… Дальше произошло что-то совершенно не лезущее ни в какие рамки. Сразу с четырех сторон древние устройства, распознанные сканерами, как маломощные мины нажимного действия, издали странные не слишком громкие хлопки и выбросили в воздух облака аэрозоля, через долю секунды вспыхнувшие яростным пламенем объемных взрывов. Сержант успел ощутить сильнейший удар, и его сознание померкло. Кажется, потом было что-то еще, но вспоминалось это какими-то урывками. Кнат не знал, сколько он пролежал в отключке, но в какой-то момент пришла боль. Сержант с трудом открыл глаза. Судя по ощущениям, он лежал на боку, упираясь взглядом в расщепленный и обуглившийся пень. Боевая проекция сбоила и мерцала красным, сообщая о плачевном состоянии его организма и практически полном выходе из строя брони. Скафандр спас ему жизнь, но, приняв на себя чудовищный удар, он истратил всю энергию и получил повреждения, но зато частично компенсировал воздействие поражающих факторов взрыва на организм своего хозяина. Псевдомышцы экзоскелета бессильно расслабились, придавив сержанта к грунту своим немалым весом.

Приложив отчаянное усилие, Кнат перевернулся на спину.

Все тело отозвалось болью, и он вновь потерял сознание. На этот раз беспамятство длилось недолго. Когда сержант открыл глаза, внешние микрофоны брони донесли до его слуха звук быстрых шагов. Кто-то бежал через лес, и вряд ли это были его боевые товарищи. Собрав в волю в кулак, Кнат попытался развернуться в сторону приближающейся угрозы, одновременно нащупывая рукой оружие. Кажется, это даже ему удалось, вот только сделать сержант все равно ничего не успел. Запомнилось только мерцание вспышек на срезе ствола и несколько сильных ударов по шлему и грудным пластинам скафандра, отозвавшихся невыносимой болью. Поврежденная и лишенная энергии броня могла служить лишь пассивной защитой, не давая пулям добраться до тела Кната, но плохо компенсируя их ударное воздействие. Сержант потерял сознание в третий раз и очнулся уже здесь, в захваченном зараженными десантном боте, без оружия и брони, надежно пристегнутым к креслу и неспособным что-либо предпринять для своего освобождения.

От воспоминаний Кната отвлек слабый стон — лейтенант Кри пришел в сознание.

Вскрыть бронескафандры десантников дронам Летры особого труда не составило. Я, конечно, понимал, что планы редко воплощаются в жизнь в неизменном виде, но все же мне было жаль, что нам пришлось задействовать бомбы объемного взрыва не на расчетном расстоянии от десантников, а как придётся. В результате трое пленных умерли от полученных ранений. Возможно, одного или даже двоих удалось бы вытащить, но необходимого для этого медицинского оборудования у нас не имелось.

Броня и оружие бойцов десантной группы тоже пострадали сильнее, чем я рассчитывал. Работоспособным остался только стрелковый комплекс командира отряда. Остальное ручное оружие, в принципе, можно было починить, но, опять же, не в наших условиях. А вот бронескафандров уцелело два. Правда, в одном из них маскировка работала далеко не лучшим образом, а во втором подглючивал сканер, но остальные функции после зарядки энергонакопителей и установки новой прошивки восстановились в полном объеме.

Зато десантный бот достался нам полностью целым. Меня несколько удивило его слишком пассивное поведение в бою, но Летра, полностью подчинившая себе его вычислитель, объяснила, что дело здесь в установленном командиром группы типе боевого режима.

Поставленная перед мятежниками задача оказалась

нетипичной для десантной секции эсминца. Захват противника живым — дело для диверсантов-разведчиков. У них есть специальные транспортные средства, соответствующее оборудование и экипировка, а лейтенант, командовавший группой захвата, был вынужден использовать то, что имелось в его распоряжении, пусть даже оно не слишком подходило для решаемой задачи.

В результате вычислитель бота пришлось практически полностью лишить инициативы, разрешив ему открывать огонь только по целям, указанным командиром группы, иначе, следуя заложенным в него боевым алгоритмам, он начал бы палить во все, что шевелится при первых же признаках сопротивления со стороны противника. При этом запросто мог погибнуть подлежащий захвату объект. Ну а поскольку все бойцы десантного отряда были выведены из строя практически одновременно, бот успел получить единственный приказ — сбить воздушную цель, атаковавшую командира. Эту задачу он успешно выполнил и перешел в режим ожидания нового приказа, которого, по понятным причинам, так и не дождался.

Естественно, весь этот фейерверк был виден и слышен на много километров вокруг, и нам пришлось объяснять китайским союзникам и своим товарищам, что, собственно, произошло. Естественно, отчитаться пришлось и перед Москвой. Снова пошла в ход полуправда, но мы с Лебедевым честно старались по возможности сократить в докладе долю откровенной дезинформации. В сообщении говорилось, что противник предпринял разведывательно-диверсионный рейд на строящуюся позицию крылатых ракет К-212. Хорошо подготовленной группе диверсантов удалось скрытно проникнуть за первое кольцо оцепления, однако при попытке приблизиться непосредственно к секретному объекту они были обнаружены и полностью уничтожены в скоротечном бою. Начало активных действий противника совпало с проведением испытаний планера КЦ-20 в качестве бесшумного бомбардировщика, невидимого для радиолокаторов. В результате стечения обстоятельств полигонные испытания превратились в боевые — пилот планера прямо в воздухе был перенацелен на уничтожение диверсантов. Генерал-майор Кудрявцев выполнил поставленную задачу, точно накрыв противника бомбами АБОВ-500, однако для повышения точности бомбометания ему пришлось снизиться до критической высоты. Планер был поврежден ответным огнем с земли, загорелся и упал в лес. Генерал-майор Кудрявцев получил ранения и ожоги средней тяжести. Во время атаки диверсантов на объекте находились руководители военной миссии СССР в Китае,

прибывшие для проведения инспекции хода строительных работ и наблюдения за испытаниями. Предположительно именно они, а не недостроенная позиция ракет, являлись главной целью противника.

Почти все — чистая правда. Вот только слово «противник» может означать не только японцев, но это уже совершенно лишние детали, как, впрочем, и всякие «мелочи», вроде захвата пленных вместе с их броней, оружием и десантным ботом.

Бот я пока оставил внутри охраняемого китайскими войсками периметра, лишь переместив его на несколько километров севернее под прикрытием маскировочного поля. Выживших мятежников мы заперли внутри под присмотром Летры, оказав им необходимую медицинскую помощь. Пусть приходят в себя, а поговорить с ними можно и несколько позже. В экипировке десантников нашелся набор для полевых допросов, включающий одноразовые инъекторы с весьма полезной химией, позволяющей развязывать языки даже самым упертым фанатикам, так что особых проблем с получением нужной информации я не видел.

Капитан-лейтенант Хирч, нехорошо прищурившись, смотрел на голографическую проекцию зоны высадки, с которой несколько минут назад бесследно исчезла отметка десантного бота. Теперь на ней один за другим гасли тревожно мигающие маркеры раненых десантников.

— Вычислитель, анализ ситуации.

— С высокой вероятностью противник на планете располагает мобильными устройствами, оснащенными генераторами маскировочного поля, а также аппаратурой для взлома защитных систем, причем более позднего поколения, чем наши.

— Бред! — резко ответил командир эсминца, — Они применяют только оружие местного производства. Так было и в этом бою, и во всех предыдущих столкновениях с японцами. Откуда тогда такие средства маскировки и взлома?

— Недостаточно информации. Возможно, противник продолжает частично соблюдать запрет на вмешательство и не использует оружие Шестой Республики на поверхности планеты.

— Неужели? Они что, подвергают себя смертельной опасности ради каких-то букв из давно потерявших актуальность инструкций?

— Для оценки достоверности высказанного предположения у меня нет необходимых исходных данных.

— Мы потеряли бот и всю десантную секцию! И никто не может даже предположить, как такое могло случиться!

Командование вынесет нам глубокую благодарность за отлично проведенную операцию. Такую глубокую, что аж до самых гланд!

— Командир, — на возмущенный выпад Хирча решился ответить зам по вооружению, — если мы прямо сейчас войдем в систему, встанем на низкую орбиту над юго-востоком Китая и ударим по целям на поверхности, мы решим, по крайней мере, одну из наших проблем — с гарантией уничтожим этого странного зараженного. Уж на это-то ресурсов «Консула Прана» хватит с запасом.

— Неужели? — на лице Хирча появилась издевательская усмешка, — А о базе на этой их Луне ты уже забыл?

— Прикроемся от нее планетой. Не думаю, что после схватки с крейсером у них там осталось что-то крупнее истребителей, а от двух-трех таких машин мы отобьемся.

— Кто-то еще так думает? — командир эсминца окинул взглядом офицеров корабля.

— Мы не знаем, какие системы ПКО сохранились на Лунной базе, — пожал плечами старший инженер. — Запросто можем нарваться на залп батареи тяжелых ракет дальнего радиуса. Для них обогнуть планету никакой проблемы не составит.

— А какие у нас варианты? — не сдавался Корф. — Сидеть и ждать, пока командование признает миссию проваленной?

— Действие ради действия не имеет никакого смысла, — спокойно ответил инженер. — Посмотри на голограмму. Кого ты хочешь атаковать? Дроны на орбите не видят целей. Бот укрылся маскировочным полем. Нашего зараженного я больше не вижу, да и его товарищи из диких тоже не просматриваются. Думаю, теперь они постоянно будут пользоваться маскировкой. Они ведь не идиоты и прекрасно понимают, что могут нарваться на залп с орбиты.

— Сканеры эсминца гораздо мощнее тех, что стоят на зондах. Возможно, им удастся пробить маскировку зараженных.

— Хватит! — оборвал спор Хирч. — Мы не станем совершать необдуманных и откровенно авантюрных поступков. Корабль останется за пределами системы. Пока на орбите планеты есть мини-дроны и нормально функционируют разведчики-ретрансляторы, мы продолжим снабжать информацией японцев и их союзников. Пусть дикие убивают друг друга.

— А если это не сработает?

— Вот тогда и будем думать об ударе по поверхности планеты, но не раньше, чем станет ясно, что других вариантов не осталось. Передайте приказ вычислителю транспорта снабжения совершить прыжок по нашим координатам. Нечего ему болтаться в межзвездной пустоте, пусть лучше будет рядом с нами.

— Он почти пуст. Толку с него… — усомнился инженер.

— Предлагаете бросить исправный корабль поддержки? — удивился Хирч.

— Нет, конечно. Просто его появление у границ системы ничего не изменит.

— Посмотрим. Есть у меня кое-какие мысли, но говорить об этом пока рано. Выполняйте приказ.

Разъяснив ситуацию китайским союзникам и отправив доклад в Москву, я был вынужден заняться делами авиаполка Кудрявцева. Генерала поместили в местный госпиталь для высшего комсостава. Из строя он выбыл довольно надолго, но эвакуироваться в Союз отказался категорически. По рекомендации Летры я посещал его дважды в сутки, и с помощью биоимплантов проводил «сеансы физиотерапии». Китайцы на это смотрели косо, но спорить с главой русской военной миссии не решались. Впрочем, в том, что они немедленно ставили в известность обо всем увиденном свое руководство, я ни секунды ни сомневался.

Вечером прибыл первый Пе-8 с заказанными мной крылатыми ракетами. После потопления «Дзуйкаку» и срыва японского десанта на китайское побережье американцы ускорили подготовку очередного конвоя в СССР и серьезно увеличили заявленный объем поставок военных грузов, так что в Москве, судя по всему, к моей заявке отнеслись со всей серьезностью, немедленно организовав доставку в Китай изделий товарища Королева. Соответственно, и от меня ждали начала операции в максимально сжатые сроки, так что пришлось впрячься в организацию разгрузки и транспортировки ракет на позиции, что было делом, мягко говоря, непростым, учитывая нервозность обстановки после атаки «японских диверсантов».

Наблюдая за сборкой пусковых установок, я вызвал Летру.

— Как ведут себя пленные?

— В основном спят под воздействием медицинских препаратов. Десантники изрядно пострадали от взрывов, так что их организмам требуется длительное восстановление. Обсудили провал операции, но довольно вяло. На самом деле, сейчас самое время попытаться на них надавить, если хочется воспользоваться хотя бы минимальным шансом вытащить кого-то из них из капкана виртуального психоза. Во всяком случае, значительная часть успешных попыток вправить мятежникам мозги зарегистрирована именно на фоне посттравматического состояния пациентов.

— Я освобожусь примерно через час. Что порекомендуешь по

тактике допроса?

— У меня нет подробной информации о том, как именно велась работа с пленными мятежниками. Есть только отрывочные данные из разных источников, да и то сильно урезанные и местами довольно сомнительные. Все, что мне удалось собрать, ты уже знаешь.

— Значит, придется разбираться на месте. Начнем, пожалуй, с лейтенанта, а сержант пусть пока поспит.

— Принято. Минут через сорок погружу сержанта в медикаментозный сон. Ему это только на пользу. Лейтенанту сыворотку правды сразу вводить или сначала хочешь побеседовать с ним без химии?

— Попробуем для начала без спецсредств. Как я понял, вряд ли что-то получится, но хотя бы пойму, с чем имею дело.

— Хорошо. Через час все будет готово.

Лейтенант встретил меня взглядом, в котором читалась смесь досады и отвращения. Особого страха он не испытывал. Мятежники, вообще, почти ничего не боялись, считая, что после смерти в виртуальном пространстве очнутся в отключившемся тренажере, и максимум, что может им грозить, это жесткий фитиль от начальства во время «разбора полетов».

— Добрый день, лейтенант, — я улыбнулся, игнорируя попытку командира десантников прожечь меня взглядом.

Мятежник не ответил, лишь изобразив на лице кривую усмешку.

— Не хотите разговаривать с цифровым персонажем, порожденным программой, заложенной в вычислитель виртренажера? — я тоже усмехнулся, не отводя взгляда.

Щека лейтенанта чуть дернулась, и усмешка стала неестественной. Такого начала допроса он явно не ожидал.

Я лейтенант Ирс, пилот космического истребителя, в силу обстоятельств принявший командование научной базой на Луне. Мы с вами в равных званиях, но по должности я вас заметно старше, так что будьте добры вести себя соответствующим образом.

— А то что?

Я пожал плечами и опустился в свободное кресло, развернув его к собеседнику.

— Если нормального разговора у нас не получится, мне придется использовать химический «болтунчик». Под действием этого препарата вы сами мне все расскажете. Средство это у меня появилось из набора для полевых допросов, имевшегося в вашем боте, так что, я уверен, вы не хуже меня понимаете всю бесполезность попыток ему сопротивляться. Это даст мне

необходимую информацию, а вот вы так и останетесь в плену своих заблуждений по поводу того, что выполняете учебную миссию, находясь в виртуальном тренажере.

— Обычный бред зараженных, — еще сильнее скривился лейтенант. — Хотите заразить и меня? Вряд ли у вас это получится. Все, кто не имел иммунитета, уже подхватили заразу на ранней стадии миссии.

— Сколько уже длится ваше задание? — перевел я беседу в другое русло. — Больше года, если не ошибаюсь. Вспомните, разве когда-то упражнения на виртуальных тренажерах длились так долго?

— Командованию виднее.

— Но ведь и вам мозги даны не просто так, лейтенант. Сколько часов из этого года вы провели в реальных боевых условиях? Мне вы можете не отвечать, но хотя бы самому себе не лгите. Вы прекрасно понимаете, что ни один здравомыслящий инструктор не станет мариновать бойцов и командиров в тренажерах в течение года ради нескольких суток настоящих тренировок. Вот это — настоящий бред, в который вы почему-то искренне верите.

— А если командование хочет проверить не только наши боевые качества, но и морально-психологическую подготовку и устойчивость? — усмешка лейтенанта стала злее. — Ради этого можно и на год нас в эсминец законопатить, и задачу поставить такую, которую в реальном мире страшно даже представить.

— Нет в этом никакого смысла, — я уже понимал, что не смогу убедить командира десантников, но все же решил предпринять последнюю попытку. — Для такой проверки нужно, чтобы вы не знали о том, что находитесь в виртуальности. Иначе всё зря. Бойцы, понимающие, что реально их жизням ничто не угрожает, могут успешно тренировать тактическое взаимодействие в бою, оттачивать рефлексы, осваивать новую технику, но никакой проверки морально-психологической устойчивости не получится. Вы же уверены, что все вокруг — фальшивка. Так чего вам бояться, кроме провала учебной миссии? Ради чего командование на год с лишним выдернуло со службы и запихнуло в виртуальные тренажеры сотни тысяч хорошо подготовленных военных? Постарайтесь ответить честно, лейтенант, хотя бы себе самому.

— Ты цифра, лейтенант Ирс, — на лице командира десантников отразилось пренебрежение, — ходячая и говорящая провокация, призванная заморочить мне голову и заразить своим бредом. Ты часть испытания, подготовленного для нас инструкторами, и что бы ты ни говорил, цифрой и провокацией

ты и останешься.

— Летра, похоже, здесь я ничего не смогу сделать, — я сожалением покачал головой, — вводи ему «болтунчика». Придется ограничиться получением информации о том, какими силами располагают мятежники в Солнечной системе и ее окрестностях.

Начальник автобронетанкового управления Красной армии генерал-лейтенант Федоренко внимательно следил за жарким спором конструкторов Харьковского танкового завода с их коллегами с судостроительного предприятия «Красное Сормово», тоже выпускавшего танки Т-34. Масла в огонь регулярно подливал недавно назначенный начальником Центрального артиллерийского КБ генерал Грабин. Нарком танковой промышленности Малышев пытался удерживать дискуссию в нужном русле, но удавалось это с большим трудом.

Суть обсуждаемой проблемы сводилась к тому, как в средний танк Т-34 впихнуть 85-миллиметровую пушку, способную пробивать броню новых немецких тяжелых танков хотя бы с тысячи метров. И без того тесная двухместная башня «тридцатьчетверки» для этого явно не годилась, да и по бронезащите она тоже уже устарела. Появление длинноствольных пушек у немецких «троек» и «четверок» наглядно продемонстрировало слабость брони советских танков еще во время сражения за Крым.

Казалось бы, единственным верным решением была разработка новой более просторной трехместной башни с усиленным бронированием и достаточным забронеым пространством для установки пушки более крупного калибра. Однако у противников этого решения неожиданно нашлись очень веские аргументы.

— Товарищи, я вас отлично понимаю, — в очередной раз взял слово главный конструктор Харьковского завода, — и я даже согласен с тем, что новую башню для Т-34 делать необходимо, но я прошу вас обратить внимание на сроки. Более широкий погон потребует серьезной переделки корпуса танка, а это повлечет за собой значительную перестройку всей технологической цепочки. Саму башню тоже еще только предстоит спроектировать, испытать и принять в производство. Если мы пойдем этим путем, новый танк появится в войсках не раньше конца следующего года, а скорее, в начале сорок четвертого. То есть весь предстоящий сорок третий год наши танкисты будут вынуждены воевать с качественно превосходящим их противником, неся неприемлемые потери.

Конструктору попытались возразить сразу несколько человек, но тут слово взял Федоренко, которого больно задел приведенный аргумент.

— Товарищ Морозов поднял очень важный вопрос, — с нажимом произнес начальник автобронетанкового управления, — и, думается мне, сделал он это не просто так, а имея конкретное предложение по его решению. Давайте дадим ему высказаться до конца. Продолжайте, товарищ Морозов, мы вас внимательно слушаем.

— В наше КБ несколько дней назад поступил ряд предложений от генерал-полковника Нагулина. По рекомендации товарища Устинова наш представитель летал в Китай, где товарищ Нагулин сейчас находится по заданию Ставки. У нас было мало времени, но даже предварительная оценка привезенных нашим инженером эскизов позволяет предложить более быстрый путь решения возникшей проблемы.

— Генерал-полковник Нагулин имеет какое-то отношение к танкостроению? — слегка приподнял бровь Федоренко. — Я знаю, что гранатомет его конструкции отлично приняли в войсках, да и другие его разработки хорошо себя показали, но танками, насколько я помню, он никогда не занимался.

— Возможно, товарищ Нагулин и дальше не проявлял бы интереса к конструированию танков, но товарищ Семенов, командированный мной в Китай, умеет быть настойчивым и убедительным, почему и был выбран для этого дела. Так вот, предложенное нам конструкторское решение состоит не в увеличении габаритов башни, а в уменьшении размеров и веса размещенных в ней механизмов и, прежде всего, пушки.

— Это легче сказать, чем сделать, — с недоверием в голосе ответил нарком танкостроения, — Если бы все было так просто…

— А вы взгляните, товарищ Малышев, — Морозов раскрыл толстую картонную папку и выложил на стол десяток эскизов. — И вы, товарищ Грабин, ознакомьтесь, пожалуйста. Пушки — это по вашей части.

Грабин с интересом подтянул к себе четыре эскиза, мгновенно выбрав именно те, которые касались модернизированного варианта 85-миллиметровой зенитки 52-к. Малышев вместе с конструкторами сормовского завода склонился над остальными листами. В кабинете повисла тишина.

— Я смотрю, товарищ Морозов, в вашей папке еще много документов, — усмехнулся генерал Федоренко, — это тоже конструкторские решения из Китая?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— И чем еще хочет нас удивить товарищ Нагулин?

— Модифицированный состав брони с весьма необычным соотношением кремния, молибдена, марганца и никеля, плюс новые режимы закалки и последующего отпуска. Мы еще не все успели проверить, но специалисты по броневым сталям, видевшие эти материалы, утверждают, что такая броня будет технологичной в обработке и прочной, но при этом не хрупкой. Это к вопросу об усилении бронезащиты.

— Что-то еще?

— Стабилизатор вертикального наведения пушки. Американцы уже применяют такие на некоторых своих танках, а у нас пока дальше исследований дело не заходило. Интересное решение. Гироскоп размещен не на орудии, а внутри корпуса. Гидравлика и электрика на совершенно элементарном уровне. С учетом поставок американских станков мы вполне справимся с их производством. Конструкцию это, конечно, несколько усложнит, но зато танк сможет прицельно стрелять в движении, не делая вынужденных остановок, снижающих маневренность и лишающих Т-34 одного из главных преимуществ среднего танка перед тяжелыми машинами. Кроме того, есть несколько интересных предложений по двигателю и ходовой.

— Вы способны оценить срок освоения этих новшеств?

— Точно пока сказать не могу. Повторюсь, мы получили эскизы всего три дня назад, но речь идет о считаных месяцах…

— Сделаем, — неожиданно перебил Морозова Грабин. Похоже, он даже не слышал последних слов конструктора, полностью погрузившись в изучение эскизов модернизированной пушки. Громкий возглас конструктора артсистем заставил всех замолчать и развернуться к нему.

— Хм… прошу простить, что прервал, — на лице Грабина отразилось легкое смущение, впрочем, почти мгновенно сменившееся обычным для него выражением уверенности в своих словах. — Здесь работы на пару месяцев. На первый взгляд, не вижу ничего невозможного. Уже сейчас понятно, что пушка будет несколько дороже обычной 52-к, но зато намного легче и компактнее.

— Так… — Федоренко окинул взглядом собравшихся. — В четверг на моем столе должен лежать исчерпывающий доклад по предложениям Харьковского завода и альтернативному варианту с новой трехместной башней. Возможно, пойдем сразу двумя путями. Решение со старой башней — на краткосрочную перспективу, а с новой — на более отдаленную.

Кнат проснулся. Чувствовал себя он уже гораздо лучше. Голова почти не болела, и неприятная дрожь мышц тоже

отступила, хотя противная слабость во всем теле еще ощущалась. Лейтенант Кри спал, а в кресле напротив сержанта сидел тот самый зараженный, ради захвата которого их отряд высадился на поверхность планеты. Его объемное изображение Кнат хорошо запомнил. Лейтенант продемонстрировал его всем бойцам группы перед началом операции.

— Вам повезло, сержант, — нейтральным голосом произнес зараженный, — трое ваших товарищей погибли, а ваш организм оказался заметно крепче. Моим людям даже пришлось стрелять в вас, чтобы вы не наделали глупостей. Мне жаль, что все произошло именно так. Я не хотел никого убивать, но в сложившейся ситуации у меня не осталось выбора.

— Зачем вы все это мне говорите? — сержант сам удивился безразличию, с которым он воспринимал происходящее. — Все, что вы захотите узнать, я и так расскажу под действием сыворотки правды, а беседовать за жизнь с виртуальным персонажем я не вижу никакого смысла.

— Необходимые мне сведения о команде и состоянии эсминца «Консул Пран» и прибывшего с вами транспорта снабжения я уже получил от лейтенанта Кри, — пожал плечами зараженный. — Прошу прощения, я не представился. Лейтенант Ирс, командующий Лунной базой. Правда, почти все на этой планете знают меня, как советского генерал-полковника Нагулина, но сейчас это не столь важно. Что касается химии, то ее в вашей крови нет, за исключением препаратов, введенных вам по медицинским показаниям. Попробуйте ответить мне заведомую неправду. Например, ответьте «да» на мой вопрос: вы прилетели в солнечную систему на крейсере «Адмирал Кун»?

— Да, — без малейших усилий произнес Кнат.

— Вот видите, я не пытаюсь заставить вас говорить правду, но задать вам несколько вопросов мне все же необходимо. Скажу вам честно, с лейтенантом Кри у меня беседа не сложилась. Он выслушал мои аргументы, но так мне и не поверил, даже понимая, что опровергнуть мои слова не может. Если хотите, могу показать вам запись нашего разговора до того момента, когда мне пришлось прибегнуть к услугам «болтунчика».

— Валяйте, — равнодушно ответил Кнат.

Сержанту было все равно. Что-то сломалось в нем после ранения. Весь этот безумный год в его мозгу подспудно накапливалось странное напряжение, периодически прорывавшееся ночными кошмарами, от которых плохо помогали медицинские препараты. Кнат скрывал от товарищей свое состояние, опасаясь, что его отстранят от несения службы и изолируют в медблоке. Это означало бы полный провал учебной

задачи и почти гарантированное увольнение из рядов вооруженных сил Шестой Республики. Иногда кошмары отступали на неделю-другую, и сержант чувствовал себя вполне уверенно, но чем сильнее затягивалась эта непонятная учебная миссия, тем сложнее ему становилось бороться с приступами странных сомнений в реальности всего происходящего. Впрочем, обычно их всё же удавалось подавить усилием воли. Временами, Кната посещали мысли, что он умудрился подхватить заразу, поразившую большинство граждан Шестой Республики, но он тут же напоминал себе, что прекрасно осознает факт своего нахождения виртуальном тренажере и понимает, что его психику всего лишь подвергают очередному испытанию на прочность.

Эта борьба с переменным успехом шла в голове Кната уже несколько месяцев, и до последнего времени сержанту удавалось выигрывать схватку с бунтующим сознанием. Он не мыслил себя без армии, и желание выдержать испытание любой ценой цементировало его волю. А теперь, когда первое и единственное боевое задание десантной секции «Консула Прана» оказалось безнадежно провалено, ему стало все равно. Невидимый стержень, на котором держалась его воля, треснул и сломался. С планами о поступлении на курсы подготовки офицерского состава после такого позорного поражения можно было проститься. Без рекомендации от командира эсминца об этом не могло быть и речи, а какая теперь может быть рекомендация…

Перед креслом Кната развернулся виртуальный экран. Вопросы зараженного и ответы лейтенанта Кри с трудом пробивались через завесу безразличия, в которое все больше погружалось сознание сержанта, но неожиданно что-то заставило его сосредоточиться и прислушаться к диалогу.

«…Сколько часов из этого года вы провели в реальных боевых условиях? Мне вы можете не отвечать, но хотя бы самому себе не лгите. Вы прекрасно понимаете, что ни один здравомыслящий инструктор не станет мариновать бойцов и командиров в тренажерах в течение года ради нескольких суток настоящих тренировок…»

Сколько раз он сам задавал себе этот вопрос, а потом упрямо гнал подступающие сомнения?

«…бойцы, понимающие, что реально их жизням ничто не угрожает, могут успешно тренировать тактическое взаимодействие в бою, оттачивать рефлексы, осваивать новую технику, но никакой проверки морально-психологической устойчивости не получится. Вы же уверены, что все вокруг — фальшивка. Так чего вам бояться, кроме провала учебной миссии? Ради чего командование на год с лишним выдернуло со службы и

запихнуло в виртуальные тренажеры сотни тысяч хорошо подготовленных военных? Постарайтесь ответить честно, лейтенант, хотя бы себе самому…»

Дальше Кнат не слушал. Он молча перевел взгляд на лейтенанта Ирса, и тот, словно почувствовав его состояние, выключил запись.

— Сержант, это ведь ваше первое боевое задание за этот год?

— Да, — после секундной паузы ответил Кнат, уже догадываясь, что услышит дальше.

— Значит, лично вы никого не убивали. Возможно, этот факт поможет вам легче принять реальную действительность. Вы знаете, зачем на естественном спутнике этой планеты была построена научная база?

— До нас эта информация не доводилась.

— Ученые Шестой Республики изучали здесь закономерности развития одной из десятков человеческих цивилизаций, обнаруженных в нашей галактике, и пытались понять, почему все они гибнут в двадцатом-двадцать первом веке по местному летоисчислению.

— Я что-то слышал об этом, но мы ведь живы. Значит, есть путь, позволяющий избежать всех опасностей, и мы им успешно… — Кнат неожиданно замолчал и обессиленно откинулся на подголовник кресла. — Вы хотите сказать…

— Да, сержант, чуть больше года назад пришла наша очередь умирать.

— Я не верю! — Кнат резко мотнул головой, отчего в нее резким толчком вернулась боль. — Это просто невозможно! Я отлично помню, как наш экипаж получал тренировочную задачу и занимал места в капсулах вирттренажеров! Это все ненастоящее! И вы тоже только набор пикселей…

— Вспомните, сержант, разве именно тогда вы получили вводную о том, что планеты Шестой Республики подверглись тотальному заражению неизвестной болезнью? Или, может быть, это произошло позже?

— Не сразу…— неуверенно ответил Кнат, — я… я не помню, когда именно была поставлена эта задача. Кажется, до нас ее доводил командир эсминца уже в открытом космосе, но… я не уверен.

— То, что произошло с вами и вашими товарищами, называется виртуальным психозом. Ваши вирттренажеры были переведены на новейшую, но недостаточно проверенную технологию «Вирт-N». Передовой метод нейростимуляции позволял добиться недостижимой ранее степени достоверности виртуальной реальности…

— Нет! — рассудок Ната продолжал цепляться за созданную им самим, но неудержимо расползающуюся реальность. — Мой командир вам не поверил, а значит, и я не должен слушать этот бред! Никто из моих товарищей не поверил бы вам!

— Вы правы, — неожиданно легко согласился зараженный. — К сожалению, шанс вернуться в реальность есть лишь у очень немногих пораженных виртуальным психозом. Скажите, сержант, вы получили новую капсулу виртуального тренажера одновременно с остальными членами экипажа «Консула Прана»?

— Да. Но в ней произошел какой-то сбой. Техники сказали, что это заводской брак, и пока неисправность устраняли, я использовал одну из старых капсул, переведенных в резерв. Новый тренажер я опробовал только за две недели до…

— Вам очень повезло, сержант. Ваш мозг подвергся гораздо меньшему воздействию, и это позволило вам сохранить способность мыслить критически.

— За чем я вас слушаю? Зачем? — Нат окончательно потерял самообладание, — Меня спишут! Кому нужен сержант с неустойчивой психикой? Прекратите! Я не хочу больше с вами говорить.

Лейтенант Ирс тяжело вздохнул и поднялся. Внезапно Нат поймал себя на мысли, что он не хочет, чтобы это зараженный (да зараженный ли?) вот так просто развернулся и ушел, оставив его один на один с разрывающими мозг сомнениями. Сержанту непереносимо захотелось, чтобы эта бесконечная неопределенность, наконец, закончилась. Как там говорил Ирс лейтенанту Кри? «*Постарайтесь ответить честно, лейтенант, хотя бы себе самому…*». Но как понять себя самого, когда одна часть мозга верит в одно, а другая убеждает ее что все это болезненный бред? Как не соврать самому себе?

— Постойте! — неожиданно в голове Ната зародилась мысль, которую нужно было немедленно воплотить в действие, иначе под натиском сомнений она растворится и исчезнет без следа. — Лейтенант, у меня к вам просьба. Вколите мне «болтунчик», максимальную допустимую дозу.

— Зачем? — На лице Ирса явственно проступило удивление.

— Мне нужно понять, что я сам для себя считаю правдой. Я больше не могу терпеть это раздвоение сознания. Вколите, и повторите те же вопросы, которые уже задавали, а я отвечу. Прежде всего, отвечу самому себе.

Командующий Лунной базой задумчиво посмотрел сержанту в глаза, медленно кивнул и ответил, явно все еще сомневаясь:

— Летра, выполни просьбу сержанта.

Минута прошла в молчании. Нат чувствовал, как под

действием введенной в кровь химии расслабляются напряженные мышцы, как улучшается настроение и появляется желание рассказать собеседнику все, что он захочет узнать, всю правду, ничего не скрывая и не умалчивая даже о том, о чем прямо не спрашивают. Сержант не стал противиться этому желанию, а наоборот постарался расслабиться еще сильнее. По краю сознания промелькнула мысль, что, наверное, это первый случай, когда допрашиваемый сам хочет, чтобы препарат подействовал как можно более эффективно. Эта идея его позабавила, и сержант расслабленно улыбнулся.

— Препарат действует, — раздался откуда-то сверху приятный женский голос.

Кнат ожидал повторения уже слышанных им ранее вопросов, однако лейтенант Ирс пошел совершенно иным путем.

— Сержант, считаете ли вы, что находитесь в виртуальной реальности и выполняете учебно-тренировочную задачу, поставленную вам командованием? «Да» или «нет»?

Кнат попытался ответить, но с его губ сорвался только нечленораздельный хрип. Несмотря на явное присутствие в составе «болтунчика» наркотических средств, голова вновь взорвалась болью. Не ответить сержант не мог, препарат не оставлял ему такого шанса, а отвечать можно было только правду. Кнат зажмурился, сильно тряхнул головой, ожидая новой вспышки боли, но неожиданно боль ушла, зато картинка перед глазами утратила четкость. Из глаз сержанта текли слезы, которых он даже не замечал.

Лейтенант Ирс молча смотрел на него, ожидая ответа на заданный вопрос.

Кнат разлепил ставшие вдруг непослушными губы, сглотнул ком в горле и с удивившей его самого твердостью произнес:

— Нет, не считаю.

Глава 8

Я смотрел на виртуальную карту советско-германского фронта и с каждой минутой все больше укреплялся в уверенности, что с нашими китайскими приключениями пора завязывать.

Геринг довольно быстро решил внутриполитические проблемы, связанные со смертью Гитлера, и все больше концентрировал власть в своих руках. Гиммлер и Геббельс, поначалу претендовавшие на серьезное расширение своих сфер влияния, постепенно сдавали позиции, возвращаясь к тем ролям, которые были отведены им в Третьем Рейхе при старом фюрере.

Главное решение, которое принял новый германский лидер, заключалось в немедленной мобилизации экономики и полном переводе ее на военные рельсы. Гитлер почему-то не сделал этого сразу после начала войны и постоянно откладывал это давно назревшее решение. В результате значительная часть дефицитных ресурсов, таких как жидкое топливо, алюминий и множество других стратегических материалов, расходовалась на далекие от войны нужды, а не на оснащение армии и флота. Геринг ввел жесткий запрет на производство любой гражданской продукции, кроме товаров первой необходимости, и мобилизовал транспорт, производственные мощности и людские ресурсы на выпуск оружия, военной техники и всего не обходимого для обеспечения боевых действий.

Результат не заставил себя ждать. Новейшие тяжелые танки T-VI «Тигр» уже производились многими десятками в месяц. Буквально со дня на день должен был начаться серийный выпуск среднего танка T-V «Пантера» с длинноствольной пушкой, даже превосходившей по бронепробиваемости 88-миллиметровое башенное орудие «Тигра», несмотря на более скромный калибр. Убедившись на собственном печальном опыте в эффективности новых «Илов», немцы форсировали запуск в производство турбореактивного «Мессершмитта» Me.262. Командование вермахта сформировало для панцерваффе две новых танковых армии, в значительной мере восполнив потери, понесенные в битве за Москву, но не торопилось бросать их в бой. Немецкая разведка докладывала о готовящемся крупном наступлении советских войск на Украине, и генералы Геринга не хотели распылять силы, собираясь измотать Красную армию жесткой обороной, опрокинуть ее мощными фланговыми ударами и, перейдя в контрнаступление, отбросить советские войска на сотни километров на восток.

Реализации этих планов во многом способствовало изменение расклада сил на Средиземном море и в Атлантике. После резкого поворота политического курса США на сближение с Советским Союзом англичане быстро свернули секретные переговоры с Германией и предприняли новое наступление в Северной Африке. Дела там у немцев и итальянцев шли откровенно плохо. Из Ливии их оттеснили в Тунис, но и там Африканский корпус держался буквально из последних сил. Тем не менее, в последнее время ситуация стала разворачиваться не в пользу Британии, и, прежде всего, именно на море.

В начале августа британское адмиралтейство предприняло операцию «Пьедестал», целью которой была проводка конвоя на Мальту, постоянно подвергавшуюся воздушным атакам итальянской и немецкой авиации. После фактического провала предыдущей попытки, носившей название «Гарпун», стало ясно, что без срочной доставки на остров топлива, истребителей и других необходимых военных грузов, удержать Мальту не получится.

Мальта была англичанам жизненно необходима, и сил они не пожалели. Для охраны и сопровождения четырнадцати транспортных судов британцы выделили четыре авианосца, два линкора, семь легких крейсеров и тридцать два эсминца. Многочисленность и качественный состав эскорта вселяли в британских адмиралов надежду на успешное выполнение задачи, несмотря на то что маршрут конвоя пролегал в зоне досягаемости авиации противника, размещенной на береговых аэродромах. Самолеты стран Оси могли доставить англичанам немало проблем, но конвою угрожали не только они. Шесть итальянских крейсеров и пятнадцать торпедных катеров ждали только приказа, а одиннадцать подводных лодок уже патрулировали воды Средиземного моря на пути английской эскадры. Шансы были примерно равны, и, возможно, части транспортов с топливом и грузами все же удалось бы добраться до Мальты, но в развернувшееся сражение вмешался совершенно новый фактор, оказавшийся для британцев крайне неприятным сюрпризом.

К хорошему привыкаешь быстро, и свою способность расшифровывать немецкие радиограммы англичане воспринимали уже как нечто само собой разумеющееся, вот только за несколько дней до начала операции «Пьедестал» шифровальщики из Блэтчли-парка[2] неожиданно расписались в своей неспособности читать перехваченные сообщения. Немцы что-то кардинально изменили в алгоритмах шифрования, и теперь для поиска новых способов взлома шифров по самым скромным оценкам требовались месяцы работы.

И ладно бы проблемы ограничились невозможностью дешифровки немецких радиограмм, но ситуация развернулась с точностью до наоборот. Теперь уже немцы, а с их подачи и итальянцы, знали об английских планах гораздо больше, чем те могли предполагать.

Эскадра благополучно прошла Гибралтарский пролив, но на этом морское счастье покинуло британских моряков. Не прошло и пары часов, как торпедная атака немецкой подводной лодки U-73 отправила на дно авианосец «Игл», разом лишив конвой трети авиационного прикрытия. Близилась ночь, но с наступлением темноты удары по английским кораблям не прекратились. Немецкие торпедоносцы и бомбардировщики предприняли несколько атак, потопив эсминец и повредив один из транспортных кораблей.

Командующий эскадрой вице-адмирал Сиферт не питал иллюзий, что прорыв к Мальте станет легкой прогулкой, но такого неудачного начала операции все же не ожидал. Однако на фоне того, что произошло в следующие дни, эти потери выглядели лишь мелкими неприятностями.

С рассветом немцы предприняли массированную воздушную атаку. Две сотни «Юнкерсов» и «Хейнкелей» шли под прикрытием истребителей. Сиферт считал, что их основными целями станут транспорты, но противник всеми силами атаковал авианосцы. Немецкие самолеты приближались с разных направлений, и вице-адмирал был вынужден признать, что выбраны эти направления были очень тщательно, как, впрочем, и время начала атаки.

Для защиты от воздушных ударов над конвоем, сменяя друг друга, постоянно барражировал патруль из двенадцати истребителей. Немецкая атака началась в самый неудачный момент, когда горючее британских «Харрикейнов» и «Фулмаров» уже подходило к концу, а новая смена еще только готовилась к взлету с авианосцев. «Мессершмитты» немедленно связали англичан боем, а торпедоносцы и бомбардировщики с трех сторон обрушились на корабли эскадры.

Четкий строй конвоя нарушился. Эсминцы, крейсера и линкоры задействовали все средства ПВО для отражения атаки и полностью сосредоточились на воздушном противнике, но удар по английской эскадре оказался комбинированным. Немцы продемонстрировали редкую для люфтваффе и кригсмарине безупречную координацию действий авиации и подводных лодок.

«Волчья стая» из восьми итальянских и немецких субмарин воспользовалась тем, что многочисленные взрывы бомб и работающие на полную мощность силовые установки британских кораблей заглушали любые звуки. Подводные лодки охватили

конвой с двух сторон и нанесли удар, фактически не встречая сопротивления.

Взрывы двух торпед разломили корпус и так уже горевшего авианосца «Индомитебл», и двухсотметровый корабль, завалившись на правый борт, скрылся под водой в течение нескольких минут. Линкор «Нельсон», до этого успешно избегавший попаданий, получил торпеду в корму, на несколько часов лишившись хода. Авианосец «Викториес» подвергся атаке сразу двух итальянских субмарин. Четыре торпеды не оставили кораблю шансов, и через двадцать минут после начала немецкой атаки он перевернулся и затонул.

Единственный оставшийся в распоряжении вице-адмирала Сиферта авианосец «Фьюриес», еще в двадцать пятом году перестроенный из линейного крейсера, ничем не мог помочь конвою. В операции «Пьедестал» ему отводилась роль транспортного корабля. Его ангары и палуба были забиты истребителями «Спитфайр», предназначенными для восполнения потерь сил противовоздушной обороны Мальты. Немцы, однако, этого не знали, и подвергли авианосец массированному воздушному удару, не считаясь с потерями.

Почти два часа «Фьюриес» умудрялся избегать попаданий. Немалую роль в этом сыграли грамотные действия эсминцев, прикрывавших его огнем зенитных орудий и не позволявших бомбардировщикам и торпедоносцам провести эффективную атаку. Вот только после гибели «Викториеса» и «Индомителба» на устаревшем авианосце сосредоточились все усилия немецких пилотов, а командиры эсминцев были вынуждены отвлечься на подводные лодки, раз за разом повторявшие атаки на корабли конвоя. В «Фьюриес» попало три бомбы, но горящий авианосец все еще сохранял ход и пытался маневрировать, уклоняясь от торпед. Какое-то время ему это удавалось, однако бесконечно его везение длиться не могло. Одна за другой три торпеды ударили в корпус корабля, взломав не слишком толстую броню бывшего линейного крейсера и поставив жирную точку в его судьбе.

К середине дня атаки немецкой и итальянской авиации прекратились. Потеряв три субмарины, «волчья стая» тоже разорвала контакт с конвоем. Скорее всего, у уцелевших подводных лодок просто закончились торпеды. Сиферт отлично понимал, что это лишь небольшая передышка. Выслушав доклады подчиненных, вице-адмирал осознал всю бессмысленность продолжения операции. У лишившегося всех авианосцев конвоя больше не было ни одного шанса прорваться к Мальте. Из четырнадцати транспортных судов уцелело девять, и Сиферт ни секунды не сомневался, что именно они станут целью следующей

воздушной атаки.

Вице-адмирал отправил радиограмму в адмиралтейство, но вместо ожидаемого указания повернуть назад получил приказ продолжить операцию. Мальта задыхалась в тисках блокады. Силы ПВО острова составляли почти полторы сотни «Спитфайров» и «Бофайтеров», но им требовались боеприпасы и топливо, которых уже почти не осталось. Еще неделя боев в таких условиях, и немецко-итальянский десант сможет высадиться на остров почти безнаказанно.

Вице-адмирал знал, что ведет своих людей и корабли на верную гибель, но сделать ничего не мог — приказ есть приказ, и конвой продолжил движение к Мальте. Четыре авианосца, пять транспортных судов, три крейсера и четыре эсминца уже ушли на дно, но эскадра все еще являлась грозной силой. В линейном бою она могла разгромить очень серьезного противника, однако весь опыт этой войны показывал, что самолеты могут быть для кораблей куда опаснее вражеских линкоров и крейсеров, а прикрытия с воздуха у Сиферта больше не было.

Новая воздушная атака не заставила себя ждать. В предыдущем бою немцы и итальянцы потеряли около пятидесяти самолетов. Немало, но совершенно недостаточно, чтобы серьезно ослабить авиационную группировку стран Оси на Средиземном море. И вновь удар наносился одновременно с нескольких направлений. На этот раз в нем приняло участие даже больше бомбардировщиков и торпедоносцев, чем в предыдущей атаке. Противопоставить им конвой мог только зенитную артиллерию. Вице-адмирал ни в чем не мог упрекнуть своих людей. Они сражались отчаянно, не опуская рук даже в самых безнадежных ситуациях, но противник действовал расчетливо и полностью использовал свое полное владение небом над кораблями Сиферта.

Линкор «Родни» получил попадание бронебойной бомбы в носовую башню. Это не вывело корабль из строя и, по большому счету, не могло сыграть в сражении особой роли, но, к сожалению, первый успех противника оказался далеко не последним. Боевые корабли не были для пилотов «Юнкерсов» и «Хейнкелей» основными целями. Без транспортов их прорыв к Мальте был практически лишен смысла. Немцы это отлично понимали, и именно грузовые суда подверглись жесточайшему избиению с воздуха.

Транспорт «Клан Фергюсон» был, наверное, самым ценным из уцелевших после утренней атаки грузовых кораблей. Он вез на Мальту две тысячи тонн авиационного бензина и полторы тысячи тонн боеприпасов. Его непосредственно сопровождали пять

эсминцев и два крейсера. Немецкие самолеты, трижды безуспешно пытались прорваться через их заградительный огонь, теряя машины и вынужденно сворачивая с боевого курса, однако четвертая попытка все же оказалась успешной. Бомба, сброшенная пикирующим бомбардировщиком «Ю-87», пробила палубу и вызвала детонацию груза. Огромный огненный шар поглотил и транспорт, и уничтоживший его самолет, но гибель немецкого пилота была слабым утешением для вице-адмирала.

Грузовые суда гибли одно за другим. Да, немцам и итальянцам эти победы давались недешево, но Сиферт был вынужден с горечью признать, что результат их атак многократно перекрывал понесенные потери. Последним гвоздем в крышку гроба операции «Пьедестал» стала потеря танкера «Огайо». Доставка на Мальту пятнадцати тысяч тонн топлива могла существенно облегчить жизнь ее защитникам, но уже поврежденный во время предыдущего налета корабль не смог увернуться от сброшенной немецким самолетом торпеды, превратившей танкер в огромный костер[3].

Разгром конвоя оказал на британцев сильное деморализующее действие. Мальта еще держалась, но было очевидно, что силы ее защитников иссякают, а их воля к сопротивлению необратимо надломлена.

Я просматривал записи недавно отгремевшего сражения и понимал, что, если мятежники будут столь же эффективно сливать информацию командованию вермахта на Украине, Красная армия рискует получить еще один Киевский котел, причем как бы ни бо́льших масштабов, чем первый.

В общем, мне срочно следовало возвращаться в Союз, но бросить дела в Китае я тоже не мог. Рузвельт ждал от СССР действенной помощи в войне с Японией, и он ее получил. На этом фоне объем поставок военных грузов и высокотехнологичного оборудования русскому союзнику резко вырос. Тем не менее, я не сомневался, что, если здесь все заглохнет, США могут столь же быстро разочароваться в своем решении со всеми вытекающими последствиями. В Москве это тоже понимали, поэтому сообщения о крайней желательности усилить активность наших действий в Китае я получал из Кремля чуть ли не через день.

Нужно отдать должное товарищу Сталину, словесными понуканиями он не ограничивался. На нашем аэродроме ежедневно приземлялись транспортные самолеты с крылатыми ракетами в грузовых отсеках и новые «Илы», перегоняемые нам чуть ли не прямо с завода для восполнения понесенных потерь.

— Летра, сколько у нас времени до начала советского

наступления на Украине?

— Распутица закончится через пару недель. Думаю, тогда всё и начнется.

— Кудрявцева успеем к этому моменту на ноги поставить?

— Ну, сам летать он, наверное, еще не сможет, а вот командовать полком — вполне.

— Нужна серьезная операция, которая подорвет силы Японцев в Китае. Скоро мне придется лететь на советско-германский фронт, а все местные дела передать Кудрявцеву, и я должен быть уверен, что он здесь справится.

— Я ему помогу. Теперь-то это проблем не составляет.

— Очень на это надеюсь, но ему все равно будет непросто. Японцы получают информацию от мятежников о каждом нашем шаге, а «Илы» под маскполем не спрячешь…

— Хочешь устроить Императорской армии прощальный концерт? — в голосе Летры прозвучала усмешка.

— Естественно. Причем такой, чтобы они от него еще долго не оправились.

— Можно задействовать десантный бот. Такого сюрприза они точно не ждут.

— Это само собой. Только палить из плазменных пушек по японским линкорам я как-то не готов. Применять мы будем только оружие, произведенное на основе местных технологий.

— Хочешь повесить под днище бота пару десятков АБОВ-500 и вывалить их на Токио?

— «Илы» не смогут туда долететь. Как мы объясним такой удар? Да и нужен ли он?

— Ну, это я несерьезно, — в голосе Летры действительно звучала легкая ирония. — Просто помогаю тебе в твоих размышлениях. Ты ведь сам говорил, что мозговой штурм с моим участием идет на пользу делу.

— Будем использовать ракеты. Не зря же наша дальняя авиация напрягает все силы, доставляя их в Китай. Все заинтересованные стороны должны убедиться в том, что результат стоит предпринятых усилий и понесенных затрат.

— У них радиус действия едва дотягивает до пятисот километров. Какие цели ты ими накроешь отсюда? До Гонконга — девятьсот, до Шанхая — тысяча триста, до Тайваня — почти полторы. А что еще, достойное этих ракет, здесь есть?

— Японцы хотят взять Чанша и уже довольно давно бьются об него головой. Последнее наступление имело некоторый успех. До цели они не дошли, но в сторону города вытянулся изрядный выступ, часть которого попадает в зону досягаемости ракет.

— Ты собираешься потратить эти дорогущие игрушки на

японскую пехоту и полевые укрепления? И чего ты этим добьешься? Серьезных штабов рядом с линией фронта нет, батальонные и полковые склады боеприпасов — слишком мелко для такого оружия, а даже до дивизионных ты уже не дотянешься…

— Летра, ты рассматриваешь эту ситуацию слишком узко. Ставке нужен наш эффектный удар, чтобы иметь возможность сказать Рузвельту: «Смотрите, мистер президент, мы делаем все, о чем договаривались. А не пора ли вам пересмотреть в сторону увеличения лимиты поставок по ленд-лизу?». Рузвельту тоже нужен наш эффектный удар, чтобы сказать сенату и американскому народу: «Смотрите, русские атаки ослабляют нашего врага, спасая жизни наших солдат и облегчая положение наших войск и флота на Тихом океане. СССР просит помощи, и в наших интересах её оказать, даже если это повышает риск начала войны с Германией!». И, наконец, мне тоже нужен наш эффектный удар, чтобы на несколько месяцев облегчить жизнь генералу Кудрявцеву, который останется здесь вместо меня.

— Звучит красиво, но непонятно. Ты собираешься разнести дорогущими ракетами пару десятков блиндажей и дзотов, которые японцы потом заново отстроят за несколько дней, и выдать это за эпическую победу советского оружия?

— Летра, вспомни, как на американцев подействовали фотографии нашей атаки на японский авианосец. Их напечатали все их газеты, а рядовые граждане США вырезали эти снимки и вешали их на стены своих домов! Нечто подобное мы должны провернуть и сейчас.

— Лейтенант, ты меня вообще слышишь? Ну, ты сравнил! У тебя что в реке Янцзы японский тяжелый авианосец завелся? Нет там нормальных целей, которые можно красиво разнести. Не-е-ет! — возмущенно протянула Летра. — Что ты собрался фотографировать?

— Ладно, не кипятись, сейчас все объясню. Западнее Чанша действительно нет интересных целей, если, конечно, не считать регулярно появляющихся там высших японских офицеров. Не выезжать на линию фронта они себе позволить не могут, даже если в этом нет прямой необходимости. Они самураи или, по крайней мере, себя таковыми считают, и у них есть свой кодекс поведения. Я просмотрел данные, собранные дронами в японских штабах. В последнее время действительно важные совещания они в них стараются не проводить, но кое-какую информацию дронам собрать все же удается. В ближайшее время можно ждать появления западнее города Чанша японского генерала, который должен прибыть для инспекции состояния вверенных ему войск.

Глупо этим не воспользоваться.

— Хочешь накрыть командующего японскими войсками в Китае во время инспекционной поездки? — Летра на секунду замолчала, видимо, разыскивая в своих обширных базах данных нужную информацию. — Генерал Сюнроку Хата действительно периодически выезжает на фронт. На передовую он, конечно, не лезет, но на дивизионных наблюдательных пунктах бывает. И сейчас вероятность его появления именно на подступах к Чанша довольно высока. Вот только впечатляющие фотографии, как в случае с авианосцем, сделать не получится — не тот антураж.

— А теперь слушай внимательно. Мы дождемся появления японского командующего в зоне досягаемости ракет и нанесем комбинированный удар. Ракетами — по выступу под городом Чанша и авиацией — по японским базам в Шанхае, Гонконге и на Тайване. Именно там мы сделаем нужные фотоснимки. И не только их. Атака произойдет днем, и помимо фотографий я хочу предоставить почтенной публике кинохронику этих ударов. У нас ведь теперь есть десантный бот. Он успеет везде и сможет сделать фотографии и снять нужное нам кино с удобных точек. Вот это уже будет настоящая информационная война, эффект от которой вполне может быть сравним с физическим ущербом, который нанесут наши ракеты и бомбы.

— Хм… Интересно. И детали того, по каким целям били ракеты, а на какие сбрасывались бомбы ты, естественно, американцам и китайцам раскрывать не станешь? — произнесла Летра уже без всякой иронии в голосе.

— Естественно. В отчете для уважаемых союзников и широкой общественности всё это действо будет названо ракетно-бомбовым ударом. Красивые кадры старта К-212 и взлета «Илов», а потом не менее впечатляющие съемки их воздействия на цели. И, конечно, стоит упомянуть, что именно ракетой уничтожен японский командующий, ну или какой-то другой генерал, если Сюнроку Хата на свое счастье откажется от идеи инспекционной поездки.

— Думаю, не откажется. Это не в его правилах. Он сын самурая из префектуры Фукусима и воспитан в духе кодекса Бусид*о*. Место воина — на поле боя. Возможно, это достойно уважения, но одновременно является слабостью, делая его поступки более предсказуемыми.

Я не видел особых изъянов в принятом решении, но где-то внутри меня царапало нехорошее чувство, что какой-то важный нюанс остался неучтенным, и это еще выйдет нам боком в самый неподходящий момент. Планы — это хорошо, однако почему-то всё и всегда идет не совсем так, как мы того хотим, и, зачастую,

чем сильнее мы верим в успех, тем сильнее разбиваем себе лоб об это «не так».

Генерал Сюнроку Хата в задумчивости мерил шагами кабинет, иногда останавливаясь у висящей на стене большой карты юго-восточных районов Китая. Переданные ему два дня назад сведения уже частично были проверены и пока полностью подтверждались, но их источник продолжал вызывать у генерала массу вопросов.

Сюнроку Хата покосился на полевую рацию, установленную в кабинете по его приказу. Генералу пришлось самому освоить работу с этим устройством — допускать к такой информации кого-то еще он не считал возможным.

Итак, ему сообщили то, о чем он догадывался и сам. Новые якобы китайские истребители-бомбардировщики, за которыми нагло торчали уши Советского Союза, полностью закрыли для японской авиации небо над Чунцином и его окрестностями. Мало того, ожидать их появления можно было в совершенно любой точке в радиусе около полутора тысяч километров от их аэродрома. Что-то противопоставить им японские «Зеро» и «Соколы» могли только на малых и средних высотах, да и то меняя одну вражескую машину на четыре-пять своих. Вывод напрашивался сам собой: как только противник восполнит потери, понесенные в сражении над китайским побережьем, нужно ждать массированного удара по наиболее значимым целям в пределах досягаемости его самолетов.

Сюнроку Хата еще раз остановил взгляд на карте. Куда бы ударил он сам? Ответ напрашивался сам собой: Тайвань, Гонконг, Шанхай. Там есть крупные аэродромы, а на Тайване еще и база флота. Именно об этой опасности предупредил его неизвестный источник, сообщив, что под Чунцин из СССР прибывают все новые турбореактивные самолеты «Ил-8р», на которые китайцы беззастенчиво малюют опознавательные знаки Китайской республики. По всему выходило, что ждать воздушного нападения стоит в течение ближайших десяти дней.

Это все генерал понимал и без подсказок, но была в сообщении одна очень интересная деталь, за которую Сюнроку Хата сразу зацепился. Даже у сильного врага всегда есть слабые стороны, пусть и небольшие, и, на первый взгляд, несущественные. Но если воспользоваться ими в нужный момент, можно превратить кажущееся неизбежным поражение если и не в победу, то хотя бы в ничью.

Советские самолеты, несомненно, были очень хороши. И все же у них имелись свои недостатки. Во-первых, их все еще было

очень мало, а во-вторых, для взлета и посадки им совершенно не подходили просто расчищенные от зарослей грунтовые взлетные полосы. С авианосцев эти тяжелые машины взлетали с помощью паровых катапульт, а обратно садились, используя авиафинишер в виде натянутого поперек палубы троса. При посадке самолет цеплялся за трос специальным крюком, закрепленным в хвосте, и трос быстро останавливал его, разматываясь с большим сопротивлением с тормозных барабанов. На земле катапульт и финишеров не было, и «Илам» требовались специальные взлетные полосы, почти в два раза длиннее обычных, и, главное, их приходилось укреплять перфорированными металлическими листами. Обычный грунт, даже хорошо уплотненный, не выдерживал контакта с их шасси из-за слишком высокой посадочной скорости этих машин.

На авиабазе под Чунцином имелось две таких полосы, и третья еще только строилась. В обычной ситуации нечего было и думать прорваться к аэродрому. Русские понимали это не хуже, чем японское командование и чувствовали себя весьма уверенно. Однако обстоятельства бывают разными…

Генерал Сюнроку Ханта почувствовал, что еще чуть-чуть и план контригры окончательно сложится в его голове. Причем, если все получится, рассчитывать можно даже не на ничью, а на впечатляющую победу. Если авиабазу под Чунцином удастся надолго вывести из строя, у японских сухопутных войск появится отличный шанс опрокинуть привыкшие к защите с воздуха войска Чан Кайши и взять, наконец, город Чанша, а то и выйти на подступы к новой китайской столице — Чунцину.

За полковником Шлиманом с шипением закрылась первая гермодверь, отделявшая тамбур, ведущий в упрятанный глубоко под землей кабинет генерала Рихтенгдена, от приемной. Тамбур заполнился ничем не пахнущим дымом, тут же закрутившимся протуберанцами в струях воздуха, подаваемого из специальных отверстий. Шлиман знал, что дым безвреден, да и его концентрация была не слишком велика. Для чего все это нужно, полковник толком не знал, но инструкция требовала внимательно осмотреться на предмет обнаружения застойных зон, где потоки воздуха, неожиданно обретшие видимость, ведут себя не так, как в остальном объеме тамбура. Шлиман дисциплинированно выполнил это требование и, ничего подозрительного не обнаружив, нажал специальную кнопку, сигнализируя о завершении процедуры контроля.

Жужжание вентиляторов сменило тон, и тамбур быстро очистился от дыма. Внутренняя дверь скользнула в сторону, и

полковник, наконец, оказался в кабинете своего непосредственного начальника.

— Присаживайся, Эрих, — кивнул генерал. — Я так понимаю, ты пришел к каким-то важным выводам и спешишь ими со мной поделиться?

— Скажем так, — Шлиман чуть замялся, подбирая правильные слова, — у меня появилось предположение, которое мне очень не понравилось. Это тот самый случай, когда я был бы рад ошибиться, но уж очень многое хорошо укладывается в эту гипотезу.

— Рассказывай, — Рихтенгден чуть подался вперед.

— Неделю назад ты поручил мне изучить все факты вмешательства фактора «Патриот» в ход боевых действий и попытаться разобраться в его мотивах, а в идеале и спрогнозировать его дальнейшее поведение.

— Все верно. Именно такую задачу поставил перед нами адмирал Канарис.

— Я исходил из того, что кроме нас «Патриот» мог передавать информацию и нашим союзникам. Совершенно не удивлюсь, если узнаю, что они не стали спешить рассказывать об этом нам, да и не факт, что лицо, с которым «Патриот» мог выйти на контакт, сразу побежало к начальству сообщать об этом. Такой козырь можно неплохо использовать для собственного карьерного роста.

— Итальянцы?

— Не думаю. Скорее, японцы. Уж очень гладко у них все прошло в сражении за Гуадалканал. А ведь они рисковали… Если бы американские авианосцы не ушли от Соломоновых островов, разгром американского десанта мог бы дорого обойтись адмиралу Микаве. Теперь-то он национальный герой, а тогда…

— Хорошо, допустим ты прав. Что нам это дает?

— Генрих, давай посмотрим на ситуацию шире. У нас и у японцев появился доброжелатель в лице «Патриота». Своей личности он не раскрывает, но снабжает нас достоверной информацией. Его помощь с «Энигмой» и подробными сведениями о мальтийском конвое англичан оказалась просто неоценимой. И все же, зачем?

— Именно это я надеялся услышать от тебя, — усмехнулся генерал. — А ты решил вернуть этот вопрос мне.

— Я отвечу, — кивнул Шлиман. — Вспомни, пожалуйста, в какой момент у нас появились проблемы с русским стрелком.

— В августе сорок первого, при замыкании Уманского котла.

— А теперь скажи мне, как тогда выглядело положение Красной армии?

— По нашим оценкам оно было безнадежным.

— То есть СССР мог проиграть войну уже через два-три месяца, но… не проиграл.

— Ну, насчет двух-трех месяцев ты, пожалуй, слишком оптимистичен, — задумчиво ответил Рихтенгден, но перспективы у большевиков тогда были действительно невеселые.

— Они проигрывали по всем статьям, и война близилась к завершению. По крайней мере, так у нас казалось очень многим. И вот появляется некий фактор, который сильно изменяет ситуацию, делая нашу быструю победу невозможной. Фактор этот активно действует. Настолько активно, что через год расклад сил меняется на обратный. Теперь уже мы оказываемся на пороге катастрофы. До сих пор не понимаю, почему после ликвидации Московского котла и деблокады Ленинграда русские не воспользовались нашей слабостью и не продолжили наступление.

— Они сами выдохлись. Не было у них сил двигаться вперед.

— Вполне возможно, для моих выводов это значения не имеет. Важно то, что над нами нависла угроза разгрома. Императорский флот, кстати, тоже потерпел весьма болезненное поражение у атолла Мидуэй, да и в Коралловом море у наших восточных союзников все сложилось весьма непросто. А теперь внимание! Именно в этот момент из ниоткуда появляется «Патриот» и помогает нам в известной степени восстановить положение. Американцы сильно получают по носу у берегов Австралии, а англичане, фактически, проигрывают сражение за Мальту. А теперь я хочу задать тебе простой вопрос: что общего между появлением русского стрелка и «Патриота»?

Рихтенгден откинулся на спинку кресла, с интересом посмотрел на Шлимана и принялся загибать пальцы.

— Первое: и в том, и в другом случае мы имеем дело с явлениями, рационально объяснить которые не в состоянии. Во всяком случае, в рамках известных нам технологий и понимания человеческих возможностей описать их не удается.

— Логично. Но это не главное.

— Второе: в обоих случаях помощь приходит к стороне, оказавшейся на грани поражения.

— Уже ближе. Осталось сделать главный вывод, — Шлиман пристально посмотрел на друга детства.

Генерал надолго задумался. Шлиман не мешал ему, желая, чтобы тот сам пришел к нужному заключению.

— Каждый раз, когда некая непонятная нам сила вмешивается в естественных ход событий, — наконец, произнес Рихтенгден, — мы получаем один и тот же результат — война продолжается, и конца ей не видно.

— Именно, — кивнул Шлиман. — Ты совершенно правильно объединил «Патриота» и русского стрелка термином «некая непонятная нам сила». В моей оценке ситуации тоже всё окончательно встало по местам только после того, как я решил, что за обоими этими явлениями стоит одно и то же заинтересованное лицо. Кто-то хочет, чтобы война длилась как можно дольше, и чтобы немцы, англичане, русские, американцы, японцы и прочие вовлеченные в мировую бойню народы уничтожали друг друга во все бо́льших масштабах.

— Но зачем? И, главное, кто может за этим стоять? Я не вижу ни одной стороны, которой такой расклад был бы выгоден. Пострадали все… — в голосе Рихтенгдена звучало непонимание.

— Не знаю, Генрих, — негромко произнес Шлиман, — и когда я вспоминаю о тех необъяснимых явлениях, которые сопровождают действия русского стрелка и «Патриота», мне становится откровенно страшно. Мы имеем дело с чем-то, лежащим за пределами нашего понимания, и это что-то стремится к уничтожению как можно большего числа людей их же собственными руками.

Генерал ответил не сразу. Он встал с кресла и прошелся по кабинету, напряженно о чем-то размышляя.

— Ты не в курсе последнего сообщения, полученного адмиралом Канарисом от «Патриота», — Рихтенгден повернулся к Шлиману, и полковник поразился выражению лица своего друга. Он как будто разом постарел на несколько лет. — Оно касалось абсолютно секретного «Уранового проекта». «Патриот» указал нам на две ключевых ошибки, способных направить процесс создания нашего атомного оружия по тупиковому пути. Первую совершил Вальтер Боте, сделав вывод о непригодности графита для замедления нейтронов. Он предложил использовать для этой цели тяжелую воду, производство которой связано с весьма значительными трудностями. На самом деле, графит, который он исследовал, содержал слишком много примесей. Для достижения нужного эффекта требовался всего лишь более чистый материал. Вторую ошибку допустил доктор Грот, так и не доведя до практического результата метод разделения изотопов урана с помощью специальной центрифуги и заявив о его бесперспективности. Эти ошибки совершены относительно недавно, незадолго до начала войны с СССР, и пока они не привели к необратимым последствиям. «Патриот» утверждает, что если их исправить, то с его помощью мы сможем выйти на практический результат уже через полтора года. Я не должен был тебе этого говорить, но уж слишком хорошо этот факт укладывается в твою гипотезу. «Патриот» сообщил, что в

Британии и США тоже ведутся работы над атомным оружием, и что у нас есть шанс их опередить…

— Ты понимаешь, что произойдет, если и у нас, и у них, и у русских такое оружие появится одновременно? А ведь, скорее всего, так и будет.

— Гарантированное взаимное уничтожение в течение нескольких лет, — мрачно кивнул Рихтенгден.

Генерал тяжело опустился в кресло и после небольшой паузы произнес:

— Канарис в полном восторге. Он считает, что чудо-оружие уже почти в наших руках. Честно говоря, я абсолютно не представляю, как донести до его сознания мысль, что «Патриот» может стремиться не к победе Германии, а к совершенно другим целям.

Сообщение о том, что с авиабазы под Чунцином взлетают десятки русских самолетов, под завязку загруженных бомбами, застало Сюнроку Хата на берегу реки Янцзы западнее города Чанша. Он ждал этого все последние дни и счел весьма удачным, что в момент начала воздушной операции противника оказался в расположении одиннадцатой армии, войскам которой в его плане отводилась важная роль. Правда, в этой же радиограмме ему настойчиво рекомендовали немедленно покинуть опасный район, но генерал лишь криво усмехнулся.

Сюнроку Хата никогда не побежит с поля боя. Если ему суждено погибнуть в сражении, значит судьба к нему благосклонна, ибо это лучший конец жизненного пути настоящего воина. Так его учил отец, так гасит кодекс самурая, и нарушать вековые традиции он не собирается. Однако расставаться с жизнью прямо сейчас генерал все же не стремился и предпочел укрыться в глубоком блиндаже командного пункта. Он хотел одержать победу и увидеть своими глазами, как солдаты одиннадцатой армии прорвут оборону деморализованных отсутствием воздушной поддержки китайских дивизий и устремятся к Чунцину.

К началу операции все было подготовлено заранее. Как только стало ясно, что русские самолеты действительно легли на курс к Гонконгу, Шанхаю и Тайваню, Сюнроку Хата приказал передать в эфир условный сигнал.

Не дожидаясь прибытия вражеских бомбардировщиков, японские пилоты поднимали в воздух все боеспособные машины, а корабли спешно покидали тайваньскую базу. Генерал понимал, что портовые сооружения и инфраструктура аэродромов сильно пострадают в результате бомбежки, но ни кораблей, ни самолетов

в этот момент там не будет.

Русские летели на недосягаемой для «Зеро» и «Соколов» высоте, так что остановить их никто не пытался. Вместо этого все японские самолеты рассредоточились и разными маршрутами устремились на десятки полевых аэродромов, заранее подготовленных на китайской территории, оккупированной Императорской армией. Сюнроку Хата надеялся, что его действия будут расценены противником всего лишь как попытка спасти свою авиацию от уничтожения. На самом же деле генерал не собирался ограничиваться пассивными действиями. В отличие от русских машин, японские самолеты могли садиться на грунтовые взлетно-посадочные полосы, и в данной ситуации это давало им неоспоримые преимущества. На аэродромах подскока истребители и бомбардировщики в полной готовности встречали техники и топливозаправщики. Отсюда, с дальних подступов к городу Чанша, они уже могли дотянуться до русской авиабазы под Чунцином.

Сюнроку Хата даже вышел из блиндажа, чтобы увидеть, как над его головой проходит строй бомбардировщиков «Мицубиси» и «Кавасаки» в сопровождении истребителей. Генерал понимал, что многие из этих машин не вернутся из боя, но верил, что за счет значительного численного превосходства им удастся выполнить задачу и уничтожить взлетно-посадочные полосы русской авиабазы. Прикрывать свой аэродром противник оставил десять турбореактивных «Илов». Остальные машины ушли бомбить Тайвань, Шанхай и Гонконг, и вернуться они не успеют. Пару десятков устаревших китайских истребителей из сил ПВО Чунцина можно не считать — их быстро свяжут боем и разгонят «Соколы».

Если уничтожить ВПП, то русским самолетам, возвращающимся с задания, просто негде будет сесть, и малоуязвимые в бою машины разобьются, выработав топливо, или получат сильные повреждения при вынужденной посадке. И это даст шанс солдатам императора. Одиннадцатая армия уже готова. Подтянуты к передовой танки, выдвинуты на позиции гаубицы, для которых заготовлено по три боекомплекта снарядов, а вся авиация, которая уцелеет после удара по русской базе, поддержит сухопутные силы с воздуха.

Сюнроку Хата проводил взглядом очередную волну бомбардировщиков и уже развернулся, чтобы вернуться в подземный командный пункт, когда впереди, за лесом, куда ушли самолеты, полыхнула яркая вспышка, а за ней сразу еще несколько.

От горизонта накатил тяжелый грохот. Еще одна вспышка

сверкнула уже намного ближе, и генерал поспешил укрыться в надежном блиндаже, сразу направившись в выделенное специально для него небольшое помещение, где по его приказу была установлена рация, настроенная на только ему одному известную частоту. Сюнроку Хата перекинул тумблер питания в положение «включено». Через несколько секунд из динамика раздался шорох помех и знакомый голос с легким акцентом произнес:

— Вы зря не воспользовались нашим советом, генерал. Вам следовало немедленно покинуть расположение одиннадцатой армии, а теперь, к сожалению, уже поздно что-то предпринимать. Вы придумали отличный план, который вполне может сработать, но, боюсь, насладиться победой вы уже не сможете. Прощайте.

Крылатая ракета К-212 пикировала на цель. Получив сигнал со спутника, она слегка шевельнула аэродинамическими рулями, проведя последнюю коррекцию своего стремительного полета. Полевой командный пункт одиннадцатой армии был неплохо укреплен. Он мог выдержать прямое попадание тяжелого снаряда или двухсоткилограммовой фугасной бомбы, но к противостоянию боеприпасам объемного взрыва его никто не готовил.

За резким хлопком, сопровождавшим разрушение емкостей с окисью этилена, последовала яркая вспышка взрыва, разбросавшего тонны земли и измочаленных древесных обломков на многие десятки метров вокруг. Детонация произошла одновременно снаружи и внутри блиндажа, куда через амбразуры и вентиляционные отверстия успел просочиться взрывчатый газ. Командный пункт одиннадцатой армии перестал существовать. Генерал Сюнроку Хата с честью погиб на поле боя в строгом соответствии со столь чтимым им кодексом самурая.

Девять часов утра. Первая группа «Илов» выруливает на взлет. Я не питаю иллюзий по поводу того, что японцы проспят начало нашей атаки. У них теперь есть такие же «глаза» на орбите, как и у меня. Ну, не совсем такие же, конечно. Труба пониже, дым пожиже. Но взлет десятков истребителей-бомбардировщиков они заметят без вариантов.

На месте противника я бы давно рассредоточил авиацию по небольшим полевым аэродромам, а корабли просто увел с Тайваня. Ежу понятно, что рано или поздно мы эти цели накроем. Тем не менее, японцы медлят, хотя о строительстве многочисленных грунтовых ВПП на захваченной Императорской армией территории Летра мне регулярно докладывает.

Командующий японскими войсками в Китае все-таки выехал

инспектировать части одиннадцатой армии, явно изготовившейся к наступлению, и это послужило сигналом для начала нашей операции. Интересно, на что рассчитывают японцы? Начинать наступление при полном господстве в воздухе противника — не самое разумное решение. Однако подготовка налицо, что только облегчает нам жизнь. Размазанные раньше по большой территории войска и техника концентрируются в ударные группы, а значит, достойных целей для крылатых ракет становится все больше.

Девять пятнадцать. Взлетает вторая группа. Эти машины пойдут на Тайвань. Первая двадцатка уже легла на курс к Шанхаю. Мой черед подниматься в воздух наступит минут через двадцать, вместе с «Илами», которые пойдут к Гонконгу, вот только с ними я не полечу. Моя задача — управление боем, и мой одноместный «Ил» будет болтаться примерно посередине между тремя группами ударных самолетов, чтобы при необходимости иметь возможность прийти на помощь любой из них. Есть и еще один любопытный нюанс — я буду не один. Рядом с моим самолетом какое-то время будет ненавязчиво держаться десантный бот под управлением Летры. Впрочем, у него есть своя задача. Группы выйдут на цели не одновременно. Разницы во времени как раз хватит для того, чтобы бот успел заснять результаты ракетного удара и все три атаки бомбардировщиков. Пришлось изрядно повозиться с прилаживанием на корпус кинокамер и монтажом системы управления съемкой, но дроны-разведчики — аппараты универсальные, и в итоге это все-таки удалось сделать.

Девять сорок. Взлетаю. Пока все развивается по плану. Через десять минут с пусковых установок на достроенной, наконец, позиции крылатых ракет начнут уходить к целям изделия товарища Королева.

— Наблюдаю массовый взлет японской авиации с аэродромов Шанхая, Тайваня и Гонконга, — докладывает Летра. — Соединение кораблей контр-адмирала Кюдзи Кубо покидает военно-морскую базу на Тайване и начинает рассредоточение.

Смотрю на виртуальную карту. Пока действия японских пилотов кажутся не вполне осмысленными. Несколько довольно крупных групп истребителей идут навстречу нашим самолетам. «Илы» забрались на недоступную для них высоту, и что пилоты «Зеро» и «Соколов» собираются предпринять, мне пока неясно. Если уж они хотят нам помешать, лучше бы остались у своих баз в надежде, что «Илы» снизятся для более точного бомбометания. Однако, нет — идут встречными курсами.

Японские бомбардировщики и торпедоносцы, естественно, в

этом не участвуют. Они, похоже просто убегают на запасные аэродромы. Ну и пусть уносят ноги. С самого начала было понятно, что накрыть их на земле не получится, но и без самолетов и кораблей военно-морская база и аэродромы — отличные цели. Разрушение портовых сооружений, уничтожение складов топлива, ремонтных мощностей, взлетных полос и аэродромной инфраструктуры станет весьма неплохим результатом операции.

Девять пятьдесят. Виртуальная карта пополняется двумя десятками новых отметок, быстро движущихся к позициям одиннадцатой армии противника. Ракеты ушли к целям.

— Лейтенант, японские истребители изменили курс.

«Зеро» и «Соколы» больше не движутся нам на встречу. Они рассеваются и ложатся на курс к многочисленным полевым аэродромам, расположенным на северном берегу реки Янцзы.

— Летра, чем они на этих лесных аэродромах занимаются?

— Там суета сплошная. Еще мало кто успел приземлиться, но те, кто уже сел, срочно дозаправляются и явно готовятся к взлету.

— Собираются лететь дальше на север?

— Не думаю. Если бы они хотели удрать, не стали бы подвешивать к самолетам бомбы.

Я тихо ругаюсь и вызываю на связь Кудрявцева. Генерал уже сбежал из госпиталя и сейчас взял на себя командование «Илами», оставшимися прикрывать аэродром.

— «Скала», здесь «Крейсер», ждите незваных гостей. Готовность пятьдесят минут.

— «Крейсер», здесь «Скала», — немедленно откликается генерал, — На сколько персон стол накрывать?

— Не меньше сотни бомбардировщиков и примерно столько же истребителей.

— Командир, я не ослышался? Две сотни?

— Боюсь, так и есть.

— Мы их не удержим. Да нам просто боеприпасов не хватит столько целей завалить, а они ведь не будут в очередь на заклание выстраиваться.

— Генерал, это мой просчет. Не думал я, что японцы решатся на подобный встречный удар. Теперь придется отбиваться тем, что есть. Не дай им раскурочить взлетки, иначе нашим будет некуда возвращаться. Я уже иду к вам. Отзывать ударные группы смысла не вижу — они почти над целями и вернуться все равно не успеют.

— Добро, — мрачно отвечает Кудрявцев и исчезает из эфира.

Все-таки не хватает мне стратегического мышления. Как можно было прозевать такой ответ противника? Теперь понятно,

почему японская армия готовится к наступлению. Они рассчитывают одним ударом избавиться от занозы в заднице в виде нашего авиаполка и опрокинуть расслабившихся за последние недели китайцев концентрированным ударом.

— Ирс, нужно задействовать бот, — отрывает меня от самобичевания Летра. — Без него шансов нет. Вообще нет. Даже если ты успеешь вернуться до японского удара, вас свяжут боем и сомнут. Ну, потеряют самураи половину машин, и что? Обе ВПП они расковыряют так, что их несколько дней восстанавливать придется. И сам погибнешь, и товарищей не спасешь.

— Предлагаешь раскрыться перед нашими и китайцами?

— А есть варианты?

Десять ноль восемь. Насилуя движки «Ила», держу курс на Чунцин. Далеко на севере вижу яркие вспышки — ракеты накрыли цели.

— Японский командующий уничтожен, — лаконично докладывает Летра. — Две ракеты сбились с курса и упали в лес. Остальные наземные цели успешно поражены. Первая ударная группа перестраивается для атаки на авиабазу противника под Шанхаем. Противодействия японской авиации не наблюдаю.

Я лихорадочно ищу выход. Раскрывать себя не хочется категорически. Просто рано еще, не пришло время, но и жертвовать своими людьми я тоже не готов. На принятие решения у меня остается минут пятнадцать, дальше будет поздно.

— «Крейсер», здесь «Скала»! Машины готовы к взлету, — выходит на связь Кудрявцев. Японцев он пока не видит, но понимает, что они вот-вот появятся.

— Поднимай «Илы», — приказываю я и понимаю, что, кажется, решение все-таки есть. — Генерал, у китайцев из охраны аэродрома я видел дымовые шашки. По сравнению с нашими — полное дерьмо, но у них их много. Немедленно ставьте дымы! Немедленно, слышишь?! Пусть используют все, что есть. Надо затянуть все дымом так, чтобы снизу никто не видел, что происходит у них над головами.

— Понял тебя, «Крейсер». А с нашими что делать? Они-то поднимутся над облаком дыма…

— Отправь «Илы» встречать японцев на дальних подступах. Только прикажи им в «собачью свалку» не лезть — их там затопчут. Пусть работают только на высоких скоростях. Ударил-ушел. С теми, кто прорвется, я разберусь. Мне главное, чтобы свидетелей не было. Наших, естественно, а о японцах Летра позаботится.

— Сам с ними пойду, — не терпящим возражений голосом отвечает Кудрявцев, — заодно и прослежу, чтобы к аэродрому не

лезли.

— Уверен, что сможешь? Не вырубишься в самый ответственный момент.

— Уверен. Разрешите выполнять!

Десять двадцать. Вижу облако дыма на горизонте. Китайцы, если их со знанием дела напрячь, способны на чудеса. Дымовая завеса — старый и иногда довольно эффективный способ защиты объекта от атаки с воздуха, вот только при таком массированном налете все равно нет никакой гарантии, что бомбы не упадут на ВПП. Ветер довольно сильный, и в клубах дыма регулярно возникают прорехи, но с этим все равно ничего не поделаешь. Японцев придется безжалостно сбивать, не давая им сбросить бомбы.

Провожаю взглядом десятку «Илов», уходящую на северо-восток. Кудрявцева наводит Летра. Через пару минут генералу и его людям станет очень жарко, и уж точно им будет не до того, чтобы присматриваться к тому, что происходит над оставшимся за их спинами аэродромом. Мысленно желаю парням удачи и закладываю разворот над бесформенным серым облаком дымовой завесы.

— Вижу противника. Атакую! — звенит в наушниках голос Кудрявцева.

У самого горизонта мелькают далекие вспышки. Что-то там взрывается, несколько отметок японских самолетов окрашивается в серый цвет. Строй противника теряет форму, но основная масса бомбардировщиков с красными кругами на крыльях упрямо держит курс на наш аэродром. В напряженном ожидании проходит еще пара минут, и я понимаю, что пора.

— Летра, твой выход.

— Выполняю, — отвечает искусственный интеллект, и воздух в сотне метров справа от меня скручивается в тугую спираль, обретая на мгновение вид прозрачной полусферы. Летра, не слишком заботясь о маскировке, включает форсаж и рывком переводит бот на гиперзвук.

Светящиеся шары раскаленной плазмы бьют в фюзеляжи японских бомбардировщиков, вызывая детонацию бомб и превращая самолеты в огненные шары. Летра стреляет одиночными практически в упор, стараясь максимально снизить визуальные эффекты. Чем позже противник поймет, что имеет дело с чем-то необъяснимым, тем меньше нам придется гоняться за разбегающимися во все стороны японскими машинами.

В отличие от десантного бота, мой «Ил» японцы видят, да я и не пытаюсь прятаться. Ко мне бросаются истребители прикрытия, решив, видимо, что это я так эффективно жгу их подопечных. Я

четко следую собственному приказу и веду бой только на максимальных скоростях, больше чем в полтора раза превышающих возможности японцев. Очередь! Шесть снарядов уходят навстречу пытающемуся зайти мне в лоб «Соколу». Противник даже не думает маневрировать — его опыт говорит, что расстояние слишком велико для прицельной стрельбы. Вспышка на такой дистанции выглядит бледной, но мотор истребителя разбит, и горящий самолет устремляется к земле, исчезая в дымном облаке.

Слева и выше мелькают трассеры. Японцев слишком много, и я не успеваю реагировать на все угрозы. Очередь! Уход вправо со снижением. На несколько секунд я ныряю в спасительный дым, но выходить из боя мне нельзя. На виртуальной карте одна за другой гаснут отметки бомбардировщиков противника, и все равно их еще много, и они упорно рвутся к целям. Японских пилотов наверняка ознакомили с планом нашей базы, расположением ВПП и ориентирами на местности, с которыми можно сверяться в условиях плохой видимости. Несмотря на здорово мешающий им дым, они примерно понимают, куда нужно сбрасывать бомбы.

— Я не успеваю защитить обе полосы! — Летра мечется между противниками, всаживая в них плазменные сгустки.

— Держи восточную. Северную потом починим.

— Принято!

Выныриваю из дыма и атакую ближайший бомбардировщик. Мои снаряды оставляют рваные дыры в его фюзеляже. Что с ним происходит дальше, я не вижу — проскакиваю под поврежденным самолетом и продолжаю набирать высоту.

Удар! И почти сразу еще один. Оба двигателя работают ровно, но самолет начинает нехорошо трясти и раскачивать. Скорость приходится резко снизить, а это уже плохо. Вокруг десятки «Зеро» и «Соколов». Они быстро понимают, что противник стал куда менее резвым и наваливаются всей кучей. Краем глаза замечаю, что внизу, в облаке дыма, мелькают вспышки — прорвавшиеся к целям японцы сбрасывают бомбы.

— Ирс, уходи немедленно! Тебя сейчас собьют!

Я и сам вижу, что дело плохо. «Ил» неохотно слушается рулей, а трассы пулеметных очередей мелькают все ближе. Снова ныряю в дым, но японцы успевают вбить в мой самолет еще несколько пуль. Одна из них попадает в двигатель и тот мгновенно вспыхивает.

— Прыгай! Я тебя прикрою! — вопит Летра.

— Полосу держи!

Самолету конец, это очевидно. Не раздумывая больше ни секунды, дергаю на себя рычаг катапульты, и меня выбрасывает

из кабины. Пороха на вышибной заряд конструкторы не пожалели. На пару секунд у меня темнеет в глазах, но на этот раз обходится без потери сознания. С хлопком раскрывается парашют. Вокруг все в дыму. Режим дополненной реальности отрисовывает для меня контуры земли, аэродромных построек и воздушных целей.

Плюнув на всякую маскировку, Летра вдет огонь из плазменных пушек в режиме максимальной скорострельности. Небо озаряется густыми очередями плазменных сгустков и вспышками гибнущих десятками японских истребителей. Правда к этому моменту осталось их уже не так много, и огненная феерия прекращается, едва успев начаться. Будем надеяться, что на земле никто так и не успел понять, что произошло.

— Противник уничтожен, — докладывает Летра, — Все, кто что-то видел, уже никому об этом не расскажут. Тебя сносит на деревья, будь осторожнее.

Мне удается слегка подправить траекторию спуска, но все равно я приземляюсь на опушке и с размаху вламываюсь в какие-то колючие кусты, безнадежно застревая в них вместе с вхлам запутавшимися стропами парашюта.

— Что с ВПП и группой Кудрявцева?

— В северной взлётке четыре изрядных воронки. Для использования непригодна. Восточная почти цела. Её одна бомба краем зацепила. Можно успеть заделать к возвращению наших, но известная осторожность при посадке не помешает. У Кудрявцева всё хуже. Потеряно шесть машин. Семь погибших. Остальным, включая генерала, удалось катапультироваться.

— Жаль парней, но, согласись, мы еще легко отделались, — с некоторым трудом произношу я, пытаясь принять хоть немного более естественное положение. — Как наши отбомбились по японским базам?

— Там все прошло без сбоев, — уже более спокойно отвечает Летра. — Японские зенитчики пытались что-то сделать, но безрезультатно — наши шли слишком высоко. Вот только с фотографиями и киносъемкой ничего не вышло. Сам понимаешь, для бота нашлось более важное занятие.

Сквозь рассеивающийся дым проглядывают силуэты бегущих ко мне бойцов. Вижу среди них Лену и непроизвольно улыбаюсь. Нервное напряжение постепенно отпускает, и я начинаю осознавать, что всё, наконец, закончилось. Уверен, как только мы останемся одни, Лена скажет мне много добрых слов о том, чем я думал, влезая в очередную авантюру. И в чем-то она, безусловно, будет права, но это всё потом, а сейчас я безумно рад ее видеть.

Глава 9

— Жаль, — сержант Кнат отвел взгляд от лица лейтенанта Кри, с которого постепенно стиралась гримаса ярости. Препарат, введенный ему Летрой по моему приказу, мягко погружал пациента в медикаментозный сон. — Я надеялся, что командир нам поверит.

— Вероятность успеха была крайне низкой, — ответила Летра. — Я ведь предупреждала. Лейтенант слишком долго находился в контакте с технологией «Вирт-N». Боюсь, вывести его из состояния виртуального психоза невозможно.

— Похоже, это тупик, — покачал головой Кнат. — Капитан-лейтенант Хирч никогда не откажется от выполнения задачи, которая, по его убеждению, поставлена перед «Консулом Праном» командованием. Какое-то время они будут пытаться устроить на Земле войну всех против всех. Если станет ясно, что это не поможет, Хирч пойдет на риск и нанесет орбитальные удары по Лунной базе и земным городам.

— И что для командира эсминца станет последней каплей, которая заставит его принять решение об атаке?

— Не знаю, — Кнат развел руками, демонстрируя мне, что и рад бы, да помочь ничем не может. — Я сержант-десантник. Со мной командир корабля подобные планы не обсуждал. Но если это случится, всем здесь будет очень невесело. Как я понимаю, на Лунной базе не осталось работоспособных систем противокосмической обороны?

— А вот этого уже не знаю я. База сильно пострадала в бою с крейсером. Что-то могло уцелеть, но во многие помещения просто невозможно попасть — ремдроны не в состоянии самостоятельно пробиться через завалы.

— Лейтенант, я понимаю, что в твоем отряде мой статус, мягко говоря, неоднозначен, но все же хочу задать вопрос. У тебя теперь есть исправный десантный бот и пара вполне рабочих бронескафандров. Почему ты не летишь на Луну?

— Я там уже был, — пожал я плечами. - Совершил посадку после боя с крейсером. Увидел, что возвращаться мне некуда и отправился на планету. Что мне делать на Луне? Пытаться почти голыми руками разобрать завалы? И на сколько хватит ресурса брони? Просто слетать на экскурсию? Так мне есть чем здесь заняться, да и топливо не бесконечно. Туда лететь нужно с тяжелой инженерной техникой и людьми, способными ей управлять. Ни такой техники, ни средств ее доставки на Земле пока нет, и на данный момент я даже не могу приступить к ее

созданию.

— А зачем, вообще, нужно скрывать от местных информацию о нас? Все могло бы быть проще.

— И проще, и сложнее. Я не хочу, чтобы кто-то из земных правителей попытался наложить лапу на наши технологии и использовать их в своих целях. А так и будет, если о том, кто мы на самом деле, станет известно только кому-то одному из них. Земная цивилизация, как, впрочем, и все остальные, еще та банка с пауками. Один строит демократическую гегемонию, под дудку которой должен плясать весь мир, снабжая самую свободную страну планеты ресурсами и дешевой рабочей силой. Другой хочет учинить государство рабочих и крестьян в виде союза из тридцати-сорока республик[4], а то и на мировую революцию замахнуться. Третий пытается спасти свою трещащую по швам колониальную империю. Четвертому, вообще, жизненное пространство подавай с уничтожением слишком расплодившихся представителей низших рас…

— Но ты-то свою сторону в этой войне уже выбрал, — усмехнулся Кнат.

— А куда мне было деваться? В Южную Америку свалить или в США? И ждать, пока все само придет к обычному для таких цивилизаций финалу? Я выбрал страну, способную свернуть шею самому одиозному режиму, лидер которого затеял всю эту бойню. Собирался сделать военную карьеру, минимизировать потери в войне, получить власть, уничтожить фашизм и выстроить между странами-победительницами отношения, исключающие повторение подобных войн. Развить ракетные технологии, добраться до Луны, открыть человечеству путь в большой космос и дать людям цель и пространство для экспансии на долгие годы. Кое-что даже начало получаться, но дальше обстоятельства стали быстро меняться, и закончилось все появлением вашего эсминца, что сделало ситуацию совсем уж непредсказуемой.

— А почему все-таки СССР, а не США?

— Знаешь, сержант, я этот вариант рассматривал. Но уж очень эта страна напомнила мне нашу Шестую Республику. Вроде и свобода, и частная инициатива, и социальные лифты какие-никакие, а что-то все равно неправильно. Есть там нормальные люди, но сама система такая же мерзкая, как у нас. Никому ты там не нужен, если на тебе нельзя заработать. Всем на всех наплевать, каждый сам за себя. Есть деньги — ты крут. Нет денег — ты лузер и никому не нужен. И никак иначе. К сожалению, именно этот путь чаще всего выбирают цивилизации, сумевшие избежать гибели в ядерной войне, и, как тебе, наверное, уже рассказала Летра, кончается это всегда одинаково. И мы с тобой

— живое подтверждение тому, что это направление ведет в тупик, причем в тупик смертельный.

— И что теперь? Против эсминца у тебя ничего нет и в ближайшее время не будет, а все неустойчивое равновесие держится только на том, что командир «Консула Прана» об этом не знает. Раскрывать себя ты не собираешься…

— Собираюсь, только не прямо сейчас. Мне нужны СССР и США, как равные партнеры, как стороны, способные уравновесить друг друга, а сейчас позиции СССР заметно слабее. Вермахт все еще стоит восточнее Днепра, советская военная промышленность сильно зависит от американских поставок. В общем, не время еще, хотя, конечно, думать об этом уже пора.

— Лейтенант, тут у майора Щеглова интересная мысль возникла по поводу неудавшейся аэрофотосъемки ударов по японским базам, — прошелестел в моем ухе голос Летры. — Они с Лебедевым сейчас в штабном блиндаже. Просят тебя тоже подойти для обсуждения.

К моему приходу дискуссия уже подходила к концу, и меня, по сути, просто ознакомили с готовым решением проблемы. Лебедев предоставил майору право его озвучить, как автору изначальной идеи.

— Командир, я тут увидел, как товарищ полковник убирал в сейф пленки, изъятые из фотоаппаратов и кинокамер, установленных на «Илах», — издалека начал Щеглов. — Ну, тех, которые ты приказал поставить на машины ударных групп, чтобы потом можно было объяснить, откуда взялись фотографии и кинохроника. Понятно, что с такой высоты они ничего толкового снять не могли, но это уже детали. Так вот, я посмотрел на это дело и подумал, что никто ведь пока эти пленки не проявлял, и не видел, что на них отснято, а значит, вместо них совершенно спокойно могут появиться другие пленки, на которых будет все, что нам нужно.

— Ну, мы ведь так и планировали сделать, — пожал я плечами. — Заменить эти пленки тем материалом, который будет отснят камерами, установленными на десантном боте, вот только отснять ничего мы не успели.

— Это смотря кто не успел, — улыбнулся Щеглов, — Я тут побеседовал с Летрой, и она сказала, что с этих ее сателлитов все было отлично видно. И нужные кадры у нее сохранились, только отсняты они не на пленку, а на вашу аппаратуру. Там, конечно, съемка только сверху велась, но ведь и «Илы» из ударных групп тоже на цель исключительно с больших высот заходили, так что, по идее, не могли они снимать кадры атаки сбоку и с близкого

расстояния. Может и к лучшему, что таких кадров у нас нет — достовернее все получится.

— Ну, допустим, — я все еще не до конца понимал идею майора. — У Летры записи есть, но для переноса их на кинопленку у нас нет необходимой аппаратуры.

— А зачем нужны специальные приборы? — удивился Щеглов. — Твой металлический паук смог показать нам очень качественное кино, причем даже объемное и цветное, такое, что и от реальности-то почти не отличается, разве что размерами. Что мешает ему так же прокрутить нужные нам кадры перед включенной кинокамерой? Вот и будет у нас необходимый материал, причем такого качества, как будто мы все это не в бою снимали, а где-нибудь на Ленинградской киностудии.

— Летра, что скажешь?

— Скажу, что могла бы и сама сообразить, — в голосе искусственного интеллекта отчетливо звучала досада. — Ничего ведь сложного. Просто нужно было взглянуть на проблему под немного нестандартным углом, а у меня, как ты знаешь, с этим не всегда хорошо. Существует типовое решение. Для преобразования информации из одного формата в другой нужна специальная программа и возможность связи между устройствами воспроизведения и записи. Если этого нет — преобразование невозможно. А то, что запись можно просто переснять… Да, будет существенная потеря качества, но в данном случае это вообще некритично — картинка, по местным меркам, получится просто идеальной. Ну ведь элементарно же! Обидно, слушай.

— Ну, не переживай так уж, — я усмехнулся натуральности имитируемого искусственным интеллектом огорчения. — Я ведь тоже не сообразил, хотя, наверное, мог бы. Впрочем, вряд ли. Я рос среди высоких технологий, и нахватался соответствующих стереотипов. Мне бы такое просто в голову не пришло. В общем, в плане творческого подхода к решению чисто технической задачи товарищ Щеглов оставил нас с тобой далеко позади. Значит, ему эту идею и воплощать. С твоей помощью и всемерным содействием, естественно.

Ход обеих операций против японцев мне категорически не понравился. Оба раза цели были достигнуты, но и в первом, и во втором случаях мне пришлось покидать самолет с помощью катапульты, что, мягко говоря, радовать не может.

Наличие на орбите дронов, выпущенных автоматическим разведчиком мятежников, сводило к нулю фактор неожиданности, а это, естественно, вело к резкому возрастанию противодействия противника уже в самом начале любой

операции.

Конечно, у меня оставался десантный бот, укрытый маскировочными полями. Сканеры дронов не могли его засечь с орбиты, но действовать исключительно с его помощью я мог только для решения весьма ограниченного круга задач.

С безнаказанной передачей мятежниками информации японцам и немцам следовало незамедлительно что-то делать, иначе битва за Днепр грозила обернуться для Красной армии совершенно неприемлемыми потерями, и не факт, что она вообще могла увенчаться успехом.

— Ты последние дни чем-то сильно обеспокоен, — от Лены не ускользнули мои напряженные размышления над способами решения возникшей проблемы. — Может, расскажешь?

Смысла скрывать от жены свои мысли я не видел.

— Как ты помнишь, над нашими головами на высоте около трехсот километров висят небольшие аппараты, запущенные с космического корабля мятежников. — Оружия на них нет, но они ведут непрерывное наблюдение за поверхностью Земли, слушают эфир, способны ставить помехи, перехватывать радиопередачи и передавать сообщения по радио, причем так, что ни перехватить, ни заглушить их Летра не может. Это создает нам кучу сложностей. Сведения о перемещении наших войск, взлете самолетов с аэродромов, выходе кораблей из гаваней, а иногда даже о действиях отдельных людей попадают к мятежникам, а через них к противнику на Земле. Если этот канал не перекрыть, нормально проводить наступательные операции будет практически невозможно. Нас всегда будут ждать именно там, где мы запланируем главный удар.

— А сбить их нельзя? У тебя ведь теперь есть десантный бот, способный выходить в космос. Если эти шпионы безоружны, то что мешает приблизиться к ним и расстрелять из пушек?

— Их еще надо найти. Эти аппараты тоже прячутся за маскировочными полями. У нас возникла патовая ситуация. Летра не может определить точное положение дронов, запущенных мятежниками, а они точно так же не в состоянии отследить наши спутники. У бота есть неплохие сканеры, пусть и не последнего поколения. Летра даже немного расширила их возможности, поменяв прошивку и подключив к системе пару своих «пауков» с более продвинутым оборудованием, но все равно обнаружить шпионский аппарат можно только приблизившись к нему почти вплотную, а для этого нужно достаточно точно знать его координаты. В общем, это не вариант.

— Их много?

— Девять. Для контроля всей поверхности Земли этого мало.

Да даже для детального сканирования территории СССР их недостаточно, но советско-германский фронт они отслеживать способны, так что проблем мы с ними хлебнем в полный рост.

— Я, конечно, не так много смыслю в этих ваших маскировочных полях и сканерах, — задумчиво произнесла Лена, — но что-то мне подсказывает, что сложность обнаружения дрона должна зависеть от его собственного поведения. Вот возьмем, к примеру, дуэль снайперов. Пока оба противника тихо и неподвижно лежат на своих заранее подготовленных и тщательно замаскированных позициях, обнаружить друг друга они не могут, но стоит кому-то из них начать действовать, и у второго появляется шанс. Не обязательно противник должен стрелять, хотя, конечно, это идеальный вариант, но враг может выдать себя и неосторожным движением, бликом оптики, попыткой сменить позицию. Спровоцировать противника на действие, которое нарушит его маскировку — целое искусство. Я понимаю, что оружия у этих шпионов нет, но ведь средства активной разведки у них должны быть. Тот же радиолокатор, насколько мне известно, во время работы излучает интенсивный радиосигнал, и по этому сигналу его можно обнаружить. Я, конечно, понимаю, что сравнивать нашу примитивную технику с вашими сканерами нельзя…

-Кое в чем их как раз сравнивать можно и нужно. На самом деле, ты права. Эффективность маскировки объекта при работе сканеров в активном режиме несколько снижается. Дело другое, что излучение сканера является узконаправленным, и его еще нужно суметь перехватить, а для этого, опять же, надо знать, где искать.

— А если ты будешь знать примерное местонахождение шпионского дрона и точные координаты объекта, который он хочет рассмотреть, это поможет?

— А вот это уже любопытно, — я с интересом посмотрел на Лену. — Летра, подключайся к обсуждению.

— Вероятность обнаружения дрона на низкой орбите повысится в несколько раз, — немедленно ответил искусственный интеллект, — но тут многое будет зависеть от расстояния, на котором противник окажется от ближайших сателлитов и десантного бота. Это очень важный параметр. Не зная его, я не смогу провести оценку шансов засечь врага.

— Так, давай тогда попробуем зайти несколько с иной стороны, — Лена явно увлеклась решением головоломной задачки. — в ближайшие дни начнется масштабное сражение за Днепр. Логично предположить, что большинство дронов противник подвесит над советско-германским фронтом,

поскольку именно там будет решаться судьба войны.

— Вполне возможно, — согласилась Летра, — но протяженность фронта — тысячи километров. Это слишком большой разброс, хотя, конечно, зона поиска действительно сильно сузится.

— А весь фронт нам и не нужен. Северная часть, скорее всего, останется относительно спокойной. Основные бои развернутся на Украине и, возможно, в Белоруссии.

— Скорее всего, мятежники распределят дроны над фронтом относительно равномерно, и этого им будет достаточно для контроля над ситуацией, — предположил я.

— Не факт, — коротко возразила «девушка с Луны», как я иногда стал называть про себя Летру после памятного разговора с Леной.

— Вот-вот, — Лена тут же поддержала Летру и хитро улыбнулась. — Возможно, в обычной ситуации они бы так и сделали, но мы ведь можем начать им мешать.

— Каким образом? Опять использовать маскировочные поля наземных дронов-разведчиков?

— Именно. Если это получилось один раз, почему не получится снова?

— Они могут прикрыть только небольшой участок поверхности…

— Стоп! — Летра неожиданно прервала наш спор. — Твоя женщина, лейтенант, спокойно могла бы работать аналитиком на Лунной базе. Ну, если подучить ее немного, конечно. Для того, чтобы стянуть орбитальных дронов противника к какому-то важному объекту, совершенно не обязательно полностью скрывать его маскировочным полем. Мало того, это даже вредно. Нам ведь нужно, чтобы противник попытался рассмотреть, что же там все-таки происходит. Если собрать сотню моих дронов-разведчиков, например, к аэродрому, с которого будут летать турбореактивные «Илы», то они совместно смогут накрыть довольно большое пространство слабеньким маскировочным полем, которое сканеры дронов противника довольно легко пробьют, вот только для этого им придется подтянуться ближе к целям и использовать активный режим сканирования. Это именно то, о чем Лена говорила в самом начале. Мы спровоцируем противника на активные действия, точно зная, на какой объект будет направлено сканирующее излучение.

— А над объектом-приманкой, немного ниже границы атмосферы, их будет с нетерпением ждать десантный бот в режиме максимальной маскировки, — продолжил я мысль Летры, — и в нужный момент включит на полную мощность свои

сканеры, причем сделает он это одновременно с ближайшими сателлитами. Спутники и бот, работая в единой сети, повысят шансы обнаружения дронов противника.

— Повысят. Не скажу, что очень существенно, но процентов на десять вероятность успеха возрастет.

— Мы сможем стянуть в район операции всю твою орбитальную группировку?

— Это не так просто сделать… Впрочем, время у нас есть. В отличие от дронов мятежников, сателлиты на низких орбитах не могут висеть над одной точной поверхности планеты. Их двигатели на такое не рассчитаны, но я могу ненадолго свести их вместе над нужным нам районом. Правда, потом, когда спутники уйдут дальше по своим орбитам, мы на некоторое время потеряем контроль над тем, что происходит на земле.

— Ну, используй не всю, а три четверти группировки. Насколько при таком раскладе повысятся наши шансы?

— Сильно повысятся. Точно сказать не берусь, но бо́льшую часть дронов противника засечь удастся, а может, и все. При условии, естественно, что они клюнут на приманку и действительно туда подтянутся.

— Значит, приманка должна быть такой, чтобы мятежники не могли себе позволить ее проигнорировать, — задумчиво кивнула Лена.

— Пожалуй, я знаю, что может вызвать у них неподдельный интерес, — на моем лице сама собой появилась кривоватая усмешка. — Вот только посуетиться нам, я чувствую, придется очень серьезно, чтобы успеть весь этот спектакль подготовить.

В небольшом кинозале, оборудованном в правом крыле Белого Дома, зажегся свет. Президент Рузвельт еще какое-то время задумчиво смотрел на опустевший экран, а потом повернулся к своему советнику.

— Что скажете, Гарри?

— Я не ожидал, что все настолько серьезно, — неопределенно повел плечами Гопкинс, — Думаю, у Чан Кайши теперь еще долго не будет особых проблем. Может быть, даже какое-нибудь наступление придумает, хотя вряд ли. В этой войне его армия играет исключительно в обороне.

— Чан Кайши меня в данном случае интересует в последнюю очередь, — поморщился Рузвельт. — Вы хорошо рассмотрели ракеты, которыми люди генерала Нагулина накрыли позиции японской одиннадцатой армии?

— Не слишком. Тут нужно экспертам работать, но я уверен, что и они никаких по-настоящему важных деталей не углядят.

Съемка специально велась с таких точек, чтобы критичные подробности конструкции в объектив не попадали. Но кадры впечатляющие. Съемки велись и с земли, и с самолетов. Честно говоря, не представляю, как русские ухитрились это сделать в условиях реальных боевых действий. И ведь не постановка, сразу видно.

— Тайвань, Гонконг, Шанхай… Они сравняли с землей военно-морскую базу и три стратегических аэродрома вместе со всей инфраструктурой. А фотографии почти сотни сбитых японских бомбардировщиков, пытавшихся атаковать аэродром под Чунцином! Там же все поле обломками усеяно…

— И плюс к этому командующий японскими войсками в Китае генерал Сюнроку Хата, уничтоженный прямым попаданием русской ракеты в его командный пункт, — добавил Гопкинс. — На первый взгляд это выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой…

— Есть основания сомневаться?

— В том-то и дело, что таких оснований нет. Гибель Сюнроку Хата подтверждают японские газеты. По ущербу, нанесенному японским базам и одиннадцатой армии данные пока неполные, но в том, что он велик сомневаться не приходится. А теперь еще этот фильм, переданный нам советским послом…

— Русские просят увеличить поставки?

— Просят, и весьма настойчиво. Надо признать, у них для этого имеются все основания. Вот только последнее время их запросы довольно сильно изменились. Танки и самолеты они теперь почти не заказывают, зато сильно выросли заявки на алюминий, вольфрам, молибден, нитроглицериновые пороха и гексоген. А из техники они хотят получать грузовики, радиостанции, артиллерийские тягачи и бронетранспортеры, причем все это в каком-то немыслимом количестве.

— Думаю, мы должны пойти навстречу их пожеланиям, — усмехнулся Рузвельт, еще раз бросив взгляд на белый экран.

— Но конгресс…

— Конгрессменам тоже будет полезно посмотреть этот фильм. Не зря же русские так старались. Думаю, стоит показать его и простым американцам в кинотеатрах страны вместе с хроникой действий нашей армии и флота на Тихом океане. Уверен, нужный эффект будет достигнут.

Гопкинс молча кивнул.

— И вот что, — Рузвельт вновь вернул своему лицу серьезное выражение. — Зная вас, Гарри, я думаю, вы не просто так обратили мое внимание на изменение в структуре советских заявок на поставку военных материалов и техники. Подозреваю,

вы уже проконсультировались с нашими генералами и готовы озвучить сделанный ими вывод.

— Все верно, господин президент, — кивнул Гопкинс, — мнение военных экспертов однозначно. Русские собираются наступать, причем наступать быстро и на большую глубину. Самолеты у них есть свои, причем такие, что наши им вряд ли могут быть интересны. С умением делать очень неплохие танки у них и раньше все обстояло нормально, а теперь, после массовых поставок наших станков и оборудования, с этим у них проблем вообще быть не должно. А вот грузовики, тягачи и бронетранспортеры — их слабое место, а они критично важны, чтобы во время стремительного наступления пехота и артиллерия не отставали от танков. Ну и радиостанции… Как без них управлять войсками, ведущими динамичные боевые действия?

— Решительное наступление? — медленно произнес Рузвельт, словно пробуя эти слова на вкус, — Ну что ж, пока я не вижу в этом для нас никаких проблем. Русским еще нужно форсировать Днепр и выйти к своим границам, а это потребует времени, и значительная часть поставленной нами техники либо будет потеряна в боях, либо в значительной мере выработает свой ресурс.

— А дальше Европа…

— Европа — дело будущего. Еще неизвестно, как у русских пойдут дела. А прямо сейчас я вижу, что японцам в спину всадили нож и медленно его проворачивают. И сделал это Советский Союз, сэкономив десятки тысяч жизней наших сограждан и сократив расходы Соединенных Штатов на эту войну на сотни миллионов долларов. Для меня это означает только одно: не нужно разочаровывать Сталина, он слишком полезен нашей стране в данный исторический момент.

Как выяснилось, не мне одному в голову пришла мысль, что в преддверии крупного наступления держать товарища Нагулина в далеком Китае нецелесообразно. Видимо, Сталин решил, что помощь Рузвельту и Чан Кайши дело, конечно, хорошее, но на этом направлении и так уже сделано немало, а Днепр — вот он, и не нужно быть великим стратегом, чтобы понять, что выиграть битву за эту великую реку будет весьма непросто.

Я еще только обдумывал, под каким соусом отправить в Ставку просьбу отозвать меня из Китая, когда срочный вызов в Москву нашел меня сам, причем вместе со мной в Союз возвращали и всю группу Лебедева.

Не знаю, возникали ли у Жукова или Шапошникова идеи поставить меня командовать каким-то из направлений

наступления. Подозреваю, что возникали, но когда я прибыл кремлевский кабинет Сталина, никаких дискуссий на эту тему уже не велось. Меня просто поставили перед фактом, что с завтрашнего дня я вступаю в должность командующего первой отдельной армией стратегического резерва Ставки ВГК. Армия эта оказалась не просто первой, а единственной в своем роде. Собственно, ничего нового высшие руководители СССР придумывать не стали. В мое подчинение передали свежесформированный авиакорпус, полностью укомплектованный турбореактивными «Илами», три ракетных полка, вооруженных «изделиями К-212», артиллерийскую дивизию прорыва генерал-майора Цайтиуни, две легких танковых бригады и стрелковую дивизию для охраны и обеспечения функционирования всего этого богатства. В общем, на меня, как обычно свалили боевое применение мною же самим внедренных технологических новинок. «Тридцатьчетверок» вот только новых не дали. Этих танков с 85-миллиметровыми пушками было еще очень мало, и все они были нужны на участках главных ударов, да мне они не особо и требовались — лезть на передовую в мои задачи не входило.

А вот что меня особо порадовало, так это наличие в авиакорпусе четырех только что построенных воздушных носителей крылатых ракет. На стандартный двухмоторный «Ил-8р» надежно подвесить ракету так и не удалось, как ни пытались это сделать советские конструкторы, зато изрядно переделанный Пе-8 с этой задачей справился. Вместо карбюраторных М-35А тяжелый бомбардировщик получил четыре турбореактивных двигателя. Конструкцию пришлось изрядно усиливать, что повлекло за собой утяжеление самолета, но мощность новых движков с запасом компенсировала прибавку веса. Скорость самолета увеличилась не так уж сильно, но дальность полета, практический потолок и грузоподъемность возросли весьма существенно. Бомбовый отсек пришлось полностью переделать. Изделия товарища Королева в него не лезли никакими силами. Конструкторам пришлось разработать специальную подвеску, на которой удалось разместить две ракеты частично утопленные внутрь фюзеляжа, а частью выступающие за его габариты. И почему-то я совершенно не удивился, узнав, что командует звеном новых машин мой старый знакомый товарищ Пусеп, теперь уже подполковник.

— Вы очень хорошо справились в Китае, товарищ Нагулин, — неторопливо произнес Сталин, внимательно глядя мне в глаза. — Наши союзники получили даже больше того, на что могли рассчитывать, и это благоприятно сказалось на поставках

стратегического сырья и техники из-за океана. И все же, немцы — более серьезный противник. Япония сильна на море, а Германия наиболее опасна на земле и в воздухе. Просто так противник Днепр не отдаст. Сразу после смерти Гитлера Геринг отдал приказ начать строительство линии укреплений от Нарвы до Черного моря, основой которой стал правый берег Днепра. Это так называемый «Восточный вал», призванный защитить Европу от большевизма, как не устает вещать немецкая пропаганда.

Сталин перевел взгляд на разложенную на столе карту и обвел мундштуком зажатой в руке трубки центральную часть фронта от Смоленска до Киева.

— Разведка утверждает, что нам не удалось сохранить в тайне подготовку наступления, — продолжил верховный главнокомандующий. — Немцы знают, где мы планируем нанести удар и активно готовятся к его отражению. В этот раз мы не торопились. Люди обучены, дивизии укомплектованы личным составом и техникой по полному штату, но совершенно очевидно, что противник тоже не терял времени зря. За спиной пехотных частей вермахта стоят танковые дивизии, и как только наше наступление выдохнется и потеряет темп, они ударят. Допустить этого нельзя. Оборону противника нужно прорывать быстро и на всю глубину, иначе мы завязнем, не дойдя даже до берега Днепра. Наступление не должно буксовать ни на одном из направлений и именно это является главной задачей вашей армии, товарищ Нагулин. У вас мало пехоты и танков, зато в ваших руках сконцентрировано мощное ракетное оружие и новейшая авиационная техника. Ваша цель — уничтожение крупных узлов сопротивления, которые будут мешать продвижению наших ударных армий, и отражение воздушными и ракетными ударами опасных контрнаступлений противника. В отличие от командующих фронтами, у которых есть детально разработанные планы наступления, вы будете действовать по обстановке в зависимости от развития ситуации на участках прорывов. Для упрощения вашего взаимодействия с командованием фронтов, мы направим к вам представителя Ставки. Им станет товарищ Мехлис. Есть мнение, что в Крыму вы неплохо сработались, и его присутствие в вашем штабе пойдет только на пользу делу.

В принципе, расклад меня вполне устраивал. Мехлис, правда, нарисовался откровенно не в тему. Его отношение ко мне в последнее время изменилось, и он больше не искал в каждом моем решении признаков трусости и предательства, но характер его никуда не делся, и нос свой он совал ну просто во всё, до чего этот самый нос мог дотянуться, а в том, чтобы дотянуться до

самых последних мелочей, равных товарищу комиссару просто не было.

Тем не менее, я хорошо помнил, что против гиперактивности навязанного мне представителя Ставки есть хорошее средство, с успехом опробованное мной еще в Крыму, и сейчас я собирался вновь его применить. Товарища Мехлиса следовало загрузить сверхсекретным и крайне важным делом, которое он сам тоже будет считать таковым. И дело такое у меня для комиссара имелось.

Я не стал придумывать ничего нового, и в первую же ночь после прибытия в расположение армии совершил разведывательный облет линии фронта. Мехлис отлично помнил, что в Крыму это реально помогло и даже не кривился, когда я, наскоро приняв дела у начальника штаба, свалил остальную рутину на него и умотал на аэродром.

Через три часа я уже вновь был в штабе, но вместо ожидаемого всеми рассказа о результатах разведки я с нескрываемым беспокойством в голосе произнес:

— Товарищ армейский комиссар первого ранга, прошу вас пройти со мной в кабинет.

Надо сказать, важностью момента Мехлис проникся сразу. Не помнил он за мной подобного поведения, и решил, что просто так я подобные спектакли разыгрывать не буду. Ну и молодец.

Когда тяжелая дверь кабинета закрылась за нами, я предложил комиссару сесть и сам опустился в тяжелое старинное кресло, как и этот дом каким-то чудом пережившее немецкую оккупацию и бои за город.

— Что случилось, товарищ генерал-полковник? — лицо Мехлиса выражало искреннюю обеспокоенность, смешанную с готовностью немедленно начать действовать.

— Все очень плохо, Лев Захарович, — ответил я, не меняя сосредоточенно-трагичного выражения лица, и Мехлис даже не дернулся, когда я обратился к нему не по уставу. — Немецкая разведка не просто вскрыла нашу подготовку к наступлению, противник точно знает расположение и состав всех наших частей на линии фронта. Это становится ясно, исходя из того, как немцы расположили резервы и на каких участках они ведут наиболее интенсивные работы по укреплению своей обороны.

— Предательство? — Комиссар даже привстал с кресла.

— Не думаю. Дело в том, что для меня эта картина не нова. Я уже сталкивался с чем-то подобным в Китае, но тогда я списывал это на ненадежность солдат и офицеров Чан Кайши, через которых информация могла утекать к японцам. В результате мы понесли серьезные потери. Мой самолет дважды сбивали, и я был

вынужден прыгать с парашютом. И вот здесь, в тысячах километров от Китая, я сталкиваюсь с совершенно аналогичной картиной. Боюсь, у противника появился новый и очень неприятный для нас инструмент технической разведки. Я не знаю, как он действует и даже не представляю принцип, на котором он может быть основан, но результат, как говорится, на лицо. Воевать в таких условиях нам будет крайне сложно.

— Об этом нужно немедленно доложить в Ставку.

— Естественно. Вот только, Лев Захарович, докладывать товарищу Сталину о таких вещах лучше уже имея предложения по исправлению ситуации.

— И у вас такие предложения есть?

— Именно поэтому я и хотел поговорить с вами наедине, товарищ армейский комиссар первого ранга. Я хочу заставить врага раскрыться и отвлечь его от наших приготовлений к наступлению, но для этого мне понадобится ваше активное содействие.

— Я вас слушаю, Петр Иванович, — кивнул Мехлис, — Внимательнейшим образом слушаю.

— Вы в курсе работ, ведущихся в Радиевом институте под руководством академика Хлопина?

— В общих чертах, — нахмурился Мехлис, — Насколько я знаю, эти работы засекречены. Откуда вам о них известно?

— Засекретили их чуть больше года назад. А до того статьи товарищей Хлопина, Курчатова и Ланге публиковались в открытых научных изданиях. Кроме того, у меня достаточно высокий допуск. Товарищ Берия поддерживал мои изыскания по созданию взрывчатых веществ высокой мощности, в результате которых у нас появились боеприпасы объемного взрыва. Как вы, я уверен, понимаете, пройти мимо работ Радиевого института я не мог — там перспективы просто фантастические, вот только до практической реализации еще очень далеко. Поэтому я больше этой темой не интересовался и остановился на объемно-детонирующих аэрозолях.

— Ясно, — кивнул комиссар, — что требуется от меня?

— Мне нужно, чтобы у нашего противника возникло граничащее с уверенностью подозрение, что разработки ученых Радиевого института уже доведены до практического результата. Уверен, что ради получения точных сведений о советском атомном оружии враг задействует все свои возможности и резервы, и это даст нам шанс выявить пути утечки информации.

— Эрих, поступили новые агентурные сведения, и они совершенно не укладываются в твою теорию существования

единой третьей силы, желающей бесконечного продолжения войны, — произнес Рихтенгден, открывая кожаную папку и извлекая из нее стопку фотографий. — Есть все основания считать, что отсутствие активности русского стрелка на Восточном фронте связано совсем не с тем, что неизвестному нам игроку больше нет необходимости поддерживать русских. Генерал Нагулин просто сменил театр военных действий и превратился из нашей головной боли в не менее серьезную проблему японцев.

— Это точно? — слегка изогнул бровь полковник.

— Вот, взгляни, — генерал передал Шлиману фотографии, — это снимки атаки русских турбореактивных самолетов на тяжелый авианосец «Дзуйкаку» и корабли сопровождения. Ночной атаки, заметь. Ничего знакомого не видишь?

— Самолеты, видимо, те же, что разгромили нашу эскадру у острова Медвежий при попытке перехвата русского конвоя.

— Скорее всего, хотя оттуда фотографий у нас нет и расспросить тоже некого, сам понимаешь. И все же самолеты здесь не главное. Вспомни Крым и Плоешти. Тот же прием. Ночная атака, в которой часть самолетов наносит удар по целям, а еще несколько машин заняты исключительно фотографированием целей с использованием фотоосветительных бомб. Я говорил с нашими лучшими пилотами, и они в один голос утверждают, что это совершенно невозможно. Слишком сложно в условиях ночного боя согласовать до секунд действия десятков самолетов. И, знаешь, я им верю, но все же знаю одного человека, который на такое способен.

— Командующий японскими войсками в Китае — тоже его работа? — на лице Шлимана отражалась напряженная работа мысли.

— Почти наверняка. Японцы пишут, что он погиб при прямом попадании бомбы в командный пункт. Возможно, так и есть, хотя я думаю, что это была ракета, такая же, как в Плоешти или даже более совершенная. Это пока довольно редкое и наверняка очень дорогое оружие, и применять его русские доверяют только лично Нагулину.

— То есть получается, что наш «Патриот» и русский стрелок воюют по разные стороны фронта, — кивнул своим мыслям Шлиман, — но это все еще не исключает того, что они оба являются проявлениями одной и той же силы. Возможно, одновременная помощь обеим сторонам имеет для нее какой-то смысл. Например, повышает общие потери участников сражения.

— Между «Патриотом» и Нагулиным есть весьма значительная разница, — возразил Рихтенгден, — Русский

стрелок участвует в сражениях лично, а «Патриот» только дает советы и снабжает нас информацией. Какой смысл в таких разных подходах? И еще одно. Нагулин действует намного эффективнее. Я не вижу причин для «третьей силы» отказываться от уже испытанного и показавшего себя с хорошей стороны решения. Вывод напрашивается сам: тот, кто стоит за «Патриотом» имеет более ограниченные возможности, чем Нагулин.

— Предлагаешь все же считать их разными силами?

— Это логично.

— Пожалуй, соглашусь, — кивнул Шлиман, — но что это нам дает в практическом смысле?

— В практическом? Все очень просто. Русские готовятся к прорыву «Восточного вала», и я уверен, что генерал Нагулин не останется в стороне. Китай для Сталина не так важен, как Днепр. Не станет он держать своего лучшего бойца вдали от такого сражения. «Патриот» помогает нам, и русские, кажется, уже начинают понимать, что мы слишком много знаем об их предстоящем наступлении. Теперь нам стоит ждать ответа русского стрелка. Именно здесь, на Днепре, эти две силы столкнутся лоб в лоб. Во что это выльется для нас и для русских, я боюсь даже предполагать.

— Генрих, нам нужно лететь на фронт, в штабы Манштейна и Роммеля. Именно в их руках сейчас сосредоточена главная ударная сила вермахта — танковые армии.

— Что мы сможем там сделать?

— Вспомни Крым. У Манштейна и Рихтгофена почти получилось поймать Нагулина в ловушку. Может быть, не улети ты тогда в Берлин, и сейчас этой проблемы уже бы не существовало. Мы единственные в Рейхе, кто более-менее понимает, как мыслит русский стрелок, и, если все вдруг начнет рушиться, мы обязаны объяснить командующим, что происходит и указать возможные пути спасения ситуации.

— Считаешь, стрелок переиграет «Патриота»?

— Скажем так, я этого не исключаю.

Капитан-лейтенант Хирч с интересом наблюдал за перемещениями советских и германских войск на огромном пространстве от Балтики до Черного моря. Вот-вот должно было начаться грандиозное сражение, способное унести жизни сотен тысяч, если не миллионов диких зараженных, и это не могло не радовать командира эсминца. На данный момент Хирча беспокоил лишь тот факт, что дронам, перемещенным на позиции над западной частью крупнейшего континента планеты, пока не удалось засечь их главного противника — зараженного с Лунной

базы, как, впрочем, и нескольких его ближайших соратников из местных. Где находится захваченный ими десантный бот тоже оставалось неясным, но, судя по всему, открыто применять его в бою противник не собирался, так что командир эсминца пока решил не забивать себе голову размышлениями на эту тему.

— Скорее всего, он сейчас где-то в этом районе, — зам по вооружению выделил на виртуальной карте небольшую территорию в трех сотнях километров к северо-востоку от Киева. — Именно здесь собраны основные технологические новинки советской боевой техники — турбореактивные самолеты, крылатые ракеты и артиллерия крупных калибров, укомплектованная боеприпасами объемного взрыва. Место дислокации серьезно прикрыто зенитной артиллерией и постоянно патрулируется истребителями.

— Считаешь, именно наш зараженный будет руководить применением всего этого чудо-оружия? — кривовато усмехнулся Хирч.

— А кому еще этим заниматься? Он, судя по всему, уже имеет приличный опыт использования всей этой техники в бою, да и звание ему без проблем позволяет руководить подобной группой войск. Её явно под него и собирали.

— Соглашусь, — кивнул Хирч. — Почему по этому району так мало подробностей? Там что, не происходит ничего, заслуживающего внимания?

— Возможно противодействие противника, — предположил старший инженер. — Мы уже сталкивались с применением зараженными серьезных маскировочных полей на поверхности планеты. Возможно, наши дроны просто не пробивают их маскировку.

— Что-то я сомневаюсь, — задумался Хирч, — в Китае они применяли маскировочные поля только локально. А тут все-таки приличная территория… Вычислитель, оценить вероятность применения противником средств цифровой маскировки.

— Сорок процентов, но точность оценки невелика. Для получения более достоверной информации необходимо вывести два-три минидрона на позицию непосредственно над интересующим вас районом.

— Так выводи, — с легким раздражением в голосе ответил Хирч.

— Выполняю.

Маневр потребовал около получаса. Над советско-германским фронтом была ночь, но передовая продолжала озаряться вспышками — обе стороны вели беспокоящий огонь. В тылу изготовившихся к битве армий царила темнота, но активные

перемещения войск не прекращались. По мере выхода дронов на позицию карта пополнялась все новыми подробностями.

— Командир, мне не нравится вот эта колонна техники, — старший инженер увеличил изображение нужного участка местности.

Колонна находилась километрах в десяти от заинтересовавшего Хирча района и двигалась по направлению к нему.

— Что в ней не так?

— Очень серьезная охрана, но при этом не видно ничего особо ценного. Я посмотрел запись. Колонна вышла с аэродрома «Дубовицы», — инженер указал на карте соответствующую точку, — Четыре часа назад там приземлился тяжелый бомбардировщик, прибывший из Москвы. Подробности разгрузки дронам рассмотреть не удалось. Какие-то ящики, причем довольно объемные. Через час колонна выдвинулась с аэродрома. Интервалы между машинами соблюдаются четко, но в средней части колонны есть три разрыва, которые за все время движения ни разу не сокращались и не заполнялись другой техникой. В каждый разрыв, с учетом необходимых интервалов, как раз поместится грузовой автомобиль.

— Машины под маскировкой?

— Скорее всего, так и есть. Что-то важное они, похоже, везут нашему зараженному. Понять бы, что.

— Наши сканеры способны пробить это поле?

— Силами трех дронов, думаю, нет, даже если объединить их в сеть. Но колонне идти до цели еще минут тридцать. Водители никуда не торопятся — видимо, груз не любит тряски. Мы вполне успеваем усилить орбитальную группировку.

— Добавь еще двоих. Оголять весь фронт не стоит — кто их знает, этих диких…

— Принято.

Инженер оказался прав — колонна достигла района сосредоточения через полчаса и потом еще столько же двигалась внутри него, пока не вышла к аэродрому, где базировались четыре тяжелых бомбардировщика и около шестидесяти двухмоторных «Илов». Выглядел аэродром серьезно. Длинные взлетные полосы, усиленные перфорированными железными листами, три охранных периметра с колючей проволокой, пулеметными позициями, ДЗОТами и стоящими в окопах легкими танками.

К моменту прибытия колонны сканеры дронов все-таки частично вскрыли маскировочное поле, скрывавшее машины с секретным грузом. Рассмотреть детали пока не удавалось, но

сами автомобили уже были видны достаточно подробно. Обычные армейские ГАЗ-ААА с тентами.

Открылись ворота внутреннего периметра, пропуская грузовики внутрь. Охрана колонны осталась снаружи. Все это время инженер что-то менял в настройках дронов и, наконец, оторвался от виртуальной клавиатуры.

— Я объединил все пять дронов в сеть, — пояснил он свои действия. Сейчас они разошлись на пятьдесят-сто километров друг от друга и оптимизируют режим сканирования. Думаю, скоро мы сможем увидеть больше. Тем более, сейчас начнется разгрузка, и, возможно, качество маскировки снизится.

— Чего они ждут? — спросил Хирч, когда стало ясно, что водители остаются в кабинах машин, а к самим грузовикам никто не спешит приближаться.

— Сложно сказать, — пожал плечами Корф, — может… Стоп, а это еще кто?

К прибывшим машинам направлялся отряд из семнадцати человек, одетых в громоздкие защитные костюмы.

— Что это такое? — голос Хирча напрягся. — Это точно не химзащита, хотя противогазы видны. Старший инженер!

— Давайте еще немного подождем. Мне это тоже не нравится, но пока мало данных для выводов.

И вновь инженер оказался прав. Сразу после начала разгрузки в работе маскировочных полей противника появились небольшие сбои. Видимо, маскировка была установлена на грузовики, а не на сами контейнеры, и при их разгрузке перенос генераторов маскполя на новые объекты был сделан не вполне корректно.

Виртуальный экран перед старшим инженером расцвел россыпью огней. Вычислитель издал тревожный сигнал и в возникшее над виртуальной картой дополнительное окно посыпались информационные сообщения о результатах сканирования.

— Вот дерьмо! — в голосе зама по вооружению звучала досада, смешанная с едва заметной ноткой восхищения.

— Отставить, — рыкнул Хирч. — Старший инженер, доклад!

— На этих бойцах защитные противорадиационные костюмы, командир, — негромко ответил офицер. — То, что лежит в контейнерах, изрядно фонит. Сканерам удалось установить источник излучения. Это смесь радиоактивных изотопов, включая уран-235. На сто процентов утверждать не возьмусь, но есть серьезная вероятность, что перед нами первая советская атомная бомба.

— Но как они могли успеть? В начале сорок первого года им до этой бомбы было еще лет десять!

— Не стоит забывать о зараженном с Лунной базы, командир. Эти самолеты, крылатые ракеты, боеприпасы объемного взрыва… Их тоже не должно быть у Красной армии. Однако, вот они, стоят ровными рядами вдоль ВПП и лежат на складах многими сотнями штук.

— Это точно бомба? — Хирч в упор посмотрел на инженера.

— Не знаю, — лейтенант отвел взгляд, — но если использовать все девять дронов и опустить их почти к границе атмосферы, сканеры пробьют поле и тогда я смогу ответить на этот вопрос. Правда, есть некоторый риск…

— Делай! — жестко прервал офицера Хирч. — Я должен знать, что это такое. Если это действительно бомба, нужно заставить немцев уничтожить ее любой ценой. Пусть хоть всё своё люфтваффе на этом аэродроме положат, но сотрут его в порошок. Такая бомба у русских наверняка только одна. Быстро такие штуки не делаются, и, если ее уничтожить, у нас будет еще минимум полгода, а то и больше, а это много. Но я должен знать точно. Точно, лейтенант! Это ясно?!

— Выполняю! — пальцы инженера вновь заплясали по виртуальной клавиатуре, задавая дронам новые точки привязки на низкой орбите, — Мне потребуется минут сорок, командир. Дронам с южного и северного участков нужно время на смену позиции.

На русском аэродроме, тем временем, шла напряженная работа. Контейнеры были выгружены и вручную перемещены в один из крытых ангаров. Тонкая кровля и примитивные маскировочные сети не стали препятствием для излучения сканеров, и офицеры «Консула Прана» продолжили наблюдения. Открывать контейнеры бойцы в костюмах радиационной защиты не спешили. Они занялись другим делом. В дальней части ангара на транспортировочной тележке стояла крылатая ракета К-212. Ее аккуратно выкатили на середину и начали обстоятельно демонтировать головной обтекатель, под которым должна была скрываться боевая часть. Хирч совершенно не удивился, когда под снятым обтекателем обнаружилось пустое пространство — эта ракета, похоже, изначально предназначалась для особого заряда.

Один из техников склонился над головной частью ракеты и принялся что-то проверять электрическим тестером, подтягивать гаечными ключами и неспешно регулировать. Действия эти ни о чем не говорили Хирчу, а отвлекать инженера от совместной работы с оператором контроля пространства он не хотел.

— Что-то долго они там копаются, — не выдержал Корф.

— Ты бы тоже все проверял по десять раз, — не отрываясь от экрана ответил инженер. — Если эта штука не сработает, знаешь,

как им всем весело будет… Все, командир, готово. Еще пара минут на оптимизацию сети…

Вой сигнала тревоги взорвал относительную тишину командного отсека.

— Фиксирую высокую активность сканеров орбитальной группировки противника! — громко доложил синтетический голос вычислителя. — Обнаружен объект, скрытый маскировочным полем. Дистанция пятьдесят километров. Приближается. Сканирует пространство в активном режиме.

— Уводи дроны! Прикажи им рассредоточиться! — зарычал Хирч, сжимая кулаки.

— Поздно, командир, — качнул головой Корф. — Если это бот, а это точно он, дронам не уйти — не те у них движки.

— Наблюдаю старт крылатых ракет!

На земле в клубах огня и дыма с пусковых установок рванулись в небо две К-212. Смысл этого действия ускользал от Хирча, да и не до этих примитивных устройств ему сейчас было.

— Противник открыл огонь из плазменных пушек! — доложил вычислитель, и спустя пару секунд голограмма, висевшая в центре командного поста, подернулась рябью, стремительно утрачивая детали и покрываясь туманными пятнами — по мере гибели дронов обрывался и поток данных, формирующих виртуальную карту.

— Разведывательные мини-дроны потеряны, — бесстрастно констатировал вычислитель.

Голограмма мигнула и вновь налилась красками. Теперь изображение Земли офицеры эсминца видели «глазами» автоматического разведчика, но с расстояния двенадцати миллионов километров что-то рассмотреть было сложно. Тем не менее, две вспышки объемных взрывов, отразившихся на голограмме крошечными бледными пятнышками, они все-таки увидели.

— Зачем они запустили ракеты? — удивился Корф, — там для них и целей-то не было.

— Да какая теперь разница? — неожиданно спокойным голосом ответил Хирч, — что там хоть было-то, в этих контейнерах? Ради чего мы потеряли девять дронов? Сделали русские бомбу?

— Нет, командир, — вздохнул инженер, отрывая взгляд от экрана, — Пустышка это. Просто смесь радиоактивных материалов. Ну, может, слегка обогащенная ураном-235, но именно что слегка. Они потому и не торопились открывать контейнеры.

— У нас есть резервный комплект дронов во втором

автоматическом разведчике. Сколько нужно времени, чтобы их задействовать?

— Сами они до Земли будут годами ползти. Нужно их ближе к планете доставить, а это риск. Хотя… — инженер опять углубился в расчеты. — В общем, так. Если не подставляться, то месяца за три орбитальную группировку восстановить можно.

Глава 10

Берия внимательно посмотрел на закончившего доклад Судоплатова и с явным сомнением покачал головой.

— Павел Анатольевич, вам не кажется, что мы с вами стремительно теряем контроль над ситуацией?

— Ну, полного контроля у нас, к сожалению, и раньше не было…

— Это совсем другое, — в голосе Берии появились нотки раздражения. — Да, мы не имели достоверных сведений о природе и происхождении некоторых умений генерала Нагулина, но его действия были нам вполне понятны и объяснимы в рамках привычной нам логики. Теперь же ситуация изменилась, причем весьма существенно. Вся эта история с Мехлисом и Радиевым институтом наглядно показывает, что мы не знаем чего-то действительно важного.

— Лев Захарович искренне предан нашему делу…

— Да знаю я, — махнул рукой нарком, прерывая Судоплатова. — Речь не об этом. После Крыма и Плоешти Мехлис изменил свое отношение к Нагулину, и это мешает ему непредвзято оценить его действия. Но ведь там были и ваши люди, Павел Анатольевич! Они принимали в этой операции непосредственное участие. Почему полковник Лебедев не обратил внимания на явные нестыковки в действиях Нагулина?

— Возможно, он просто не обладает достаточными научными знаниями, чтобы выявить наличие этих нестыковок. При всех его достоинствах и заслугах, он все-таки диверсант, а не ученый.

— Ну, хорошо. Допустим, ему действительно не столь очевидно, что наличие радиоактивных веществ в контейнерах-приманках никак не может повлиять на их привлекательность для немецких разведчиков, у которых просто нет и быть не может аппаратуры, способной на расстоянии определить наличие или отсутствие урана в этих ящиках, но почему он не прислушался к словам товарищей из Радиевого института, которые изначально были против того, чтобы помещать в контейнеры настоящие изотопы.

— У Лебедева был приказ, — пожал плечами Судоплатов. — К тому же, организацией изъятия изотопов из Радиевого института занимался Мехлис, а Лебедев отвечал только за обеспечение безопасности.

— Защищаете подчиненного? Это, конечно, правильно. Однако и о долге забывать не нужно. Обо всех подобных странностях Лебедев должен был немедленно докладывать вам, а

вы — мне.

— Он и доложил. Только странностей он действительно не рассмотрел. Мало ли что могут говорить ученые? Я со всем уважением отношусь к товарищам Хлопину и Курчатову, но от наших дел они безмерно далеки…

— Вы сами-то понимаете, что эту операцию Нагулин, скорее всего, проводил не против немцев? Ну, или не только против них.

- Японцы? Но…

— Да какие Японцы! — Берия даже повысил голос, но быстро взял себя в руки. — Да, формально эта версия тоже имеет право на существование. Нагулин сам сказал Мехлису, что уже сталкивался с подобными средствами технической разведки во время операции в Китае, но это явная дезинформация.

— Дезинформация? — недоверчиво повторил Судоплатов. — Мы проверили эти слова Нагулина. Нет никаких оснований считать их неправдой. Утечки к противнику важнейших сведений о действиях авиаполка генерала Кудрявцева действительно имели место, причем, судя по скорости поступления информации в японские штабы, это была не работа агентуры, а что-то вроде авиаразведки. Из-за этих утечек Нагулин несколько раз чуть не погиб, что тоже подтверждено опросом свидетелей.

— Я не подвергаю сомнению наличие утечек. Дезинформация кроется в способе получения противником этих сведений. Павел Анатольевич, я тоже не ученый, но даже мне ясно, что технологический уровень японцев не позволяет им создать летательный аппарат и комплекс разведывательной аппаратуры с такими возможностями, иначе американцы и англичане уже давно проиграли бы эту войну. В подобные разработки немцев я бы еще мог поверить, да и то с большой натяжкой. Но они уж точно не стали бы передавать подобную технику своим восточным союзникам, даже не успев ее толком использовать у себя.

— Но ведь успехам японской и немецкой разведки должно быть какое-то рациональное объяснение.

— Оно есть. И его знает генерал Нагулин, но делиться им с нами он не торопится, вернее, он явно говорит нам не всё. Высотный малошумный и малозаметный летательный аппарат с очень мощной оптикой, оснащенный новейшей аппаратурой для ведения ночной разведки с воздуха — вот его объяснение. По его же словам это изделие явно штучное, совершенно точно еще не готовое к серийному производству. Опять же, исключительно по словам Нагулина, одна из наших крылатых ракет, оснащенная зенитным дистанционным взрывателем и системой радиоуправления, смогла поразить цель. Никаких доказательств

этой версии у нас нет — обломки воздушного разведчика найти так и не удалось.

Судоплатов молчал, обдумывая услышанное, и Берия продолжил:

— И главное, что не дает мне поверить словам Нагулина, это та легкость и быстрота, с которой ему удалось выманить разведывательный самолет противника, будем пока называть его так, в нужную ему точку под заранее подготовленный удар с земли. На что клюнули немцы? Или, может быть все же не немцы? На одну из сотен идущих к фронту колонн снабжения? Это абсурд! Нагулин заранее знал, какой именно груз обязательно привлечет внимание противника, и этот груз — изотопы урана. А это значит, что мы имеем дело с кем-то, способным с расстояния, как минимум, пятидесяти километров определять, что грузовой автомобиль перевозит радиоактивные вещества. Вы можете себе представить уровень развития техники, необходимый для чего-то подобного?!

— Не могу, — вынужденно согласился Судоплатов, — и мне очень интересно, способен ли на такое сам Нагулин.

— У меня нет ответа, — устало произнес нарком. — Чем дольше мы работаем с этим человеком, тем больше я убеждаюсь в том, что мы о нем почти ничего не знаем. Но вы, Павел Анатольевич, задали очень верный вопрос, и этот вопрос частично уже содержит в себе ответ. Неожиданный качественный скачок в эффективности работы немецкой и японской разведок можно попытаться объяснить техническим прорывом, но это будет гипотеза, притянутая за уши. У меня есть более простая, и, в то же время, очень неприятная версия: на стороне немцев и японцев действует кто-то, сопоставимый по своим возможностям с нашим «таежным жителем». И Нагулин это знает. Так что ловушку он строил не на абстрактный «высотный летательный аппарат», а на кого-то подобного себе.

— И, похоже, ловушка сработала, — кивнул Судоплатов.

— А вот этого мы знать не можем, обломков-то нет.

— Думаю, мы очень скоро всё сами увидим. Если у Нагулина получилось, качество работы немецкой разведки быстро вернется к уровню середины лета, ну а если нет…

— С этим не поспоришь, — согласился Берия, — вот только у меня так и нет ответов на два очень важных вопроса: с кем все-таки сцепился Нагулин, и что нам теперь делать с ним самим?

— Ирс, извини, что разбудила, — возник в моей голове голос Летры. — Ты просил немедленно сообщать обо всех значимых перемещениях генерала Рихтенгдена и полковника Шлимана.

Десять минут назад они оба вылетели на транспортном самолете с берлинского аэродрома Штаакен в направлении Киева.

— Старые знакомые снова замыслили недоброе? — я потянулся, и аккуратно встал с кровати, стараясь не разбудить Лену.

— Вполне возможно. Я сообщу тебе, когда и на какой аэродром сядет их самолет, если, конечно, у тебя есть желание позволить им добраться до места назначения.

— Предлагаешь задействовать бот?

— Это самое простое решение. Твое участие даже не понадобится. Мало ли по каким причинам падают и разбиваются транспортные самолеты. Эти двое за последние полтора года создали тебе столько проблем, что я бы воздержалась от идеи и дальше испытывать судьбу.

— С генералом Рихтенгденом я лично не знаком, но, судя по его действиям, это очень умный, прагматичный и целеустремленный немец, как, впрочем, и полковник Шлиман, с которым я уже даже дважды имел удовольствие плотно пообщаться.

— Вот именно поэтому…

— Подожди, — остановил я Летру, — эти двое имеют непосредственное отношение к убийству Гитлера, и я уверен, что они уже успели разочароваться в результатах переворота. Надежда на заключение сепаратного мира с британцами не оправдалась, а новый фюрер оставил у власти убежденных нацистов и продолжает политику Гитлера. Рихтенгден и Шлиман, конечно, тоже не ангелы, но это весьма трезвомыслящие люди, желающие достойного будущего для Германии. Думаю, они могут быть нам полезны.

— Они опасны.

— Опасны, — не стал я спорить, — но ситуация сильно изменилась. Если Германия продолжит идти прежним курсом, ее ждет скорое и неизбежное поражение, и я хочу, чтобы Шлиман и Рихтенгден это поняли, а нужные выводы они сделают уже сами.

— Хочешь, чтобы Геринг повторил судьбу Гитлера?

— Боюсь, одним Герингом тут обойтись не получится.

— Масштабно… — задумчиво произнесла Летра, — Так что делать с самолетом? Дать им спокойно долететь до места назначения?

— Ну, сбивать их точно не нужно, но и упускать такую интересную возможность тоже не стоит. Собирай наших. Мне нужны Лебедев, Щеглов, и Игнатов. Пусть снаряжаются как в короткий диверсионный рейд. Задачу я им поставлю уже на борту десантного бота.

— Полчаса назад пролетели Варшаву, — полковник Шлиман в очередной раз бросил взгляд в иллюминатор, пытаясь рассмотреть землю за легкой дымкой облаков. — Думаю, сейчас мы уже над бывшей Советской Украиной.

Словно, подтверждая его слова, откуда-то сверху-сзади спикировали два стремительных силуэта с крестами на крыльях — «Мессершмитты» взяли под охрану транспортный самолет с берлинскими гостями.

— Примерно через час будем на месте, — кивнул Рихтенгден, отстраненно наблюдая за маневрами истребителей. — Эрих, перед самым вылетом мне передали сообщение от адмирала Канариса. «Патриот» перестал выходить на связь. Уже двенадцать часов он молчит и не отвечает на наши вызовы. Это выглядит очень странно и тревожно. Русские вот-вот нанесут удар, а сведения о перемещениях их войск перестали поступать.

— Большие перерывы между сеансами связи бывали и раньше.

— Бывали, но только не в такие напряженные моменты. Вспомни операцию по разгрому Мальтийского конвоя англичан. Тогда «Патриот» вел передачу данных чуть ли не непрерывно в течение почти суток…

Резкий маневр «Юнкерса» заставил Рихтенгдена замолчать и вцепиться в подлокотники кресла.

— Герр, генерал, нас атакуют русские истребители! — раздался возглас пилота из динамика, установленного в переборке между кабиной и пассажирским отсеком.

Самолет резко пошел на снижение, постепенно набирая скорость.

— Их трое! Наше прикрытие ведет бой. Шайсе! Один наш сбит!

Шлиман придвинулся ближе к иллюминатору и успел заметить, как объятый пламенем истребитель врезался в поросший кустарником холм. Вверх взметнулся фонтан огня и клубы черного дыма.

— Не могу вызвать помощь! — в голосе пилота слышалась паника. — Эфир забит помехами!

Рихтенгден чувствовал полное бессилие что-либо изменить в сложившейся ситуации, стремительно скатывающейся в полную безнадежность. Чего-то подобного следовало ожидать. Зря они так рассчитывали на помощь «Патриота». Похоже, вернувшись на Восточный фронт, русский стрелок решил действовать быстро и бескомпромиссно, начав с устранения противников, уже успевших попортить ему немало крови.

— У нас больше нет прикрытия, герр генерал, — мрачно доложил пилот. — Русский за ходит нам в хвост. Держитесь!

Самолет резко накренился влево, одновременно проваливаясь вниз, к уже совсем близко мелькавшей под крыльями земле. Шлиман отчетливо видел, как в десятке метров справа пронеслась очередь трассирующих снарядов, потом еще одна.

Дверь кабины пилотов открылась, и в пассажирский отсек выглянул радист.

— Герр генерал, командир русских пилотов вызывает вас на связь! Именно вас, герр генерал. Он знает, что вы на борту.

— Похоже, друг мой, это еще не конец нашей истории, — Рихтенгден выразительно посмотрел на Шлимана и криво усмехнулся. — Передайте пилоту приказ прекратить маневры уклонения. Я уже иду.

Надев протянутые радистом Наушники, генерал опустился в кресло радиста и резко произнес в микрофон:

— Генерал-майор Рихтенгден на связи.

— День добрый, герр генерал, — голос в наушниках звучал спокойно и уверенно, а еще он был слышан очень четко, как будто связь шла не по радио, а по качественной проводной линии. — Здесь генерал-полковник Нагулин. Думаю, вы обо мне слышали, да и я о вас кое-что знаю. Нам пора встретиться очно. Уверен, мы найдем, о чем побеседовать.

— Хотите, чтобы я отдал приказ пилотам следовать за вами на ваш аэродром? Этого не будет.

— Даже не собирался вам такое предлагать, — в голосе собеседника Рихтенгдену послышалась легкая усмешка. — Примерно в тридцати километрах к северу есть очень удобная площадка посреди леса. Ее когда-то даже использовали, как аэродром для планеристов. Думаю, ваши летчики смогут посадить там самолет, а потом и взлететь.

— Вы предлагаете мне совершить посадку в нашем тылу? Зачем это вам?

— Нужно поговорить, герр генерал, я же уже объяснял. Убивать вас и полковника Шлимана я не собираюсь. По крайней мере, сейчас я не вижу в этом большого смысла. В качестве пленного вы мне тоже не особо интересны, а вот беседа у нас с вами может получиться взаимно полезной.

— Отказаться я, конечно же, не могу? — усмехнулся Рихтенгден.

— Можете, но альтернатива вам не понравится.

— Это я уже понял. Хорошо. Давайте координаты посадочной площадки.

— Мои пилоты вас проводят. Сразу после посадки выходите

из самолета. Вдвоем — вы и полковник Шлиман. Экипажу борт не покидать. Двигайтесь строго на юг через лес. Вас встретят. Обещаю, что попыток захватить вас в плен или убить не будет. Думаю, вы в курсе, что моему слову можно верить.

— Наслышан.

— Тогда до встречи, герр генерал.

Бот мы посадили в паре километров от поляны, на которую тяжело приземлился транспортный «Юнкерс». Площадка была вполне пригодной для посадки, но особого комфорта пилотам все же не обещала. Впрочем, немецкие летчики вполне справились со своей задачей.

— Идут, — шепнул мне в ухо голос Игнатова, транслированный Летрой. В руках оружия нет.

Я дал абверовцам углубиться в лес метров на пятьсот и вышел им навстречу. Справа и слева меня страховали Лебедев и Щеглов. На глаза немцам они не показывались. Особого смысла в этой предосторожности не было, но я считал полезным продемонстрировать своим людям, что не собираюсь скрывать от них то, о чем буду говорить с врагами.

— Герр генерал? — Рихтенгден остановился и с интересом посмотрел на меня.

— Здравствуйте, господа, — кивнул я и сделал еще несколько шагов навстречу немцам, — рад, что наша встреча все-таки состоялась.

— Не могу сказать, что разделяю вашу радость, — после секундной паузы ответил Рихтенгден, — но мы с полковником готовы вас выслушать.

«А куда бы вы делись?» — я усмехнулся про себя, но вслух сказал совершенно другое:

— Времени у нас немного, так что перейду сразу к делу. Мне известно, что с вашим начальством вышел на связь некий чрезвычайно информированный субъект, готовый делиться сведениями о перемещениях войск и других действиях противников Германии. Он серьезно помог вам в разгроме Мальтийского конвоя и до последнего времени исправно снабжал вермахт сведениями о подготовке Красной армии к сражению за Днепр. Надеюсь, вы не будете отрицать этот очевидный для нас троих факт?

— Допустим, — медленно кивнул Рихтенгден, и в его взгляде я уловил искру беспокойства.

— Вот только этот поток информации неожиданно прервался, — я обозначил на лице легкую улыбку. — Я не прошу вас подтвердить или опровергнуть мои слова. У нас не допрос, а

беседа, но мне бы хотелось, чтобы вы знали, что я в курсе возникшей у вас проблемы.

— Просто в курсе или являетесь ее причиной? — уточнил Шлиман.

— Думаю, вы сами знаете ответ. Впрочем, для нашей беседы это не столь важно, а важно то, что на бесплатные советы неизвестного доброжелателя Германия больше рассчитывать не может.

— Это только слова, — пожал плечами Рихтенгден.

— Несомненно, — не стал я спорить, — но очень скоро вы сможете убедиться в моей правоте. Поэтому не буду задерживаться на этом предмете. Скажите, господа, вы отдаете себе отчет в том, что Германия уже проиграла эту войну?

— Чуть больше года назад не так далеко от этих мест я задавал такой же вопрос вам, — усмехнулся Шлиман. — Тогда вы носили форму младшего лейтенанта, насколько я помню. Положение Красной армии на тот момент выглядело гораздо печальнее, чем то, что сейчас имеем мы. И даже тогда вы отказывались признать неминуемое поражение СССР. Чего же вы хотите от нас, герр генерал?

— Не более чем трезвого взгляда на вещи, — пожал я плечами. — Геринг ведет Германию в ту же пропасть, в которую тащил за собой немцев Гитлер. Вы убили одного сумасшедшего фанатика, на место которого сел другой, может и не сумасшедший, но тоже фанатик. Не сегодня, так завтра в войну на стороне СССР и Англии вступит США. И не забывайте, что помощи извне у вас больше нет. Скажите, господа, вы уверены, что хотите увидеть, что будет с вашей страной через год, если вы и дальше будете продолжать в том же духе?

— Это беспредметный разговор, господин Нагулин, — твердо ответил Рихтенгден. — Если это все, что вы хотели нам сказать, то нет никакого смысла его продолжать.

— Это не всё. Давайте начистоту. Я прекрасно знаю о том, какую роль вы оба сыграли в смерти Гитлера. И имя Хённинг фон Тресков мне тоже о многом говорит, как и фамилии других причастных к заговору лиц. Мне их назвать?

— Это лишнее. Продолжайте, герр генерал, мы вас внимательно слушаем.

— Повторюсь. Геринг ничем не лучше Гитлера. Смена главы Рейха могла послужить козырем в переговорах о заключении сепаратного мира с Британией, но сейчас это уже невозможно — Геринг сделал англичанам слишком больно, отправив на дно Мальтийский конвой. Верхушка Рейха не понимает, что в этой борьбе нет шанса на победу. Единственный путь к спасению для

Германии лежит через смену правящей элиты. Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Кейтель и даже Канарис и Гальдер должны сойти со сцены и уступить место новым людям, способным остановить войну и заключить мир с СССР и Британией на приемлемых для немцев условиях. Единственная альтернатива этому — безоговорочная капитуляция Германии через год-полтора, а может и раньше. Почему я говорю об этом с вами? Да потому, что неплохо вас знаю. Вы уже доказали, что способны на решительные действия, и я не сомневаюсь, что задача спасения вашей страны от краха и унизительного поражения вам по силам.

— А вам это зачем, господин Нагулин? — задумчиво произнес Рихтенгден, — Если вы так уверены, что за год-полтора сокрушите Германию, то для СССР куда выгоднее закончить войну полной победой, захватив всю Европу. Какой смысл о чем-то договариваться с нами и в итоге получить заведомо менее привлекательный результат.

— Не забывайте о цене такой победы, господа. В этой мясорубке погибнут еще миллионы моих и ваших сограждан.

— Не сомневайтесь, так и будет. И это еще очень скромная оценка, — неожиданно согласился со мной генерал.

— Атомная бомба? — я усмехнулся, с интересом рассматривая резко напрягшихся немцев. — Вы не успеете. И американцы тоже не успеют.

— А вы?

— А мы не станем использовать это оружие, даже если окажемся первыми. По крайней мере, против других земных государств.

— Вы так уверенно говорите от имени руководства СССР?

— Я говорю от своего имени. И все, что я вам сегодня сказал тоже исходит только от меня. О нашей встрече никто в руководстве Советского Союза не знает. Если вы согласитесь на мое предложение, я помогу вам освободить Германию от тех, кто ведет ее к гибели. В принципе, я могу сделать это и без вас, но тогда к власти в вашей стране придут совершенно непредсказуемые люди, и есть шанс, что станет только хуже.

— Кто вы, господин Нагулин? — негромко спросил Шлиман, пристально глядя мне в глаза, — Тот информированный доброжелатель, о котором вы говорили… Мы называем его «Патриотом». Вы ведь такой же, как он, не так ли?

— И да, и нет, — на этом этапе говорить неправду я счел неправильной тактикой. — У нас много общего, но при этом совершенно разные цели.

— И в чем различие?

— Это прозвучит пафосно, но коротко по-другому не

скажешь. Я хочу прекратить войну с минимальными потерями для всех сторон, а ваш «Патриот» стремится, чтобы она продолжалась, причем, в идеале, до гибели последнего человека.

Абверовцы, не сговариваясь, выразительно посмотрели друг на друга. Что-то они на эту тему явно уже знали, и это что-то вызывало у меня неподдельный интерес.

— Вы сказали «стремится», а не «стремился», — твердо произнес полковник Шлиман, — а это значит, что «Патриот» выведен из игры лишь на какое-то время. Вы одержали победу в сражении, но не в войне.

— Так и есть.

— И кто окажется сильнее, когда он вернется?

— Я не знаю. Это зависит не только от меня. Если мировая война будет продолжаться, его шансы резко возрастут. Думаю, я сказал достаточно и теперь хочу услышать ваш ответ.

— Последний вопрос, герр Нагулин, — вновь взял слово Рихтенгден, — что будет с Германией, если ваш план удастся?

— Версаль не повторится, это я могу гарантировать.

— Что ж, будем считать, что вы меня убедили. Эрих, слово за тобой.

— Все сходится, правда Генрих? — печально усмехнулся Шлиман, — подсказки по «Урановому проекту», помощь проигрывающей стороне… Герр Нагулин, а вы уверены в том, что в состоянии победить «Патриота»? Вернее, не так. В этом противостоянии у нас вообще есть шансы? Я и так готов дать свое согласие, но, может быть, вы все же продемонстрируете нам что-то, что подкрепит нашу уверенность в правильности сделанного выбора?

Вопрос полковника заставил меня задуматься, но, в конце концов, я решил, что лишний жест доброй воли пойдет только на пользу делу.

— Идемте, господа. Думаю, вам будет интересно на это взглянуть.

Мы вышли на небольшую лесную поляну. Немцы остановились, с интересом глядя на открывшуюся картину. Впереди, метрах в пятидесяти, воздух слегка подрагивал и колебался, как будто мы сейчас находились в знойной пустыне.

— Летра, сними маскировку секунд на пять.

Вид десантного бота, неподвижно и совершенно бесшумно зависшего в двух метрах над землей, произвел на абверовцев шокирующее впечатление. Я их отлично понимал. Хищные очертания боевой машины, пришедшей из далекого будущего, завораживали и притягивали взгляд. Спустя несколько секунд маскировочное поле вновь включилось, и бот растаял в воздухе. Я

видел, что у немцев есть еще море вопросов, но сегодня я больше не собирался на них отвечать. Впрочем, они были совсем не дураками и поняли это сами.

— Благодарю вас, герр Нагулин, — слегка кивнул мне Шлиман. — Это было очень познавательно, но время не ждет, а нам, я полагаю, еще нужно договориться о способах связи…

План Киевской наступательной операции был уже утвержден Ставкой, и изменить в нем что-либо не имелось никакой возможности. Сталин устал ждать и считал, что каждый потерянный день играет на руку врагу, спешно укрепляющему оборону по западному берегу Днепра. Во многом верховный главнокомандующий был прав, но, на мой взгляд, после уничтожения орбитальной группировки мятежников стоило изменить план, фактически засвеченный перед немцами. Я попытался было заикнуться об этом Жукову, но маршал только отрицательно покачал головой.

— Бесполезно, — категорично заявил он в ответ на мое предложение. — Что-то менять уже поздно, да и незачем. До Днепра мы дойдем без особых проблем. Немцы основную ставку делают на «Восточный вал», а левый берег Днепра рассматривают только как предполье, где можно немного задержать наши ударные группировки, выбить часть танков и в какой-то мере потрепать войска, которым предстоит форсировать реку, ну а дальнейшие наши планы, включая точные места переправ, немцам известны быть не могут. У вас, генерал-полковник, есть конкретная задача и при всем уважении к вашим заслугам, я настоятельно рекомендую вам сосредоточиться именно на ее решении.

Намек был предельно прозрачен, и пытаться дальше влезать в большую стратегию я не стал. Что ж, своих задач у меня действительно хватало. Красная армия образца второй половины сорок второго года представляла собой далеко не идеальную военную машину. Несмотря на весьма значительное количество танков и артиллерии, с подвижными соединениями дело обстояло не лучшим образом. Идущая пешком пехота и буксируемая тихоходными сельскохозяйственными тракторами артиллерия никакими героическими усилиями не могла успевать за танками, а значит, глубокие фланговые охваты с целью окружения противника становились почти невыполнимой задачей. Транспортные корабли с грузовиками, тягачами и бронетранспортерами, столь необходимыми для создания крупных механизированных соединений, еще только стояли под погрузкой в портах восточного побережья Соединенных Штатов, и

их прибытие в Советский Союз ожидалось в лучшем случае через полтора месяца.

Тем не менее, Москва ставила Первому украинскому фронту генерала Ватутина задачу выйти к Днепру, прорвать «Восточный вал» на его западном берегу, захватить плацдармы южнее и севернее Киева, переправить на них танковые корпуса и ударами по сходящимся направлениям окружить крупные силы вермахта, пытавшиеся оборонять столицу Советской Украины. Сталин хорошо помнил Киевский котел сорок первого, и явно собирался устроить немцам нечто подобное, но уже в другую сторону. Что интересно, командование вермахта имело похожие планы, вот только немцы собирались действовать от обороны — сохранить удобные плацдармы на восточном берегу Днепра, заставить Красную армию понести большие потери при попытках штурма «Восточного вала», после чего перейти в контрнаступление и, опять же, повторить Киевский котел сорок первого года.

Оба этих плана выглядели чересчур амбициозными и во многом не учитывали сложившихся реалий, но если измышления немецких стратегов интересовали меня не слишком сильно, то в попытке воплощения в жизнь грандиозных замыслов Ставки мне предстояло лично принять участие. Впрочем, я и сам предпочел бы не физически уничтожать немецких солдат, а брать их в плен, так что наши с товарищем Сталиным желания в этом вопросе совпадали.

Больше всего в планах Жукова и Ватутина меня беспокоило их желание захватить на правом берегу Днепра сразу пять-шесть плацдармов. В основе этих планов лежали серьезные опасения Ставки по поводу способности советской авиации надежно прикрыть переправы. Если сосредоточить все переправочные средства в одном или двух местах, то наведенные понтонные мосты неизбежно подвергнутся массированным атакам немецких бомбардировщиков. Историю с немецким километровым мостом через Днепр, в одну ночь разрушенным гаубицами подполковника Цайтиуни, все помнили очень хорошо, и ставить всё на одну карту никто не хотел. Но вот тут у меня все-таки нашлись сильные аргументы. В какой-то степени пришлось, конечно, идти ва-банк, но это того стоило.

— Георгий Константинович, если фронт товарища Ватутина начнет форсировать Днепр сразу на шести участках, я не смогу оказать ему столь же мощную поддержку, как в случае всего двух плацдармов — одного южнее и одного севернее Киева. Кроме того, переправочных средств для строительства сразу нескольких мостов у нас не хватит. Танки придется переправлять на понтонах вплавь, а это долго и чревато большими потерями.

— То есть вы, Петр Иванович, считаете, что будет лучше, если немецкие пикирующие бомбардировщики разнесут наши понтонные мосты еще на стадии их строительства, и переправлять танки нам будет просто не на чем?

— Если таких мостов будет только два, я могу гарантировать, что бомбардировщики противника к ним не прорвутся.

— Вы так в этом уверены?

— С учетом специфики задачи мне потребуется серьезное усиление зенитными средствами, а в остальном сил моей армии вполне достаточно не только для плотного прикрытия двух переправ, но и для пресечения попыток противника сбросить нас с плацдармов обратно в Днепр. Вспомните «химический» налет на Ленинград, товарищ маршал. А ведь тогда немецким бомбардировщикам противостояли только зенитчики и пушки линкоров. Сейчас же их на подступах к переправам будут встречать турбореактивные машины моего авиакорпуса.

Жуков задумался. Идея поставить успех операции в зависимость от единственной переправы на каждом из флангов наступления ему, похоже, сильно не нравилась. Неожиданно мне на помощь пришел Ватутин.

— Георгий Константинович, на мой взгляд, это может сработать. У товарища Нагулина есть серьезный опыт оборонительных сражений против люфтваффе, причем опыт успешный. Немецкий воздушный мост в Московский котел, уже упомянутый «химический» налет на Ленинград, отражение массированного удара воздушного флота Рихтгофена по кораблям Черноморской эскадры…

— Хорошо, генерал-полковник, — Жуков, как всегда, колебался не долго, — какое зенитное усиление вам необходимо?

— В Ленинграде и в Крыму наладить взаимодействие с зенитчиками мне помогал генерал Зашихин. Сейчас, насколько я знаю, он командует Ленинградской армией ПВО. Четырех зенитных полков под его общим командованием, я думаю, будет вполне достаточно для создания двух позиционных районов ближней обороны переправ.

Легкий мороз сковал землю, и проходимость местности резко улучшилась. Такая погода обещала продержаться примерно неделю. Условия благоприятствовали началу наступления, и Жуков решил, что ждать больше нечего.

Немецкие пехотные дивизии, уже больше месяца удерживавшие промежуточный рубеж в пятидесяти километрах от Днепра, оказались не готовы отразить обрушившийся на них удар, да и не предназначались они командованием вермахта для

долгого сопротивления на этой линии.

Южнее и севернее Киева, на главных направлениях советского наступления, противник почти сразу начал отход. К некоторому разочарованию Ватутина превратить организованное отступление немецкой пехоты в беспорядочное бегство никак не получалось. Немцы заранее готовились к постепенному оставлению предполья и планомерно отходили на заблаговременно подготовленные позиции, хорошо вписанные в рельеф местности и удобные для обороны.

Дополнительной проблемой стали гранатометы, появившиеся у немецкой пехоты пару месяцев назад. Прекрасно понимая, что взламывать оборону пехотных дивизий советские войска будут с помощью концентрированных танковых ударов, немцы постарались максимально насытить передовые части противотанковыми средствами.

«Панцерфауст» сильно уступал советскому аналогу по прицельной дальности, но все равно создавал танкистам Красной армии массу проблем. С самого начала наступления передовые танковые корпуса начали нести серьезные потери, и Ватутин был вынужден изменить тактику. Немецкие позиции обрабатывались артиллерией и авиацией с постепенным переносом огня вглубь обороны противника, и лишь под прикрытием огневого вала в атаку шли танки и следовавшая за ними пехота.

Люфтваффе тоже не осталось в стороне от сражения, и над восточным берегом Днепра развернулись ожесточенные воздушные бои, а наступающие советские части постоянно подвергались ударам с воздуха. В результате скорость продвижения резко замедлилась, и фактическое развитие наступления сразу стало отставать от запланированного графика.

Тем не менее, Жуков категорически запретил моей армии вступать в бой на этом этапе сражения.

— Генерал-полковник, — жестко бросил он в трубку, когда я попытался предложить Ватутину помощь, — здесь мы разберемся сами. Ваша армия нужна мне на Днепре во время форсирования, чтобы ни одна сволочь… Вы хорошо меня слышите? Чтобы ни одна сволочь не смогла сбросить бомбы или накрыть тяжелой артиллерией переправляющиеся войска и понтонные мосты, по которым пойдут наши танки. Вы меня поняли?!

— Так точно, товарищ маршал! — по-уставному ответил я, прекрасно понимая, что спорить бесполезно, да и не нужно. В данном случае Жуков был совершенно прав.

Больших потерь в танках удалось избежать, но отчасти немцы своего добились — к Днепру армии Ватутина вышли только через четверо суток и уже не столь свежими, какими они были в начале

наступления, да и снарядов советские артиллеристы расстреляли в разы больше, чем было запланировано потратить на первом этапе сражения.

Немедленно встал вопрос о форсировании водной преграды. Семьсот метров очень холодной воды — весьма серьезное препятствие, особенно если с более крутого западного берега вся река насквозь простреливается артиллерией и минометами, а над головами вышедших к Днепру войск регулярно зависают пикирующие бомбардировщики противника.

И на севере, и на юге от столицы Советской Украины ударные группы вышли к реке в полосе около двадцати километров. «Восточный вал», построенный немцами на западном берегу, конечно же, не был линией Мажино, но к его созданию военные инженеры Рейха подошли достаточно основательно. И все же основу немецкой обороны составляли древесно-земляные укрепления, изредка разбавленные капитальными бетонными ДОТами.

— На связи товарищ маршал! — доложил дежурный офицер, и я принял из его рук телефонную трубку.

— Нагулин у аппарата.

— Твой выход, генерал-полковник. Форсировать Днепр будем этой ночью в свете прожекторов. К вечеру как раз подтянутся понтонные части. Мне нужно, чтобы замолчали немецкие тяжелые гаубицы, и чтобы утром высадившиеся войска не сравняли с землей пикировщики. Задача ясна?

— А немецкие укрепления на западном берегу?

— У Ватутина достаточно артиллерии. Днем его артполки пристреляют цели, а перед началом переправы отработают по ним тремя боекомплектами.

— Товарищ маршал, разрешите внести предложение.

Пару секунд в трубка хранила молчание, но потом Жуков неохотно бросил:

— Слушаю.

— Не нужно ночью. К такому варианту немцы наверняка готовы. В темноте на воде цели отлично видны в свете «люстр». Наши прожектора немцы быстро выбьют — у них там все давно пристреляно, а дальше их пулеметчики и артиллеристы будут расстреливать наши плавсредства, как в тире. Понесем неоправданные потери, и не факт, что сможем высадиться на правый берег.

— А днем ко всему этому прибавятся еще и налеты «лаптежников», — резко возразил Жуков, — Считаете, это поможет нам форсировать реку?

— Не будет там немецких бомбардировщиков. И

истребителей тоже не будет. Товарищ маршал, у меня здесь две с половиной сотни турбореактивных «Илов». Если завтра использовать их на южном участке форсирования, а послезавтра — на северном, мы получим подавляющее господство в воздухе над районами высадки. А ночь — лучшее время для удара по позициям немецкой артиллерии. Если вы одобрите этот план, я обещаю, что к завтрашнему утру по переправляющимся войскам ни одна немецкая тяжелая гаубица выстрелить не сможет. Ну, и прямо перед началом форсирования, «Илы» обработают береговые укрепления немцев бомбами объемного взрыва, а если что-то там все же уцелеет, к середине дня ближе к реке подтянутся гаубицы генерал-майора Цайтиуни и добьют остатки сопротивления.

— Предлагаете сдвинуть на сутки форсирование Днепра на северном участке? — Жуков все еще сомневался, но чувствовалось, что сходу отвергать мое предложение он не собирается, — Мы и так отстаем от плана. Товарищ Сталин не слишком доволен нашими успехами. С другой стороны, что-то подобное вы уже применяли при переправе через Волхов в операции по прорыву блокады Ленинграда. Тогда это привело к успеху, правда в масштабах корпуса, а не целого фронта.

— Тогда у меня и силы были совсем другие, товарищ маршал. А сейчас я могу не только обеспечить подавление обороны немцев на правом берегу и прикрытие переправ, но и нанести ракетные удары по корпусным и армейским штабам противника. Дезорганизация управления никогда не шла на пользу обороняющимся.

— Говорил же я Шапошникову, что вас надо было раньше выдергивать из Китая и привлекать к планированию операции, — спустя несколько секунд ответил Жуков, в голосе которого звучала неприкрытая досада. — А теперь из-за неверного учета особенностей боевого применения нового оружия придется все менять на ходу, и непонятно еще, что Верховный на это скажет. Готовьте авиакорпус к ночному вылету, генерал-полковник. Пока будем работать по вашему варианту, если, конечно, нам Ставка по рукам не даст.

— Русские вышли к Днепру только на двух участках, — констатировал Манштейн, глядя на висящую на стене карту, — хотя предполагалось, что они попытаются захватить сразу несколько плацдармов выше и ниже Киева. Впрочем, некоторые из присутствующих здесь офицеров высказывали сомнения по поводу обоснованности такого предположения, считая, что красные предпочтут концентрацию усилий всего на двух направлениях. Как ни странно, правы оказались сотрудники

Абвера, чья специализация — разведка, а не стратегическое планирование. И это при том, что еще совсем недавно по их же данным русские войска собирались переправляться в пяти-шести разных точках. Почему они вдруг изменили свое мнение?

Манштейн остановил взгляд на генерале Рихтенгдене и полковнике Шлимане.

— Герр генерал-оберст, к сожалению, перед самым началом русского наступления Абвер лишился очень важного источника информации, позволявшего нам предоставлять вермахту столь точные сведения о перемещениях русских войск. Надеюсь, это лишь временная неудача, но в данный момент мы располагаем гораздо более скудной информацией о противнике, чем еще несколько дней назад. Высока вероятность, что русские знали о нашей осведомленности об их намерениях. На их месте я бы тоже не стал действовать по старому плану, зная, что он известен противнику. Исходя из этого, решение русского командования выглядит достаточно логичным.

— Что ж, возможно, — не стал спорить Манштейн, но было видно, что Рихтенгден его не убедил. — И все же с тактической точки зрения это очень рискованный ход. Теперь мы точно знаем, где они собираются форсировать Днепр, и можем сосредоточить здесь основные усилия люфтваффе и тяжелой артиллерии, а в случае захвата русскими плацдармов у нас остается возможность сбросить их в Днепр встречными танковыми ударами, опять же, собрав в кулак все наши силы. Сколько пехоты они смогут высадить на наш берег под сосредоточенным огнем гаубиц и ударами пикирующих бомбардировщиков? И я уже молчу об укреплениях «Восточного вала», которые просто не дадут им пересечь реку. Честно говоря, я не понимаю, на что русские рассчитывают.

Рихтенгден с ответом не торопился. Встреча с генералом Нагулиным очень многое изменила в его отношении к ситуации. Генерал был уверен, что Киев вермахту не отстоять, но способов объяснить это Манштейну он не видел. После поражения в Крыму генерал-оберст жаждал реванша. Примерно такие же настроения владели Эрвином Роммелем, желавшим поквитаться с красными за Московский котел. С другой стороны, зная, что в ближайшее время должно произойти с властной верхушкой Германии, Рихтенгден понимал, что пора зарабатывать авторитет не только в своем ведомстве, но и среди руководства вермахта, иначе продвинуться на потенциально вакантные места будет довольно сложно.

— Герр генерал-оберст, — наконец произнес Рихтенгден, тщательно подбирая слова, — я думаю, что все не так очевидно.

Абвер получает сведения с разных театров военных действий, и то, что совсем недавно происходило в Китае заставляет меня испытывать серьезное беспокойство по поводу наших перспектив здесь. Я понимаю, что вам не очень приятны воспоминания, связанные с боями в Крыму, но вынужден напомнить вам о том, кто тогда был вашим противником.

— Я помню, — по лицу Манштейна пробежала тень, — но с тех пор, насколько мне известно, генерал Нагулин на Восточном фронте не появлялся.

— Он был сначала в США, а потом в Китае. Теперь же есть все основания полагать, что Нагулин вернулся в СССР. Как вы думаете, герр генерал-оберст, куда Сталин направит такого человека в первую очередь?

— Противостоящими нам русскими войсками командует генерал Ватутин. Также в подготовке наступления принимал участие маршал Жуков. Это известно из захваченных фронтовой разведкой документов и допросов пленных, — возразил Манштейн.

— У меня нет точных сведений о том, где находится генерал Нагулин, но, исходя из всего предыдущего опыта, я могу предположить, что он сейчас где-то очень недалеко отсюда, а там, где появляется этот человек, всегда оказывается и новейшее оружие красных. Вермахт уже сталкивался с их ракетами и объемно-детонирующими бомбами, а моряки кригсмарине у острова Медвежий на свое несчастье познакомились и с их новыми истребителями-бомбардировщиками, ближайшим аналогом которых является турбореактивный «Мессершмитт-262», еще толком не освоенный нашей авиапромышленностью. Правда, к сожалению, по всем характеристикам он еще очень далек от русских «Ил-8р». Если все это всплывет под Киевом в сколько-нибудь значительных количествах, боюсь думать нам придется не о сбрасывании русских в Днепр, а о том, как избежать катастрофы, подобной Московскому котлу.

— Я бы рекомендовал вам, генерал, быть осторожнее в выражениях, — Манштейн, похоже, начинал медленно закипать, — В условиях войны ваши слова в лучшем случае можно назвать пораженческими настроениями, а в худшем…

— Прошу прощения, герр генерал-оберст, но я просто выполняю свой долг. Мои слова являются результатом тщательного анализа, проведенного мной совместно с полковником Шлиманом, а наши выводы сделаны на основе всей доступной Абверу информации. Герр оберст! — Рихтенгден протянул руку и Шлиман вложил в нее довольно толстый конверт. — В этом пакете находятся наши аналитические

выкладки. Документы подписаны мной и полковником Шлиманом. Аналогичный пакет отправлен мной адмиралу Канарису, и еще одна копия передана напрямую в Генштаб сухопутных сил.

— Вы совершили большую ошибку, генерал, — криво усмехнулся Манштейн, принимая пакет, — Эти документы с вашей подписью — жирный крест на вашей карьере и хорошо если не на вашей свободе. Однако, не мне учить вас жить. Вы свободны. Дальше совещание штаба продолжится без вашего участия.

Манштейн и Роммель Рихтенгдену не поверили, чего и следовало ожидать, зато их с Шлиманом точка зрения получила огласку в нужных кругах. Обоих абверовцев по возвращении в Берлин ждало много неприятных минут, но это был тот самый случай, когда дело того стоило.

Ночную бомбардировку позиций немецкой тяжелой артиллерии я назначил на предрассветные часы. Давать противнику время на принятие мер к восстановлению боеспособности пострадавших частей я не собирался. Как и в Крыму, немецкие артиллеристы рассредоточили орудия на значительной территории, но они не учли, что количество имеет неприятное свойство переходить в качество. В Крыму у меня было шестьдесят Пе-2 и ограниченный запас бомб объемного взрыва, а этой ночью в воздух поднялись две сотни «Ил-8р» с приказом бомбы обратно на аэродром не привозить. За час до восхода солнца «Илы» вернулись на аэродром, чтобы загрузиться новой порцией бомб.

Когда небо над Днепром только-только начало светлеть, над изготовившимися к форсированию реки советскими дивизиями с востока на запад на большой высоте прошли двухмоторные самолеты с незнакомыми красноармейцам силуэтами, и через пару минут крутой правый берег реки превратился в огненный ад.

Одновременно с бомбовым ударом в воздух взлетели красные ракеты, послужившие приказом к началу операции. Под оглушительный грохот взрывов, выжигавших немецкие укрепления «Восточного вала», бойцы бегом тащили к реке понтоны и лодки, катили противотанковые пушки и несли станковые пулеметы. Еще погруженный во тьму берег наполнился тысячами людей, быстро грузившимися на разнообразные плавсредства и отчаливавшими от берега. По ним никто не стрелял, зато из-за их спин по правому берегу реки открыли огонь «Катюши» и приданные дивизиям отдельные артполки.

Часть самолетов, наносивших удары по укреплениям

«Восточного вала» развернулась и ушла на восток, но около сотни «Илов» продолжали контролировать небо над переправляющимися войсками. Минут через десять появились первые признаки сопротивления. В воде среди густо покрывших реку понтонов и лодок стали рваться снаряды и мины. С правого берега ударило несколько пулеметов. Красноармейцы ответили огнем, но длилась эта перестрелка совсем недолго. Как выяснилось, висевшие в небе «Илы» израсходовали не весь боезапас, и новые взрывы с убийственной точностью накрыли уцелевшие при предыдущем ударе очаги сопротивления.

Через пятнадцать минут в небе на северо-западе появились пикирующие бомбардировщики Ю-87, щедро прикрытые «Мессершмиттами». Их можно было перехватить и раньше, но я решил, что воздушный бой над Днепром, на глазах у форсирующих реку красноармейцев, послужит для людей неплохим моральным стимулом.

В первой фазе боя численного преимущества «Илы» не имели, но полуторное превосходство в скорости и многократное преимущество в мощи бортового оружия не оставляли немцам шансов. Впрочем, как оказалось, немец пошел уже совсем не тот, что гордо ломился через границы СССР летом сорок первого. «Мессершмитты», пожалуй, даже немного превосходили японские «Зеро» и «Соколы», но вот боевой дух самураев был гораздо выше. Над Китаем японские пилоты демонстрировали готовность сражаться до конца, даже если противник намного быстрее и лучше вооружен, а вот немцы вели себя совершенно иначе.

Потеряв десяток самолетов в первые же секунды боя, «лаптежники» стали сбрасывать бомбы куда придется в надежде облегчить свои машины и убраться подальше с места так неудачно начавшегося сражения, пока их камрады на «Мессершмиттах» приковывают к себе внимание невиданных ранее русских тяжелых истребителей. Однако, камрады и сами испытывали жесточайший разрыв шаблона, столкнувшись с противником, намного превосходившим их по всем параметрам.

Преследовать разлетающихся по всем направлениям немцев «Илы» не стали. У них имелся четкий приказ — держать переправу, и пилоты его выполняли. Минут через двадцать расстрелявшие часть боезапаса машины ушли на аэродром, и их сменила новая сотня илов. Периодически в ближнем немецком тылу начиналось какое-то шевеление, и тогда я направлял пару-тройку самолетов разобраться с назревающей проблемой.

Лодки и понтоны, достигшие западного берега Днепра, быстро разгружались и немедленно перегонялись обратно, а от восточного берега уже начинал расти понтонный мост. Впрочем,

дожидаться его постройки генерал Ватутин не собирался. С выехавших прямо на пляж трехосных грузовиков сгружались тяжелые понтоны, способные выдержать вес средних танков. Переправа набирала силу, и теперь я мог позволить себе перейти к следующей части плана.

Сняв трубку телефона, я приказал соединить меня с дивизией Цайтиуни.

— Выдвигайтесь, генерал-майор. Ваша позиция в двух километрах от берега. Знаю, что для вас это почти что на передовой, но, помнится мне, мы с вами такие номера уже исполняли.

— Лучше не напоминайте, товарищ генерал-полковник, — притворно вздохнул Цайтиуни, — Есть выдвинуться на рубеж в двух километрах от Днепра. Цели будут на западном берегу или по флангам?

— На западном берегу. Будете работать по тем, кто полезет ликвидировать наш плацдарм. За фланги можете не переживать. Вас прикроют танковые бригады, а серьезной артиллерии у немцев на нашем берегу нет. Перед вами, по обе стороны переправы, встанут зенитчики, так что за воздух тоже можете не беспокоиться — генерал Зашихин свои звезды в петлицах не зря носит, да и «Илы» вас, если что, прикроют.

— Добро. Год назад бы нам такие условия… Разрешите выполнять!

Буквально через минуту меня вызвал на связь Жуков.

— Генерал-полковник, вижу, с прикрытием переправы вы справляетесь, но авиаразведка докладывает, что зашевелились немецкие танковые резервы. Где обещанный вами удар по немецким узлам управления войсками?

— Ракетчики заканчивают подготовку, товарищ маршал. В течение часа проведем доразведку целей и приступим к их уничтожению.

— Долго копаетесь!

— Ускорим.

— Только не в ущерб результату.

— Есть не в ущерб, — четко ответил я и решил, что пришло время задать главный вопрос, — Товарищ маршал, разрешите использовать новые дальние бомбардировщики для нанесения удара крылатыми ракетами по стратегическим штабам противника?

— Вам что, генерал-полковник, дополнительное разрешение требуется? Я же только что сам вас о сроках спрашивал.

— Там речь шла о пусках ракет с земли на дальность до пятисот километров, товарищ маршал, то есть на оперативную

глубину. А я прошу вашего разрешения на нанесение удара по немецким штабам в Берлине.

Глава 11

— Господин президент, это письмо от генерала Нагулина, — Гопкинс протянул Рузвельту небольшой конверт. — Адресовано вам лично. Он передал его нашему представителю при штабе Чан Кайши перед отлетом в Москву.

— Письмо точно не вскрывали?

— Наши специалисты не обнаружили никаких признаков подобных попыток.

Рузвельт медленно кивнул и аккуратно вскрыл конверт специальным ножом с резной ручкой из слоновой кости. На сложенном вчетверо листе бумаги было не так много текста, но президент перечитал его дважды, прежде чем поднял глаза на своего советника.

«Уважаемый господин президент,

Несмотря на определенные успехи, достигнутые в Китае, я с сожалением вынужден констатировать, что на пути к нашей общей победе возникло очень серьезное препятствие, а точнее, активно действующий фактор, доверять информацию о котором бумаге я не готов. Скажу лишь, что неудача вооруженных сил США на Гуадалканале и разгром британского конвоя, направлявшегося на Мальту, являются прямыми следствиями действий этого фактора. Я провел необходимую работу для выяснения природы выступившей против нас силы и убежден, что противостоять ей мы сможем лишь объединив усилия наших стран. На данный момент я владею всей полнотой информации по возникшей проблеме, однако в силу ряда обстоятельств я считаю возможным передать эти сведения Вам и товарищу Сталину только одновременно, при нашей общей встрече, поскольку данная информация является жизненно важной для обоих наших государств и всего мира в целом. Мой статус и служебное положение не позволяют мне организовать встречу на высшем уровне между руководителями Соединенных Штатов, Советского союза и, возможно, если Вы сочтете нужным, Великобритании и Китая. Поэтому я вынужден обратиться к Вам с просьбой выступить инициатором такой встречи и предусмотреть в ее протоколе мой аналитический доклад главам государств. Отдельно хочу обратить Ваше внимание на то, что возникшие негативные обстоятельства требуют от нас максимально быстрых действий, в силу чего прошу Вас отнестись к моей просьбе с пониманием и принять меры к скорейшей организации указанной встречи.

Искренне ваш,

Генерал-полковник Нагулин»

— Ознакомьтесь, Гарри, — президент протянул письмо Гопкинсу. — Как я понимаю, произошло что-то по-настоящему нехорошее, если мистер Нагулин пошел на такой шаг.

— Вы были совершенно правы, господин президент, считая, что Нагулин ведет свою игру, — задумчиво произнес Гопкинс, прочитав письмо.

— Думаю, для вас это тоже было очевидно, Гарри, — улыбнулся в ответ Рузвельт.

— Не стану этого отрицать, но, честно говоря, я не думал, что он может зайти так далеко. По советским мерками это письмо тянет на расстрел. Скрыть от руководства страны важнейшую информацию и огласить ее только на встрече с президентом другого государства, пусть и дружественного… Не скажу, что это предательство, но все же как-то…

— Вот и меня посещают такие же мысли, — президент внимательно посмотрел на Гопкинса. — Знаете, Гарри, я полагаю, что это будет не просто важная информация. Он собирается сообщить нам нечто такое, что сделает невозможным даже саму постановку вопроса о предательстве, и, видимо, сам Нагулин это тоже понимает. Только, боюсь, эта информация нам сильно не понравится.

— Мне подготовить проект письма Сталину?

— Этим я займусь сам, а вы подумайте над возможным местом проведения конференции, и над тем, нужно ли нам привлекать Черчилля. Чан Кайши на этой встрече точно будет лишним, а вот британец… Впрочем, у нас есть еще немного времени, чтобы взвесить все «за» и «против».

Четверка модернизированных Пе-8 закончила набор высоты. От земли нас теперь отделяло одиннадцать километров. В принципе, так высоко можно было и не забираться. На фюзеляжах самолетов надежно закрепились дроны-разведчики, и немецких радиолокаторов мы могли не опасаться. Конечно, от обнаружения сканерами спутников это бы бомбардировщики не защитило, но сейчас на орбите находились только сателлиты Летры, так что с этой стороны проблемы нам не грозили. Вот только подполковник Пусэп и его люди о дронах не знали и предпочли забраться повыше, чтобы избежать зенитного огня и перехвата немецкими истребителями.

Двухмоторные «Илы» сопровождали нас только до окончания набора высоты. Дальше в их присутствии особого смысла не было. Прикрывать нас на всем маршруте они не могли, да и некого нам было опасаться на одиннадцати тысячах - догнать

турбореактивные бомбардировщики немцы все равно были не в состоянии. Разве что их новейший Ме-262 случайно оказался бы где-то рядом, но все эти буквально штучные машины сейчас находились в западной части Рейха, над которой регулярно появлялись английские тяжелые бомбардировщики, а вот атаки на Берлин с востока немцы совершенно точно не ждали.

Я специально выбрал для удара дневное время. Англичане предпочитали бомбить немецкие города в темное время суток, так что днем немцы до некоторой степени расслаблялись. Стоило учитывать и то, что именно днем в здании Рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе 77 проводились заседания штаба, на которых часто присутствовал Геринг.

Сегодняшний день выдался крайне богатым на совещания. События на Днепре произвели в руководстве Рейха эффект тычка палкой в муравейник, и в Рейхсканцелярию слетелась вся верхушка нацистского режима. Геббельс, Гиммлер, Борман и целая толпа генералов и фельдмаршалов. В общем, исключительно сладкий набор целей.

Честно говоря, я очень боялся, что Жуков не рискнет принимать решение об ударе по Берлину самостоятельно и попытается согласовать эту акцию с Москвой. По поводу того, что Сталину нужна смерть Геринга и его ближайших соратников меня терзали серьезные сомнения. Верховный главнокомандующий уже явно почувствовал на губах сладкий вкус победы, и любое изменение расклада, способное привести к какому-то иному финалу этой войны, кроме советских танков на берегу Ла-Манша, было способно его сильно расстроить. Уничтожение нацистской верхушки с высокой вероятностью могло привести к необходимости заключения мира с так и не разгромленной до конца Германией, поднявшей лапки кверху с громкими криками: «Это все они! Нас заставили проклятые нацисты Гитлер и Геринг! А мы не хотим войны и жертв! Хотим мира! Давайте жить дружно!» Добивать Германию в такой ситуации было бы как-то нехорошо и могло быть неправильно понято англичанами и американцами вплоть до очень серьезных осложнений в международных отношениях.

На мое счастье Жуков решил, что восемь крылатых ракет вряд ли смогут нанести критический урон вражеской столице. Вон, англичане чуть ни каждую ночь сбрасывают на Берлин бомбы, а эффект это имеет скорее психологический, зато дневной ракетный удар по центру города наверняка приведет к временной дезорганизации управления действиями вермахта, а именно это в данный момент и требовалось маршалу. Так что беспокоить по такой мелочи товарища Сталина Жуков не стал. В своей обычной

манере он принял решение быстро и без особых колебаний, в результате чего я со спокойной душой отдал подполковнику Пусэпу приказ готовить бомбардировщики к взлету, а Летре выдал инструкции по их защите от обнаружения противником. Маскировка в данном случае была жизненно необходима, поскольку в случае своевременного объявления в Берлине воздушной тревоги все интересующие меня персонажи немедленно разбежались бы по бомбоубежищам, и совсем не факт, что даже объемные взрывы смогли бы их оттуда выковырять.

— Пять минут до рубежа пуска ракет, — доложил Пусэп.

— Нас пока не обнаружили, так что есть смысл подойти ближе.

— Странно, — задумчиво произнес летчик, — по идее, немцы должны были начать на нас реагировать еще минут тридцать назад.

— Мы не совершаем регулярных налетов на их города, — пожал я плечами. — Возможно, с востока они проблем не ждут и принимают нас за своих.

— Может быть, — не стал спорить Пусэп. В конце концов, беспечность немцев только облегчала задачу его авиагруппе, так что особо размышлять над ее причинами смысла он не видел.

Вызвав перед глазами виртуальную карту, я еще раз проверил, где находятся интересующие меня личности. Убедившись, что Рихтенгден и Шлиман в зону поражения попасть не должны, я распределил цели и включил переговорное устройство.

— Готовность к пуску две минуты.

Четыре ракеты предназначались зданию Рейхсканцелярии. Пожалуй, это был даже перебор, но я помнил, как при ударе по японцам две К-212 упали в лес из-за технических отказов, и решил подстраховаться.

Второй по важности целью стал Бендлерблок — комплекс зданий на улице Бендлерштрассе, южным фасадом выходящий на Ландвер-канал. Именно здесь размещалась штаб-квартира Абвера и часть центрального аппарата Главного командования вермахта и кригсмарине. Здесь требовалось действовать тоньше, поскольку в одном из корпусов находились кабинеты офицеров, которые не должны были погибнуть в результате удара. Впрочем, ни Клауса Штауфенберга, ни Людвига Бека на территории комплекса сейчас не было, так что еще две ракеты немедленно получили свои цели.

Оставшимся двум ракетам я тоже нашел весьма достойное применение. Одной из них я назначил целью здание Четвертого управление РСХА на Принц-Альбрехтштрассе. Начальник гестапо

группенфюрер СС Генрих Мюллер как раз находился в своем кабинете, что добавляло этой точке на карте Берлина немалую долю привлекательности в моих глазах.

Ну, и последнее изделие товарища Королева я предназначил для штаб-квартиры СД — Шестого управления РСХА, возглавлявшегося бригаденфюрером СС Вальтером Шелленбергом и располагавшегося на Вильгельмштрассе во Дворце принца Альбрехта.

Еще раз бросив взгляд на карту и прикинув, сколько времени займет полет ракет к целям, я решил, что дальше тянуть нет никакого смысла, иначе слепота немецкой ПВО начнет выглядеть в глазах людей Пусэпа совсем уж необъяснимой.

— Готовность десять секунд, — произнес я в микрофон шлема.

— Есть готовность… — почти одновременно подтвердили командиры четырех бомбардировщиков.

— Пуск!

— Лаврентий, ты до конца уверен в своих словах? — Сталин с легким прищуром посмотрел на наркома внутренних дел. — Ты хорошо понимаешь, что они означают?

— Понимаю, товарищ Сталин, — твердо кивнул Берия. — Всё сказанное означает, что я не справился с поставленной задачей. Вы приказали мне привязать Нагулина к СССР и поставить его деятельность под наш полный контроль. Последние события ярко продемонстрировали, что сделать этого мне не удалось. Я решил, что лучше поставить вас в известность о моей неудаче сейчас, чем тянуть до последнего, когда что-либо предпринимать будет уже поздно.

— Это правильные слова, товарищ Берия, но есть мнение, что все-таки уже поздно. В Берлине паника. Мы пока не знаем точно, кто из руководителей Германии погиб, а кто остался жив, но ракетный удар Нагулина явно изрядно проредил нацистскую верхушку. Мы уже сейчас имеем дело с новой реальностью и никакой возможности отыграть назад у нас нет. Я не виню в случившимся Жукова, давшего санкцию на эту операцию. Никто не мог предположить, что удар будет нанесен с такой точностью и в столь удачно выбранное время.

— Никто, кроме Нагулина…

— Совершенно верно, — кивнул Сталин, — никто, кроме Нагулина. Впрямую обвинить его нам не в чем. С задачей нарушения стратегического управления немецкой обороной на Днепре генерал-полковник справился блестяще. Правда, при этом он создал нам совершенно несопоставимые по масштабу

проблемы внешнеполитического характера, и я не думаю, что он не отдавал себе в этом отчета. В совокупности с очень мутной историей с Радиевым институтом и изотопами урана все это выглядит очень скверно…

— Формально и здесь придраться сложно, — невесело усмехнулся Берия. — Задача, опять же, выполнена. Эффективность немецкой разведки упала в разы. Днепр форсирован в двух местах, причем потери наших войск не просто низкие — они в десятки раз ниже запланированных. Генерал Ватутин лично побывал на обоих плацдармах. Тем, что он обнаружил на месте укреплений «Восточного вала» шокирован даже он, а уж он-то повидал немало. Контрудары Манштейна и Роммеля увязли, едва успев начаться. Подтянутые к самому берегу тяжелые гаубицы артиллерийской дивизии прорыва генерала Цайтиуни не дали немецким танкам продвинуться даже на несколько километров…

— Я знаю обстановку под Киевом, Лаврентий, — негромко произнес Сталин, прервав наркома. — Все это так, но мы здесь не для того, чтобы действовать, исходя из формальных признаков. Генерал Нагулин начал свою игру. Я опасался этого с самого начала, считая, что СССР для него лишь временный попутчик. Насколько я помню, и ты придерживался такой же точки зрения. Сейчас становится все более очевидно, что момент расхождения наших интересов настал, и, если мы не хотим еще более серьезных осложнений, нужно начинать действовать, причем действовать решительно.

— Я отдал приказ отозвать в Москву отряд полковника Лебедева вместе с капитаном госбезопасности Нагулиной. Пусть лучше жена генерал-полковника будет под нашим присмотром. Возможно, это удержит его от непродуманных решений.

— Ты уверен в лояльности этих людей?

— Не вполне. Поэтому по прибытии в Москву отряд будет расформирован.

— Верное решение. И все же не торопись. Есть обстоятельство, мешающее нам предпринять немедленные меры к пресечению деятельности Нагулина.

— Нужно завершить битву за Днепр решительной победой?

— Киев — это важно, но там сейчас Жуков и Ватутин прекрасно справятся и без Нагулина.

— Но тогда…

— Сегодня утром посол США Уильям Стэндли вручил мне письмо от президента Рузвельта. В ближайшее время Соединенные Штаты планируют объявить войну Германии и совместно с англичанами начать подготовку к высадке войск в

Европе. В связи с этим Рузвельт предлагает в максимально сжатые сроки провести трехстороннюю конференцию глав США, Великобритании и Советского Союза в Рейкьявике для обсуждения новых реалий войны и исключения любых разногласий между союзниками.

— Это очень важная информация, товарищ Сталин, — задумчиво произнес Берия, — но я пока не понимаю, как она относится к решению вопроса…

— Прямо и непосредственно относится, — отрезал Сталин, недовольный тем, что его не дослушали до конца. — В письме отдельным пунктом приведена просьба президента США предусмотреть протоколом встречи доклад генерал-полковника Нагулина о боевых действиях в Китае. В Америке восхищены боевой эффективностью советских летчиков-добровольцев. Кроме того, Рузвельт утверждает, что это первый опыт совместных боевых действий советских и американских пилотов. Американский добровольческий авиаотряд «Летающие тигры» под командованием майора Клэра Шеннлота действительно принял участие в прикрытии отхода группы Нагулина после уничтожения авианосца «Дзуйкаку», так что в логике американцам не откажешь. В общем, до конференции Нагулина трогать нельзя — слишком важно для нас сохранение поставок из Соединенных Штатов.

— Значит, сразу после?

— Посмотрим, как пройдет конференция, но думаю, да. Вопрос с Нагулиным в любом случае придется решать, и лучше с этим не затягивать.

Капитан-лейтенант Хирч проснулся за час до подъема и понял, что вновь уснуть не получится. Организм в последние месяцы вел себя странно, и это уже начинало всерьез напрягать. Сначала появились головные боли, которыми раньше командир эсминца никогда не страдал. Собственно, он даже не знал, что это такое, и когда недомогание случилось впервые, это стало для него неприятным сюрпризом.

Сначала медблок эсминца легко справлялся с возникшей проблемой, но со временем снимать головную боль становилось все труднее. Сама боль проходила, но оставалось странное ощущение, что голова все еще продолжает болеть, а организм этого просто не чувствует. Труднообъяснимое состояние.

Потом появились приступы бессонницы. Глушить их химией Хирч не хотел, хотя иногда все же приходилось прибегать к соответствующим препаратам и к гипнотерапии. Как и в случае с головной болью, эффективность этих средств постепенно

снижалась.

Корабельный медик тщательно обследовал командира и надолго углубился в анализ полученных результатов. Через несколько часов доктор сказал, что, скорее всего, это результат многомесячного нервного напряжения. Уверенности Хирч в его голосе не услышал. Сам же доктор вскоре признал, что не понимает, почему на Хирча почти не действуют препараты, безопасные для регулярного применения. Конечно, после введения в кровь сильнодействующего снотворного, он вырубался практически мгновенно, но злоупотреблять такой химией было нельзя. В итоге командир махнул рукой на эти, в общем-то, терпимые неудобства, успокоив себя тем, что это часть испытания, и после выполнения задачи и выхода в реальность все пройдет само собой. Вот только от недосыпа и головной боли хорошее настроение теперь посещало Хирча крайне редко.

Встав с постели, он в очередной раз подумал, что, видимо, это еще один неявный знак от командования, что он что-то делает неправильно. Надо прекращать тянуть с выполнением задачи, и, кажется, уже давно крутившаяся в голове Хирча мысль о том, как это сделать, обрела, наконец, окончательную форму.

Когда в помещение командного поста вошел старший инженер, командир уже почти два часа работал с главной консолью корабельного вычислителя, прикидывая различные варианты реализации своей идеи.

— Присоединяйтесь, лейтенант, — Хирч сделал жест рукой, указывая инженеру на его рабочее место. — Я скинул вам примерный набросок. Мне нужна всесторонняя оценка технической возможности и сроков выполнения этих работ.

Слегка озадаченный инженер активировал виртуальную клавиатуру и сосредоточился на возникших перед его глазами схемах и текстовых пояснениях.

— Командир! — раздался приветственный возглас от в хода в командный пост.

— Опаздываешь, Корф, — недовольно поморщился Хирч. — Быстро давай за пульт. Твое участие мне тоже понадобится.

— Сейчас все будет, — кивнул зам по вооружению и непроизвольно потер виски. От Хирча этот жест не ускользнул, и командир эсминца подумал, что, судя по всему, не он один испытывает проблемы с самочувствием.

Пару минут офицеры молчали, разбираясь с полученными исходными данными. Первым не выдержал Корф.

— Командир, можно узнать, зачем это надо?

— Я думал, все очевидно, — слегка изогнул бровь Хирч. — Я не хочу рисковать «Консулом Праном», а пустой транспорт

снабжения все равно почти бесполезен.

— Вы хотите демонтировать одну из торпедных пусковых установок и перенести ее на транспорт, — включился в обсуждение старший инженер. — Я попробую догадаться сам. Торпед у нас осталось всего три. Это наше самое мощное оружие, но, вместе с тем, самое медленное и сильно уступающее ракетам по дальности. Вы собираетесь отправить транспорт к планете и использовать торпеды для нанесения орбитального удара. Я прав?

— Почти, — кивнул Хирч. — Только сам орбитальный удар мне не очень интересен, и торпеда в пусковой установке будет всего одна. Меня интересует реакция зараженных с Лунной базы. Я хочу создать угрозу, игнорировать которую они не смогут. Им придется задействовать для защиты планеты все, что у них есть, тем более что они не могут знать точно, куда именно пойдет транспорт. А вдруг я захочу ударить по остаткам их базы на Луне? Под маскировочными полями отличить корабль поддержки от «Консула Прана» зараженные смогут только с близкого расстояния, а значит, они будут считать, что мы все-таки решились на атаку и задействуют все сохранившиеся на базе средства противокосмической обороны, если, конечно, там что-то осталось. Транспорт не жалко — экипажа на нем не будет. Торпеду, конечно, потерять обидно, но это приемлемая цена за нужную нам информацию.

— Тогда маскировочные поля транспорта тоже нужно усилить, иначе обман быстро раскроется., — инженеру, похоже, идея понравилась. — В принципе, резервные генераторы у нас еще есть, так что это можно устроить. И еще я бы добавил кораблю поддержки несколько точек противоракетной обороны. Если по транспорту все-таки нанесут удар, велик шанс, что ракет будет не очень много, уж слишком большие разрушения мы видим на поверхности Луны. В общем, если усилить противоракетную защиту, мы повысим шанс сохранить вспомогательный корабль и все-таки провести орбитальную бомбардировку, пусть и всего одной торпедой. Да и в том случае, если транспорт все-таки уничтожат, ракет противнику придется потратить больше, а значит, их потом не так много достанется на нашу долю.

— Разумно, — кивнул Хирч. — Сколько времени потребует подготовка?

— А вот с этим все гораздо хуже, — с сожалением развел руками инженер. — Тут много пустотных работ, довольно сложный монтаж, а у нас боевой корабль и соответствующий экипаж. Нужная квалификация есть всего у пары человек, да и ремонтным оборудованием мы не богаты…

— Сколько, лейтенант?

— Полтора месяца. Возможно, месяц, но это если не возникнет никаких непредвиденных проблем, а они возникнут, можете не сомневаться.

Рейкьявик встретил нас мерзким холодным дождем пополам с мокрым снегом. Спускаясь по трапу самолета, Сталин с неодобрением смотрел на низкие серые тучи, успевшие затянуть небо над аэродромом буквально за десять минут, прошедших с момента посадки. Северная Атлантика не баловала высоких гостей хорошей погодой.

Мокрый, но бодрый почетный караул застыл в торжественном строю, готовый к встрече советской делегации. Черчилль и Рузвельт уже прибыли на остров и тоже вышли встретить своего коллегу. Протоколом это предусмотрено не было, но, видимо, американский президент смог убедить британца в том, что внеплановое проявление уважения к главе СССР в данном случае лишним не будет.

Идея с перелетом в Исландию Сталину не понравилась. Летать вождь не любил, но в данном случае был вынужден согласиться с разумностью выбора места встречи, прежде всего, по соображениям безопасности. Английские войска находились на острове с сорокового года. Океан на сотни миль вокруг надежно контролировался британским флотом, а непосредственно перед началом конференции в Исландию с дружественным визитом прибыл линкор «Советский Союз», еще недавно носивший название «Тирпиц», в сопровождении авианосца «Адмирал Ушаков» и трех эсминцев.

Официальные переговоры были назначены на завтра, но дружеский ужин состоялся через полтора часа после нашего прилета. Главы государств непринужденно общались, не затрагивая, однако, по-настоящему важных тем. Несколько раз я ловил на себе короткие взгляды Сталина и усиленно делал вид, что ничего не замечаю.

Мой доклад был предусмотрен протоколом встречи в качестве «разминки» перед основным раундом переговоров. Присутствовать на нем должны были все члены трех делегаций, что, естественно, меня не устраивало. Раскрывать информацию о себе такому широкому кругу лиц я не планировал.

Тем не менее, мне и без этого было что рассказать британцам и американцам. Ну и, естественно, я не жалел восторженных эпитетов, выражая восхищение действиями «Летающих тигров», сорвавших высадку японского воздушного десанта и прикрывших отход моей группы вместе с героическими бойцами Чан Кайши.

Рассказ получился увлекательным. Особенно тронула аудиторию сцена, когда над нашим отрядом, пробиравшимся через заросшие лесом холмы, проходили в сторону своего аэродрома дымящие поврежденными двигателями американские истребители, давшие нам столь необходимое время для того, чтобы оторваться от преследования и встретиться с катерами китайского спецназа.

Когда я закончил доклад, аплодисменты не смолкали почти минуту. Потом мне задавали вопросы, причем иногда очень толковые. Союзники были уверены, что война с Японией продлится еще долго и хотели перенять опыт успешных боевых действий против Императорской армии. Однако регламент не позволял затягивать мое выступление до бесконечности, и организаторы были вынуждены напомнить участникам конференции о том, что время ограничено.

Рузвельт бросил на меня выжидательный взгляд. Он выполнил изложенную в моем письме просьбу и ждал от меня обещанную информацию чрезвычайной важности, на которую мой доклад совершенно не тянул. Что ж, пора было переходить к главному.

— Господа, — я обвел взглядом зал, — я прошу простить меня за некоторое отступление от регламента, но в моем докладе есть важная часть, предназначенная только для глав делегаций. Надеюсь, все присутствующие отнесутся к ситуации с пониманием.

В зале установилась напряженная тишина. Здесь не было дураков, и всем мгновенно стало ясно, что стоит за моими словами. Когда член советской делегации берет на себя подобную инициативу, то это либо специально подготовленный спектакль, либо действие, которое не было заранее согласованно со Сталиным, причем, с учетом личности докладчика, последнее более вероятно.

— Немного зная мистера Нагулина, — нарушил молчание Рузвельт, — я полагаю, что он имеет веские основания для своей просьбы, и было бы правильно выделить ему необходимое время вне протокола.

— Это несколько необычно, — слегка приподнял бровь Черчилль, — однако я бы тоже с интересом выслушал генерала, отправившего на дно авианосец «Дзуйкаку» и нанесшего оскорбительное поражение германской эскадре во главе с линкором «Тирпиц».

Президент и премьер-министр перевели взгляды на Сталина, и тот меня не разочаровал. Вождь даже бровью не повел, как будто всё так и было задумано.

— Товарищ Нагулин, мы готовы вас выслушать.

Зал опустел почти мгновенно — никому ничего объяснять не пришлось.

— Итак, мистер Нагулин, — произнес с едва заметной усмешкой сэр Уинстон, — мы заинтригованы. Не разочаруйте нас.

— Господин премьер-министр, я уверен, вы по достоинству оцените то, что я сейчас расскажу, хотя бы потому, что это впрямую касается провала операции «Пьедестал» и гибели Мальтийского конвоя.

Лицо Черчилля мгновенно стало серьезным, а я продолжил.

— В открытой части доклада я упоминал о том, что на строящуюся позицию крылатых ракет К-212 было совершено нападение, однако в данном случае важен не сам факт нападения, а то, кто его совершил. Ни японцы, ни, тем более, немцы, не имели к этому никакого отношения.

Никто не стал задавать наводящих вопросов. Главы государств молча смотрели на меня, ожидая продолжения.

Трехсторонние переговоры в тот день так и не состоялись. Закрытая часть моего «доклада» затянулась до поздней ночи. Конференция длилась еще два дня, но в совместном заявлении Сталина, Рузвельта и Черчилля по ее итогам не было ни слова о новой угрозе, зато главы государств договорились «об учреждении открытой международной организации для поддержания мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств». Названа эта структура была Организацией Объединенных Наций, и главы государств особо подчеркнули, что функционировать она начнет в ближайшие месяцы, как только будет решен вопрос с кандидатурой на пост ее генерального секретаря.

По дороге в Москву Сталин был задумчив, но я бы не сказал, что его настроение ухудшилось. В общем-то, я не особо этому удивился. Конечно, дополнительных проблем на головы глав государств свалилось более чем достаточно, но и перспективы перед ними открылись весьма заманчивые. Рузвельт уже успел проверить на собственном опыте, на что способна медицина Шестой Республики даже в том урезанном варианте, который имелся в моем распоряжении. Сталин и Черчилль тоже очень внимательно следили за его выздоровлением, так что когда я заявил, что в случае нашей общей победы продолжительность жизни каждого из лидеров стран может быть увеличена лет на двадцать-тридцать по сравнению с отпущенным им природой сроком, никто в моих словах не усомнился. Одно это могло искупить все минусы, связанные с вновь открывшимися обстоятельствами. Вот только чтобы прожить эти дополнительные

годы, нужно было сначала ликвидировать исходящую из космоса угрозу, а единственный ключ к решению этой проблемы, если, конечно, он вообще существовал, находился на Луне.

В Москве у трапа самолета меня встречала Лена. Я обнял жену и усмехнулся про себя, бросив взгляд на ненавязчиво маячившего в стороне Берию. Никаких угроз или намеков по ее поводу в мой адрес ни разу не поступало, но сам факт ее внезапного отзыва с фронта в Москву меня сразу насторожил. Впрочем, у Берии хватило ума сделать все аккуратно и мгновенно отыграть назад, как только стало ясно, что обстоятельства слегка изменились.

В течение всей следующей недели в СССР прибывали британские и американские инженеры, направленные правительствами этих стран для участия в секретном совместном проекте, руководить которым был назначен всё тот же Берия. Я принял участие только в первых двух совещаниях, на стадии постановки задачи, а дальше был вынужден отвлечься — у меня возникли несколько иные проблемы. Мировую бойню следовало прекращать немедленно и жестко.

Четвертого января сорок третьего года Соединенные Штаты объявили войну Германии и Италии. В этот же день Советский Союз объявил о начале боевых действий против Японской империи. Одновременно с объявлением войны через послов третьих стран первым лицам всех государств Оси были переданы ультиматумы с требованием немедленного отвода войск с захваченных территорий в пределы довоенных границ. В случае принятия условий ультиматума и прекращения боевых действий Германии, Японии, Италии и их союзникам гарантировалось сохранение независимости при условии отказа от нацистской политики.

Естественно, этот ультиматум был просто проигнорирован. Ни на что другое, собственно, никто и не рассчитывал. Японского императора такими заявлениями испугать было сложно. Муссолини тоже пока чувствовал себя на коне, особенно после успешной высадки немецко-итальянского десанта на Мальту, и плевать он хотел на угрозы из Москвы и из-за океана. А в Германии шел азартный дележ власти, превратившийся в форменный бардак из-за множества одновременно освободившихся вакансий на высшем уровне. Там и отвечать-то толком было некому, а лишенный управления вермахт и безо всяких ультиматумов достаточно бодро откатывался к границам СССР под непрекращающимися ударами Красной армии.

В общем, в мою задачу входило проведение наглядной разъяснительной работы и прочистка мозгов главам государств

стран Оси с целью избавления их от излишних иллюзий и амбиций, а лучшее разъяснение, как известно, происходит на практических примерах.

База линейных сил японского Императорского флота на Каролинских островах в западной части Тихого океана считалась абсолютно надежным местом для размещения штаба Объединенного флота. Аэродром с многочисленными истребителями и торпедоносцами, почти сорок тысяч солдат и десятки боевых кораблей, включая новейшие линкоры «Ямато» и «Мусаси» служили надежной гарантией того, что никто не сможет приблизиться к архипелагу. По крайней мере, так казалось японскому командующему.

— Мой адмирал, пакет из Генерального штаба, — дежурный офицер с поклоном передал Ямамото тонкий конверт. — Только что доставлен специальным самолетом.

Адмирал разорвал конверт, развернул сложенный пополам лист и углубился в чтение. Его лицо привычно не выражало эмоций, но хорошо знавшие его сослуживцы по едва заметным признакам видели, что Ямамото крайне напряжен.

«Командующему Объединенным флотом адмиралу флота Исироку Ямамото.

Сегодня, в четырнадцать часов в Генеральный штаб поступила радиограмма от неизвестного отправителя, зашифрованная нашим военным кодом и имеющая все признаки подлинности. Судя по содержанию радиограммы, она, несомненно, исходит от кого-то из врагов Империи, в силу предательства или иных причин сумевшего взломать наши шифры. Отправитель утверждает, что у Японии есть десять часов для ответа на выдвинутый нашими противниками ультиматум. В случае отсутствия явно выраженного согласия Императора с условиями ультиматума, в течение шести часов после полуночи база флота на Каролинских островах будет атакована. Целью удара станет линкор «Ямато». Генеральный штаб считает эти слова пустой угрозой, не имеющей никакой связи с реальностью. Тем не менее, Вам надлежит усилить разведку прилегающей к базе акватории и привести вверенные вам силы в состояние готовности к отражению атаки противника как с моря, так и с воздуха. Вплоть до особого распоряжения использование радиосвязи для передачи секретной информации запрещается.

Начальник Генерального штаба Императорского флота Японии адмирал флота Осами Нагано»

В отличие от стратегов Генерального штаба Ямамото не допускал даже мысли о том, что угроза атаки на главную базу

флота является блефом. Он изучил все имеющиеся сведения об ударе русских по Берлину и пришел к нескольким неутешительным выводам. О наличии у Красной армии крылатых ракет японским военным уже было известно, как и о том, что дальность их полета при запуске с земли не превышает пятисот километров. Также не вызывал сомнений тот факт, что эти ракеты оснащены блоками управления, позволяющими поражать наземные цели с высокой точностью.

До удара по немецкой столице Ямамото считал это оружие опасным, но все-таки скорее тактическим и сухопутным. Правда, до Японии добралась отрывочная информация о том, что русские использовали крылатые ракеты на море, атаковав ими немецкую эскадру в арктических водах, однако достоверность этих сведений вызывала сомнения. А вот то, что атаке подвергся Берлин, полностью перевернуло представления адмирала о новом русском оружии. Ни о каких пятистах километрах в данном случае речь не шла. От ближайшей точки, с которой могли быть запущены ракеты, до столицы Германии было около тысячи двухсот километров, а это означало, что пуск осуществлялся с самолетов. Никаких других внятных объяснений произошедшему Ямамото придумать не смог.

А дальше начиналось сплошное шаманство и гадание. Никаких данных о советских тяжелых бомбардировщиках, способных нести крылатые ракеты, у Ямамото не было, да и вряд ли они в данный момент имелись хоть у кого-то, кроме самих русских. А вот уверенность в том, что такие самолеты существуют у адмирала как раз была, то есть он имел все основания предполагать, что, взлетев откуда-нибудь из австралийского Дарвина, эти машины с совершенно неизвестными летно-техническими характеристиками вполне могут достичь Каролинских островов. Конечно, ни о каком истребительном прикрытии при полете на две с половиной тысячи километров говорить не приходилось, а значит, выбор ночного времени для атаки лишь подтверждал версию адмирала. Но почему в качестве цели назван именно линкор «Ямато»? Неужели русские так уверены в точности своих ракет и располагают сведениями о месте стоянки флагманского корабля Объединенного флота?

Ямамото убрал секретный пакет в личный сейф и развернулся к подчиненным, ожидавшим его приказа.

— Привести силы противовоздушной обороны в состояние полной боевой готовности. Подготовить базу к отражению ночной атаки бомбардировщиков противника. Поднять аэростаты. Удвоить количество вылетов самолетов воздушной разведки. Линкорам «Ямато» и «Мусаси» сразу после наступления темноты

выйти на внешний рейд. Двум транспортным судам занять их места у причальных стенок. В Случае налета вражеской авиации линкорам соблюдать полную светомаскировку и открывать огонь только при явных признаках обнаружения противником.

Никаких вопросов не последовало, да их и не могло быть. Если у офицеров штаба и возникли какие-то сомнения в адекватности приказа адмирала, они оставили их при себе. Ямамото вышел на палубу и, миновав вытянувшихся в струнку часовых у трапа, спустился на пирс. Ночь он собирался провести на берегу, поскольку в случае вражеской атаки командовать обороной базы было гораздо удобнее отсюда, а не с внешнего рейда, куда по его приказу должен был уйти линкор «Ямато».

Ночь, как всегда в этих широтах, упала на остров почти мгновенно. Адмирал вышел на балкон второго этажа здания штаба и опустился в легкое кресло, развернувшись лицом к океану. Введенный по его приказу режим светомаскировки соблюдался неукоснительно. Впереди не было видно ни одного огонька, и лишь свет ярких тропических звезд слегка разгонял мрак экваториальной ночи.

Ямамото знал, что атака непременно последует, но ее начало он все же пропустил. Не было ни выматывающего душу воя сирен воздушной тревоги, ни тяжелого гула моторов вражеских бомбардировщиков, ни шарящих по небу прожекторных лучей, ни отрывистого лая автоматических зенитных орудий. Лишь вдалеке, над внешним рейдом мелькнули две цепочки ярких огней, и спустя мгновение ночную тьму разорвала ярчайшая вспышка. Через десяток секунд остров накрыл тяжелый грохот. Адмирал сразу понял, что произошло — он слишком хорошо знал, как выглядит детонация орудийных погребов главного калибра.

Выскочивший на балкон дежурный офицер застыл, вытянувшись перед адмиралом флота.

— Докладывайте.

— Мой адмирал, телефонная связь с линкором «Ямато» потеряна. С «Мусаси» докладывают, что наблюдали яркие трассеры, начинавшиеся на высоте около километра, и видели сильный взрыв на месте стоянки «Ямато» на внешнем рейде…

— Самолеты противника обнаружены?

— Звуков авиационных моторов на «Мусаси» никто не слышал. Прожектора они не включали и зенитного огня не открывали, выполняя ваш приказ, поскольку сам линкор никто не атаковал.

— Передайте на «Мусаси», пусть отправят спасательную партию к месту взрыва, — распорядился Ямамото. — Это всё. Выполняйте.

Дежурный офицер четко развернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, а адмирал вновь развернулся к океану и тяжело оперся на ограждение балкона. После Мидуэя он сделал для себя однозначный вывод, что эта война уже проиграна, но остался командовать флотом, чтобы поддержать пошатнувшийся моральный дух японских моряков. И вот теперь по остаткам этого духа был нанесен сокрушительный удар. Гибель флагманского корабля на внешнем рейде главной базы флота…

Неожиданно по затылку адмирала пробежал холодок. Очень неприятный холодок, заставивший его замереть на месте, четко осознав, что на балконе он больше не один. Ямамото медленно обернулся.

— Доброй ночи адмирал, — негромко произнес из темноты неясный силуэт. — Не нужно резких движений, я хочу просто поговорить.

— Представьтесь, — Ямамото быстро преодолел стресс, вызванный появлением незнакомца.

— Генерал-полковник Нагулин.

— Значит, все-таки русские, — кивнул своим мыслям адмирал, — Как вы проникли в штаб?

— Не хочу утомлять вас не столь уж существенными деталями, господин Ямамото. Достаточно будет сказать, что все ваши люди живы и по-прежнему остаются на своих постах.

— И экипаж «Ямато» тоже? — в голосе адмирала прозвучала горькая усмешка.

— У вас была возможность заблаговременно эвакуировать людей с корабля, адмирал, — спокойно ответил почти невидимый собеседник. — Мы ведь заранее предупредили ваш генштаб об ударе, а в вашем сейфе лежит письмо от адмирала Нагано со всеми подробностями этого предупреждения.

— Даже так? — задумчиво произнес Ямамото. — И что вы хотите услышать от меня?

— Ничего. Я хочу передать вам новые условия нашего ультиматума. Вы, на мой взгляд, один из самых трезвомыслящих высших офицеров Императорского флота, и будет лучше, если именно вы передадите это послание Императору вместе с рассказом о том, что здесь произошло.

На круглый столик перед адмиралом лег толстый конверт.

— И каковы условия?

— Вы уходите из Китая, включая Манчжурию, с Южного Сахалина, с Курильской гряды, из Кореи, с Тайваня и со всех территорий, оккупированных вами с декабря сорок первого года, а также присоединенных к Японии по итогам Первой Мировой войны. Вам придется выплатить репарации Китайской Республике

и Соединенным Штатам в качестве компенсации нанесенного ущерба. Такова цена агрессивной политики Японии и развязывания новой войны. Со своей стороны мы гарантируем неприкосновенность Японских островов и власти императора Хирохито. Мы не будем требовать разоружения японской армии и флота. Сразу после подписания мирного договора с Японии будет снято экономическое эмбарго, и ваша страна сможет стать полноправным членом Организации Объединенных Наций.

— Император никогда не согласится на такие условия.

— Значит, согласится кто-то другой, — призрачная фигура пожала плечами, — С каждым вашим отказом условия ультиматума будут становиться все более суровыми, и первым пунктом, который выпадет из наших гарантий, станет неприкосновенность Императора. Мне кажется, сегодня вы видели достаточно для того, чтобы понять, что это не пустые слова.

Чем дольше длился этот нереальный разговор, тем отчетливее адмиралу становилось ясно, что условия ультиматума значительно мягче, чем можно было бы ожидать в подобных обстоятельствах. Неизвестный источник, снабжавший японские штабы достоверной и своевременной информацией, неожиданно замолчал, зато резко активизировались враги Японии, явно совершившие совершенно нереальный прорыв в области вооружений.

— Я действительно видел достаточно, — чуть помедлив, кивнул Ямамото. — Но моим словам могут не поверить, и вы должны понимать, что принимать окончательное решение буду тоже не я.

— Это так, — не стал спорить ночной гость, — будет вполне достаточно, если вы передадите императору этот пакет и честно расскажете о том, что произошло сегодня ночью.

— Я передам.

— В таком случае не смею больше отвлекать вас от дел, господин Ямамото.

Как русский генерал исчез с балкона, адмирал так и не понял. Вот, вроде бы, только что туманная фигура стояла в непринужденной позе всего в паре метров от него, и вдруг исчезла, словно бы растворившись в воздухе. Только почти неслышно скрипнуло дерево перил балконного ограждения, и едва заметно шевельнулась свисающая со стены плеть экзотических цветов.

В отличие от Японцев, с Муссолини лидеры «Большой тройки» предпочли не церемониться. Еще один вылет

бомбардировщиков подполковника Пусэпа поставил жирную точку в его диктаторской карьере, да и в истории итальянского фашизма тоже, поскольку под раздачу попал далеко не только сам Дуче, но и большинство его соратников по Национальной фашистской партии. Моего участия не потребовалось — с наведением ракет Летра прекрасно справилась сама.

Что интересно, именно показательная расправа над Муссолини окончательно сломала японцев. Они слишком ценили своего императора и не хотели для него подобной судьбы. Да и сам Хирохито, видимо, тоже не прочь был пожить подольше. Не обошлось, правда, без неприятного инцидента. Часть офицеров Министерства армии предприняла попытку переворота с целью предотвратить принятие условий ультиматума, однако попытка поместить императора под домашний арест успеха не имела, и заговорщики, поняв, что не могут рассчитывать на поддержку армии, покончили жизнь самоубийством.

Для меня все эти события шли фоном к решению главной задачи, на которой я, наконец-то, смог сосредоточиться полностью. Поначалу Сталин, Рузвельт и Черчилль отнеслись к моему желанию как можно быстрее разобрать завалы, закрывавшие путь к Лунной базе, с некоторой настороженностью. Мало ли что я там хочу раскопать… Вслух они этого, конечно, не говорили, но некоторые сомнения на их лицах читались.

Мои слова о болтающемся где-то в трудновообразимой дали эсминце мятежников оставались для них только словами. Сержант Кнат тоже не мог выступить независимым свидетелем в силу вполне понятных причин, но настроить «Большую тройку» на нужный лад мне неожиданно помог лейтенант Кри.

Я попросил глав государств поприсутствовать на допросе важного свидетеля. Черчилль не согласился и, сославшись на срочные дела, умотал в Лондон, а Рузвельт и Сталин, немного поколебавшись, все-таки решили поучаствовать.

На допрос я пригласил и товарища Берию. Куда же без него в таком важном деле, да еще и по его профилю? А еще я попросил обеспечить участие в мероприятии двух врачей, советского и американского, и двух недавно выявленных шпионов, не желающих выдавать своих сообщников.

Перед началом допроса я достал из запасов десантного бота несколько порций «болтунчика», перелил их в привычную для местных врачей пробирку и передал двум медикам.

— Это препарат для развязывания языков, — пояснил я заинтересовавшимся докторам. — Одного миллилитра раствора достаточно для того, чтобы в течение получаса пациент с огромным энтузиазмом отвечал на любые вопросы, не просто не

пытаясь утаить что-либо от следователя, но и всей душой стремясь не упустить при рассказе даже малейших деталей. Для начала я бы хотел продемонстрировать его действие на людях, заведомо не желающих рассказывать правду.

Товарища Берию уговаривать не пришлось. Столь ценный медикамент вызвал у него живейший интерес и профессиональное возбуждение. Шпионы были немедленно уколоты и подвергнуты снятию показаний. Нужно признать, энтузиазм, с которым они наперебой сдавали своих подельников, впечатлил всех, включая Сталина и Рузвельта.

— А теперь я предлагаю перейти к главному, — я указал рукой на погруженного в медикаментозный сон пациента. — Это лейтенант Кри. Когда-то он честно служил Шестой Республике, но подвергся поражению виртуальным психозом и сейчас искренне считает себя выполняющим учебное задание командования, суть которого сводится к необходимости уничтожить всех нас, как зараженных опасной и неизлечимой болезнью. Именно из таких людей состоит команда эсминца «Консул Пран». Лейтенант был захвачен в плен при попытке нападения на строящуюся позицию ракет К-212 под Чунцином, впрочем, он сам вам всё расскажет. Сейчас я его разбужу и попрошу наших медиков ввести ему «болтунчик». Товарищ Сталин, мистер Рузвельт, думаю вам будет интересно услышать альтернативный взгляд на происходящее, в корне отличающийся от моей версии.

— А на каком языке пленный будет отвечать? — задал очень правильный вопрос Рузвельт.

— Лейтенант сносно владеет русским. Перед высадкой на Землю он прошел гипнолингвистическое обучение языку вероятного противника. На эсминце нет специализированного оборудования для этой цели, но загрузку языка можно провести и с помощью стандартной медкапсулы, правда, качество обучения получается не лучшим, ну так от командира десантников и не требовалось высоким штилем выражаться.

Лейтенант Кри проснулся, оглядел палату постепенно проясняющимся взглядом и ехидно произнес:

— Вы еще живы, бессмысленные картинки? Ничего, недолго вам осталось.

Честно говоря, я немного испугался, не тронулся ли Кри умом окончательно.

— Можно вводить препарат, — кивнул я американскому доктору, державшему в руках стеклянный шприц с длинной металлической иглой.

Лейтенант с удивлением наблюдал за действиями медика и сильно дернулся, когда его кожу проткнула игла. Доктор оказался

к этому готов, а пациент был жестко зафиксирован, так что процедура прошла вполне штатно.

— Лаврентий Павлович, пациент готов.

Допрос продолжался минут двадцать. И Сталин, и Рузвельт, да и Берия, оказались не слишком готовы к тому, что некто, чья честность под действием химии не вызывает сомнений, совершенно искренне считает их «жалкими цифровыми клоунами» и «бездарными наборами маленьких квадратиков». К таким эпитетам в свой адрес они как-то не привыкли, но старательно держали себя в руках. Однако не это стало кульминацией затеянного мной действа. В конце допроса пленному был задан прямой вопрос:

— Лейтенант Кри, как вы считаете, что предпримет командир вашего корабля в ближайшее время?

— Я не знаю, сколько я провел во сне, — с кривоватой усмешкой произнес лейтенант, — но, думаю, достаточно долго. А значит, у капитан-лейтенанта Хирча скоро закончится терпение, и он выведет «Консула Прана» на низкую орбиту вашей никчемной варварской планеты, чтобы начать стирать с ее поверхности крупнейшие города. Эсминец, конечно, не линкор и не корабль подавления планетарной обороны, но у него еще остались торпеды и вполне достаточно энергии в накопителях, чтобы выжечь плазмой ваши столицы.

— Есть мнение, что мы услышали достаточно, — негромко произнес Сталин, — Как вы считаете, мистер президент?

— Более чем, — согласно кивнул Рузвельт, — мистер Нагулин, чем еще моя страна может помочь Вам в скорейшем приведении Лунной базы в боеспособное состояние?

Глава 12

Зимняя тайга — то еще удовольствие. Теперь я понял, как мне повезло, что спасательная капсула упала в тувинскую тайгу поздней весной, а не в январе. Заросшие лесом и заваленные снегом сопки в сочетании с неслабым морозом могли в тех обстоятельствах доставить мне массу проблем.

Теперь, конечно, все обстояло совершенно по-другому. До места падения капсулы я вместе с сержантом Кнатом и командой Лебедева добрался на десантном боте быстро и без каких-либо сложностей. Наконец-то пришло время вытащить из этой глухомани высокотехнологичное изделие Шестой Республики и использовать его на пользу делу.

В дополнение к двум уже имевшимся у нас комплектам почти исправной боевой пехотной брони я добыл из заваленной снегом капсулы свой пилотский скафандр и еще множество приятных мелочей из спасательного комплекта, брать которые с собой, уходя навстречу новому миру, я не стал.

Пока парни азартно откапывали капсулу, я пролетел с короткими остановками по своему маршруту полуторалетней давности, посетив заимку старообрядцев и ничем не примечательное место в тайге, где, уже выходя из леса, припрятал штатный плазменный пистолет.

Капсулу мы прицепили к боту тросами, подняли ее над деревьями и неспешно потащили в более цивилизованные места. В предстоящей экспедиции на Луну она должна была сыграть важную роль, как и многочисленные фрагменты обшивки моего сгоревшего истребителя, разбросанные на много километров вокруг.

От идеи тащить на Луну тяжелую технику вроде бульдозеров и экскаваторов пришлось отказаться почти сразу. Все, что имелось в наличие у стран-союзниц совершенно не подходило для работы в условиях пониженной гравитации, исключительно низких температур и полного отсутствия атмосферы, а создавать что-то новое практически с нуля элементарно не было времени. Лейтенант Кри сказал чистую правду — терпение командира эсминца мятежников могло закончиться в любую минуту.

Тем не менее, на самой идее разбора завалов, блокировавших доступ к нижним ярусам базы, это решение крест не поставило. За нас сыграла низкая сила тяжести на Луне. Глыбы породы и искореженные фрагменты разрушенных перекрытий весили там в шесть раз меньше, чем на Земле. Все привлеченные к проекту инженеры в один голос утверждали, что при наличии в

распоряжении лунной экспедиции небольшого, но мощного источника электрической энергии не так уж сложно изготовить достаточно компактное оборудование, способное постепенно растащить завалы с помощью буров, лебедок и других строительно-проходческих систем, которые в разобранном виде можно доставить на Луну с помощью десантного бота не за один, так за два-три рейса. Хуже обстояло с тем, чем крепить ствол шахты, если в каких-то местах это понадобится, но, опять же, с учетом низкой гравитации, инженеры обещали быстро спроектировать и изготовить легкие и приемлемые по прочности тюбинги из алюминия.

Идея выглядела здраво, тем более что я знал где взять требуемый источник энергии. Именно за ним мы и отправились в тувинскую тайгу. Конечно, можно было использовать в этом качестве накопители десантного бота, собрав не такой уж сложный и громоздкий преобразователь, но привязывать бот к поверхности Луны я категорически не хотел. Нападение мятежников могло произойти в любой момент, и единственную имевшуюся у нас космическую боевую машину я посчитал нужным держать на лунной орбите над районом работ.

Второй и не менее важной проблемой стали скафандры и система жизнеобеспечения бойцов десантного отряда, которым предстояло работать на поверхности Луны. Трех человек, для которых у нас имелись полноценные скафандры, было совершенно недостаточно для выполнения задачи в приемлемые сроки. Пришлось что-то выдумывать, исходя из имеющихся ресурсов и технологий.

Детально описав рабочей группе условия, в которых предстоит действовать десантникам, я сразу понял по лицам ученых и инженеров, что разработать и изготовить вменяемый лунный скафандр за месяц будет крайне сложно.

— Температура поверхности от минус ста тридцати до плюс ста шестидесяти градусов? — переспросил профессор Уманский, — Почти наверняка потребуется контур жидкостного охлаждения. Плюс защита от радиации, запас воздуха и система его рециркуляции. А питание и вывод отходов жизнедеятельности? А сам материал скафандра? Его однозначно придется делать многослойным… Всё это невозможно уложить в тридцать дней, даже если, как вы обещаете, в течение трех суток у нас появится готовый комплект проектной документации. Да мы даже…

– Товарищ Уманский, — Берия говорил негромко, но от интонаций, прозвучавших в его голосе, проняло, похоже, не только советского конструктора, но и его американских и британских коллег, — вы хотите сказать, что всех ресурсов трех

великих держав не хватит на то, чтобы за двадцать семь суток по готовым чертежам изготовить шесть лунных костюмов?

Уманский вздрогнул и на несколько секунд потерялся под тяжелым взглядом наркома, но все же взял себя в руки и нашел слова для ответа.

– Технологии, товарищ Берия. Мы не владеем нужными технологиями. Чертежи — это хорошо, но у нас нет необходимых материалов — их нужно разрабатывать с нуля. А обеспечение герметичности в условиях космического вакуума и огромных перепадов температур? А ведь они не просто гулять по Луне будут! Им в этих скафандрах придется много часов выполнять тяжелую работу. Вы понимаете, что любая ошибка, скорее всего, будет означать гибель людей и провал выполнения задачи?

– Товарищ Нагулин, – Берия перевел взгляд на меня, — Способна ли ваша… Летра сделать все необходимые расчеты и создать чертежи с учетом имеющихся у СССР, США и Великобритании материалов и технологических возможностей?

– Сама – не сделает. Здесь необходимо сотрудничество людей и искусственного интеллекта. Подобрать материалы — да, а вот само устройство скафандра… Скажем так, наши специалисты получат в свое распоряжение весь опыт создания подобных изделий Шестой Республикой и почти десятком других человеческих цивилизаций, но все они выходили в космос, а значит, и задавались вопросом разработки скафандров, несколько позже, чем это предстоит нам. Поэтому многие технические решения нам не подойдут именно по технологическим соображениям. Их придется переделывать с учетом имеющихся возможностей. Летра в этом поможет, но сама с такой работой не справится.

– Ми это сделаем, - неожиданно вступил в дискуссию основатель и владелец американской корпорации «Плэйтекс» Абрам Спаниэль[5], только пару дней назад прибывший вместе со своими инженерами в Москву.

Что интересно, сказал он это по-русски с совершенно неподражаемым одесским акцентом.

– Я таки понимаю, о чем ви здесь утверждаете, – чувствовалось, что Спаниэль давно не был на родине, но русский язык, с известными особенностями, все же не забыл, – Ви не поверите, еще три года назад ми делали только женское нижнее белье. Мой дорогой папа был портным в Одессе, моя несравненная мама работала прачкой. Чем еще мог заняться их сын, оказавшись в Америке? А потом пришел Дядя Сэм и сказал, что идет война, и американским парням нужны надувные штурмовые лодки и непромокаемое снаряжение. И что же Абрам

Спаниэль и его «Плэйтекс»? Ми таки это сделали! И скафандры ваши ми сделаем не хуже. Не скажу за охлаждение и э… радиацию, но прочность и герметичность у вас таки будут, и будут быстро, можете ни разу не сомневаться. Скажете в три слоя, пошьем в три слоя. Скажете в пять – будет в пять.

– Этот сделает, – шепнула мне на ухо Летра.

Глядя на излучающего уверенность еврея, что-то подобное почувствовал и Берия, имевший непревзойденное чутье на правильные кадры.

– Хорошо, мистер Спаниэль, будем считать, что за оболочку скафандра мы можем быть спокойны, – кивнул нарком, – у кого еще будут соображения или вопросы?

Десантный бот плавно опустился на поверхность Луны, умудрившись почти не побеспокоить толстый слой реголита. Страховочные фиксаторы бесшумно втянулись в спинки кресел, и девять десантников выстроились вслед за мной, ожидая, когда откроется внешний люк.

Давление в десантном отсеке понижалось медленно. Летра специально не торопилась с откачкой воздуха, чтобы в последний раз проверить, как поведут себя изготовленные на Земле громоздкие и безумно неудобные лунные скафандры. В случае каких-то проблем давление воздуха можно было быстро довести до нормального. Впрочем, эта перестраховка оказалась излишней. Изделия мистера Спаниэля чувствовали себя в вакууме вполне уверенно, что еще на земле было подтверждено многочисленными испытаниями.

Наконец, воздух был откачан и створки десантного люка втянулись в обшивку. Унылую серую поверхность, засыпанную пылью и усеянную каменными обломками, не разнообразил даже ярко-голубой диск Земли, раскрашенный белыми спиралями облаков. Сюда, на обратную сторону Луны, он не заглядывал никогда. Солнце светило нам в спины, порождая длинные контрастные тени и нещадно нагревая скафандры. О том, что перед нами когда-то находился один из входов на нижние ярусы Лунной базы напоминала лишь глубокая воронка, покрытая изнутри ярко блестящей стекловидной коркой. Подобных рукотворных кратеров в поле зрения имелись десятки, но именно этот Летра указала, как наиболее перспективный.

Мы рассматривали разные сценарии проникновения на базу и в итоге остановились на том, что главной целью должен стать ангар на втором подземном уровне, в котором под многометровым завалом находился универсальный проходчик, сохранивший свою функциональность, но намертво заклиненный

просевшими перекрытиями. Освободив этот аппарат, мы могли рассчитывать на очень серьезное ускорение темпа работ до уровня совершенно несопоставимого с нашими нынешними возможностями.

Это был уже третий наш визит на Луну. Первые две высадки мы предприняли втроем с сержантом Кнатом и полковником Лебедевым. За два рейса мы доставили к месту работ все необходимое оборудование и расходные материалы, вроде алюминиевых тюбингов, кислородных баллонов, изрядного запаса мин направленного взрыва, герметичных цилиндрических капсул с аммонитом и взрывателей к ним. Привезли мы и два десятка дронов-разведчиков. Помочь нам в разборе завалов они не могли, но зато отлично справлялись со своими прямыми функциями – разведкой. Эти небольшие устройства могли сканировать поверхность на десяток метров вглубь и при необходимости были способны пролезать в узкие щели и полости, которых на нашем пути должно было встретиться немало. Главным же грузом, доставленным на Луну, стал источник энергии, демонтированный с моей спасательной капсулы и превращенный в мощный электрогенератор, от которого должны были питаться ручные бурильные установки, моторы лебёдок, прожекторы и прочая техника, включая системы жизнеобеспечения скафандров.

Первый вылет сопровождался решением еще одной немаловажной задачи. В двенадцати миллионах километров от Земли все еще висел малый разведчик мятежников. Этот соглядатай всенепременно засек бы нашу активность на поверхности Луны, чем мог спровоцировать своих хозяев на немедленные активные действия. Его требовалось как можно скорее нейтрализовать, и эта задача десантному боту была вполне по силам.

Конечно, если бы разведчик был полностью исправен, мы бы его просто не обнаружили, но конкретно у этого экземпляра сбоил генератор маскировочного поля, так что его местоположение не являлось для Летры секретом.

После уничтожения минидронов на орбите Земли мятежники перестали делать вид, что системы активного сканирования разведчика не функционируют и регулярно включали его сканеры на полную мощность, пытаясь отслеживать нашу активность на Земле и ее естественном спутнике. Правда, Летра утверждала, что, если судить по спектру сканирующего излучения, со сканерами у разведчика тоже имелись проблемы, так что мой замысел имел все шансы на успех.

Собственно, замысел этот не отличался особой

изощренностью. Десантный бот, неспешно двигаясь в режиме максимальной маскировки, сделал большую петлю, длиной почти в сотню миллионов километров, в результате чего оказался гораздо дальше от Земли, чем разведчик мятежников, и остановился на пути его дрейфа. Автоматический шпион держался на неизменном расстоянии от Земли, а значит, перемещался с постоянной скоростью, следуя за планетой, движущейся по своей орбите со скоростью почти тридцать километров в секунду. Боту, устроившему засаду в открытом космосе, оставалось только немного подождать в полной неподвижности, не проявляя никакой активности под пологом маскировочного поля.

Никакого оружия малый разведчик не нес, а его чисто символическое защитное поле могло отразить только удары небольших метеоритов или не слишком крупных случайных осколков. Броней его создатели тоже пожертвовали в пользу мобильности и незаметности, так что шансов шпион мятежников не имел никаких.

По космическим меркам залп плазменных пушек десантного бота осуществлялся почти в упор. Наблюдая, как на месте вражеского шпиона распускается быстро бледнеющее облако взрыва, я испытывал смешанные чувства.

– Лейтенант, а что мы будем делать, если после уничтожения разведчика они решат сразу бросить эсминец в атаку? – Кната, похоже, одолевали те же сомнения, что и меня.

– Это не логично, – я старался говорить уверенно, хотя отлично понимал, что в данном случае пытаюсь успокоить не только сержанта, но и себя самого. – Думаю, после уничтожения их орбитальной группировки, мятежники ожидали от нас подобного хода. Для командира эсминца это ничего не проясняет. Вот если бы мы разнесли этого шпиона его ракетой, тогда да. Но Хирч же не идиот, и прекрасно понимает, что если мы в состоянии ликвидировать вражеский разведчик с помощью более простых средств, то именно их мы и используем, а не будем демонстрировать командиру «Консула Прана» наличие у нас более серьезных систем ПКО.

– Звучит, конечно, убедительно, – неуверенно качнул головой сержант, – вот только последний допрос лейтенанта Кри меня очень напряг. С логикой у него явно что-то не то, и не факт, что подобные изменения не начались в мозгах офицеров эсминца.

Стеклянистую массу, в которую спекся реголит и пластобетон, мы пробили направленными взрывами. Установленные по кругу заряды раскололи оплавленную породу и

позволили нам расчистить место входа в будущую штольню.

Внушительная воронка, которую выбрала для нас Летра в качестве самой удобной точки старта, напоминала небольшой кратер. Ее диаметр перевалил за две сотни метров, а глубина – за семьдесят. Скорее всего, сюда попала плазменная торпеда, причем ближе к концу боя, когда защитное поле базы было уже подавлено. Перекрытия первого подземного уровня, заглубленного в лунный грунт на сотню метров, сложились, как карточный домик. Там вряд ли что-то могло уцелеть. Второй уровень лежал на тридцать метров ниже. Ему тоже изрядно досталось, но, судя по выдержавшему удар универсальному проходчику, пластобетонные конструкции все же смогли погасить значительную часть энергии взрыва. Сами они, правда, при этом все же не устояли и рухнули внутрь ангаров и коридоров, однако наличие на втором уровне уцелевшего механизма давало надежду, что на более низких ярусах базы многое могло уцелеть.

Чтобы добраться до нужного ангара нам предстояло прокопать наклонную штольню длиной около сотни метров. Для команды из десяти человек, только трое из которых имели удобные скафандры, эта задачка казалась, мягко говоря, трудновыполнимой, особенно с учетом того, что, добравшись до цели, нам предстояло еще как-то освободить из каменного плена универсальный проходчик. И все же низкая гравитация оказалась очень серьезным фактором, сильно облегчившим нам работу.

Электрические буры легко вскрыли обнажившийся под стеклянной коркой грунт.

– Для начала лучше ограничиться неглубокими шпурами, – раздался в моем шлеме голос Олега Савина – нашего главного специалиста по горному делу. – Сантиметров пятьдесят, пожалуй. Неизвестно, как поведет себя порода при взрыве.

Десантники с бурами отошли за наши спины, а мы с сержантом начали аккуратно заряжать шпуры цилиндрическими капсулами с аммонитом. Этот вариант взрывчатой смеси был адаптирован к безвоздушной среде и усилен за счет использования гексогена вместо традиционного тротила.

– Командир, давайте в первый раз забойку я сделаю сам, – настойчиво предложил Савин.

Я молча отодвинулся в сторону, освобождая горняку место, и Олег принялся аккуратно заполнять полости шпуров породой и плотно ее утрамбовывать. Забойка позволяла увеличить эффективность действия взрывчатки, препятствуя преждевременному выходу из шпура продуктов детонации. Учитывая, что количество зарядов аммонита у нас было совсем не бесконечным, к этой процедуре стоило подходить со всей

тщательностью.

– Готово, – минут через десять доложил Савин.

Мы отошли на безопасное расстояние, разматывая за собой жгут проводов, соединенных с электродетонаторами зарядов.

Грунт под ногами едва ощутимо вздрогнул. Взрыв выбил из шпуров фонтаны пыли и мелких осколков породы, непривычно медленно оседавших на поверхность. Свою работу аммонит сделал на отлично.

– Следующие шпуры будем делать метровыми, а дальше, как пойдет, – прокомментировал Савин результаты взрыва.

Начало нас вдохновило, но по мере проходки штольни сложность работ стала быстро возрастать. Относительно мягкие породы сменились более плотными и твердыми. Даже после взрывов оставались крупные обломки, вытаскивать которые на поверхность приходилось с помощью лебедок.

Работали двухчасовыми сменами по три человека, стараясь не останавливать проходку ни на минуту, но скорость продвижения к цели все время снижалась. Вскоре стали попадаться крупные обломки пластобетона, бурить которые было сложно, а аммонит брал их крайне неохотно. Если бы не использованные для изготовления буров фрагменты брони моего истребителя, на этом наше продвижение вперед могло и закончиться.

Местами свод штольни приходилось крепить, но в основном низкая гравитация помогала нам и здесь – опасность обвала Летра оценивала, как минимальную. Через пять суток непрерывных работ фрагменты пластобетона исчезли – мы прошли зону залегания обломков первого подземного уровня.

Я почти физически ощущал, как утекает сквозь пальцы отпущенное нам время. Что происходит в голове командира эсминца, предсказать было решительно невозможно. Атака могла последовать в любую минуту, и, честно говоря, я не понимал, что удерживает мятежников от немедленных действий. Контроль над ситуацией они потеряли, и дальше перед ними вставал выбор всего из двух вариантов. Можно было попытаться восстановить орбитальную группировку минидронов, задействовав второй и последний малый разведчик. Никакой гарантии положительного результата это не давало, но, по крайней мере, позволяло восстановить статус-кво, вернув расклад к состоянию до битвы за Днепр. Этот путь требовал времени и по большому счету совершенно не гарантировал выполнения задачи. Ну а вторым вариантом являлась немедленная атака и орбитальный удар по крупнейшим городам и промышленным центрам США, СССР и Великобритании. В то, что командир мятежников выбрал первый

путь, я не очень-то верил. Тем не менее, с атакой он почему-то тоже медлил.

Еще через восемь дней мы уперлись в просевшую, но не раздробленную взрывом плиту перекрытия второго подземного горизонта. Пять часов мы пытались ее пройти, и в итоге смогли углубиться в пластобетон только на полметра, сломав при этом несколько буров и израсходовав треть оставшейся в нашем распоряжении взрывчатки.

– Летра, что сканеры видят под плитой? – спросил я после того, как очередной бур приказал долго жить.

– Там пустота. Ну, не совсем пустота, конечно. Стены ангара частично обрушились, и пространство изрядно завалено обломками, но дрон-разведчик сможет там перемещаться достаточно свободно.

– Может, плазмой попробовать? Проходчик мы при этом не повредим?

– Да не должны… – с некоторым сомнением в голосе ответила Летра. – Он завален обломками, и они его неплохо защищают. Вот только выдержит ли штольня? Это даже мне рассчитать сложно. Когда взрывается аммонит, с потолка разве что песок сыплется, а вот если приложить из стрелкового комплекса… Тут и температура будет совершенно другой, и продукты взрыва по штольне вверх пойдут, создавая изрядную ударную волну.

– Ну, зачем же сразу из «РОКа» палить? У меня есть кое-что поделикатнее. В спасательном комплекте пилота имелся плазменный пистолет. Я им всего пару раз воспользовался, когда отпугивал в тайге слишком наглое и голодное зверье, так что зарядов там еще достаточно.

– Слабоват он, конечно, – Летра была явно не в восторге от моей идеи, – но в режиме максимальной мощности попробовать можно. Хуже точно не будет.

Я приказал всем, кроме Кната покинуть штольню. Только у нас были боевые скафандры, которые, случись что, могли помочь выжить в экстремальных условиях. Для начала я метров с десяти выстрелил в пробитое нами углубление одиночным зарядом. В тесном закрытом пространстве даже весьма скромный плазменный сгусток ухитрился наделать дел. По броне стегнули осколки камней. От потолка штольни отвалился пласт породы и неспешно рухнул на пол. На наше счастье он оказался небольшим и упал метрах в трех перед нами.

На пластобетонное перекрытие мой выстрел произвел довольно скромное впечатление. Летра была совершенно права – мощности пистолета для такого дела могло и не хватить. Тем не

менее, углубление едва заметно увеличилось в размерах, покрывшись блестящей стеклянистой коркой.

– Продолжим? – сержанта, судя по всему, посетили те же мысли, что и меня.

Я молча вернулся на исходную позицию и начал методично всаживать в воронку заряд за зарядом, не обращая внимания на бьющие по броне осколки и регулярно отваливавшиеся от потолка и стен куски породы.

– Когда рядом с прицельным маркером шлема вспыхнула оранжевая пиктограмма, сообщавшая об исчерпании боезапаса, весь пол перед нами был усеян камнями, а пространство впереди почти не просматривалось из-за медленно оседавшей пыли. Впрочем, все это меня не особо беспокоило – главное, что штольня уцелела.

Мы двинулись вперед. Уже с нескольких метров было видно, что углубление стало заметно шире и глубже. Подойдя к нему вплотную, я посветил вниз. Дна у воронки не было. Неровные стенки, покрытые блестящей коркой, обрывались примерно метра через полтора, и луч фонаря уходил куда-то вниз, выхватывая из темноты хаос обломков и исковерканных фрагментов каких-то механизмов. Несколько зарядов, похоже, проникли внутрь помещения, разметав их в разные стороны и освободив небольшое пространство под пробитым в перекрытии отверстием.

Универсальный проходчик заклинило между полом и просевшим перекрытием. Конструкция этого довольно прочного механизма изначально рассчитывалась на возможные обвалы, и только поэтому он смог пережить разыгравшийся в ангаре техногенный катаклизм. Вот только освободить его из плена оказалось весьма непросто. Мы смогли более-менее расчистить окружающее пространство, но что делать с придавившей проходчик плитой, никто не знал.

– Нужны мощные домкраты, чтобы хоть немного приподнять плиту. Без них ничего мы не сделаем, – уверенно заявил Савин, в очередной раз выбравшись из тесного прохода между грудами обломков и бортом машины. – Вот только как мы их сюда протащим, даже если привезем с Земли, я совершенно не представляю.

– Плиту лучше не трогать, – сразу отозвалась Летра. – Дроны ее просканировали и составили карту напряжений. Если начать отжимать ее вверх, здесь все может обрушиться.

– Еще веселее, – мрачно отозвался горный инженер, – А если мы каким-то образом вытащим этот танк, перекрытия не сложатся?

– Скорее всего, нет, но поставить дополнительные крепи лишним не будет.

– Звучит обнадеживающе, – хмыкнул Савин, с сомнением оглядываясь на застрявший проходчик. – Особенно слова про «скорее всего».

Сравнение универсального проходчика с танком показалось мне весьма условным. Похожими, пожалуй, были только размеры и наличие внушительной брони. В остальном этот шагающий робот скорее напоминал разросшегося до полного неприличия жука-носорога. Сейчас, правда, он не слишком походил на это грозное с виду насекомое. После начала атаки на Лунную базу вычислитель проходчика оценил угрозу обвала как высокую, и принял меры для минимизации возможного ущерба. Он втянул под броню все внешнее оборудование и сложил под «брюхо» шесть своих мощных ног, почти так же, как это делают настоящие жуки.

Эти профилактические действия оказались весьма своевременными, поскольку обвал таки случился, вот только проходчик, прижатый сверху мощной плитой перекрытия, полностью потерял возможность вновь трансформироваться в рабочее состояние. По команде Летры он попытался освободить конечности, но из этого ничего не вышло, а сделать что-то с косо лежащей у него на спине плитой он не мог, поскольку встроенное проходческое оборудование не предполагало разворота под такими углами.

– Летра, что находится у нас под ногами? – неожиданно присоединился к обсуждению полковник Лебедев.

– Сорокасантиметровое пластобетонное перекрытие, под которым расположен частично разрушенный технический горизонт высотой от одного до полутора метров. Дальше идет еще одна плита, толщиной…

– Спасибо, этого достаточно, – остановил Летру полковник. – Если нельзя трогать потолок, нужно пробить пол вокруг этого жучары, и он просто провалится вниз. Падать ему невысоко, так что вряд ли он повредится. А вот верхняя плита и правда смущает. Если сейчас ее удерживает от обрушения корпус проходчика, то, как только он перестанет ее подпирать…

– Если бы плита опиралась только на робота, она бы давно его расплющила, – возразила Летра. – Я же говорю, можно поставить дополнительные крепи, но это больше для самоуспокоения.

Пластобетон – штука очень прочная, в чем мы имели возможность убедиться, пробивая полутораметровое верхнее перекрытие второго подземного уровня. Новое препятствие,

правда, имело гораздо более скромную толщину, но зато весьма впечатлял периметр пробиваемого отверстия.

Летра подсчитала необходимый расход взрывчатки и оценила ресурс оставшихся у нас электрических буров. По ее прикидкам выходило, что у нас есть всего одна попытка. Если с первого раза пробить плиту не получится, за расходниками придется лететь на Землю.

С бурением шпуров мы провозились больше суток. Гадский пластобетон совершенно не желал уступать пусть и довольно мощному, но все же ручному инструменту. Отверстия приходилось сверлить довольно близко друг к другу, иначе взрывы капсул с аммонитом могли и не справиться с разрушением перекрытия.

Пока наш горный инженер лично заряжал шпуры взрывчаткой и проводил забойку, мы строили крепи. Все, кроме Летры, весьма скептически относились к несущей способности поврежденного потолочного перекрытия, так что его укреплением было решено заняться всерьез. Мы извели на эти цели все оставшиеся тюбинги и даже использовали подручные материалы – обломки того же пластобетона и разрушенных механизмов, извлеченные из почти полностью обвалившейся восточной части ангара. Парни старались изо всех сил, но, на мой взгляд, получившиеся подпорные конструкции доверия не внушали. Впрочем, это было всё, что мы могли сделать, так что в душе я надеялся на правоту Летры, действительно очень тщательно обследовавшей потолок с помощью дронов-разведчиков.

– Всё, командир, – доложил покрытый пылью с ног до головы Савин. – Можно взрывать.

– Отряду покинуть штольню, – отдал я приказ по общей трансляции. – Летра, оставь здесь одного дрона. Пусть он ведет трансляцию, а мы лучше понаблюдаем за взрывом с поверхности.

Далеко уходить от входа в штольню мы не стали. Как только горный инженер подключил провода к подрывной машинке, один из державшихся рядом с нами дронов развернул над собой голографическое изображение, транслируемое его собратом из ангара.

– Готов, – коротко доложил Савин.

– Подрыв!

Картинка заметно вздрогнула, и почти сразу небольшое расчищенное пространство в разрушенном ангаре затянуло пылью, фонтанами вырвавшейся из шпуров. Дрон изменил режим сканирования, и изображение прояснилось. Похоже, мощности оставшегося у нас аммонита все-таки не хватило на то, чтобы полностью обрушить перекрытие под роботом. Плита треснула

только с одной стороны и косо провалилась вниз. Робот накренился, несколько секунд балансировал в неустойчивом равновесии, а потом съехал почти на метр по наклонной плоскости в и уперся бортом в край пролома.

Я перевел взгляд на потолок. Кажется, в нем появилось несколько трещин, которых я раньше не видел, хотя, возможно, их просто закрывал корпус робота. Хуже было то, что из этих трещин сыпался песок и мелкие камешки. Одна из возведенных нами крепей неожиданно разлетелась на части, чуть не похоронив под собой дрона, продолжавшего вести трансляцию.

– Летра! – в голосе Лебедева звучали нехорошие нотки. – Что происходит?

– Небольшая деформация, вызванная сотрясением при взрыве, – невозмутимо отозвался искусственный интеллект. – Верхнее перекрытие устояло.

Теперь уже всем было видно, что потолок не собирается обрушиваться дальше. Я перевел взгляд на робота. Над проломом, в который он провалился неторопливо появилась металлическая лапа, затем вторая. Выбраться наверх проходчик пока еще не мог – низко нависшая плита перекрытия все еще ему мешала, но теперь робот получил некоторую степень свободы и мог использовать встроенное оборудование.

Сегментная броня раздвинулась, выпуская наружу проходческие лазеры. То, над чем мы трудились больше суток, заняло у специализированной машины минуты. Пластобетонная плита, отделявшая ангар от технического горизонта, была беспощадно взрезана и бесшумно провалилась вниз вместе с покрывавшими ее обломками. Расчистив манипуляторами образовавшуюся траншею полутораметровой глубины, робот аккуратно продвинулся вперед – туда, где просевший потолок ангара уже не был таким низким. Металлический жук выбрался наверх, слегка присел и вновь выпрямил конечности, проверяя их подвижность, поочередно выдвинул и снова убрал под броню манипуляторы и еще десяток других специальных устройств, после чего развернулся на месте и замер. В шлеме моего скафандра раздался синтетический мужской голос:

– Господин командующий Лунной базой, универсальный проходчик «Монолит-Т7» готов к работе. Жду указаний.

Наклонную штольню к блоку центрального вычислителя робот-проходчик пробил за семь часов. Его специализированные сканеры просвечивали завалы на десятки метров вглубь, так что в двух местах он смог облегчить себе работу, использовав сохранившиеся участки подземных уровней, в которых даже

сохранилось несколько небольших помещений. Мы стали богаче на два скафандра, воспользоваться которыми их бывшие хозяева просто не успели. К сожалению, это была не боевая броня, а экипировка научной группы, но в данном случае и это стало для нас большим подарком.

Аккуратно вскрыв очередную пластобетонную преграду, проходчик остановился и прижался к стене, пропуская нас вперед. Задачу он выполнил. Перед нами открылся широкий коридор, ведущий в блок вычислителя.

Во время боя с крейсером никого из персонала базы здесь не было. Техники и системные инженеры приходили сюда только для проведения профилактических и ремонтных работ, но по злой иронии судьбы именно этот блок оказался одним из немногих мест на Лунной базе, где у людей имелись шансы уцелеть. Увы, шансом этим никто не воспользовался.

Нас встретил одинокий ремонтный дрон сильно побитый жизнью. На его корпусе виднелись вмятины от ударов крупных обломков, а манипуляторы носили следы сильного износа.

– Ремонтники пытались пробиться в заваленную часть блока, – отследив мой взгляд, пояснила Летра. – Там осталось еще пять моих системных модулей. Правда, неизвестно, в каком они состоянии. К сожалению, тогда получить к ним доступ не удалось.

– Так в чем проблема? Ставь задачу проходчику.

– Для него сейчас найдется более важное дело, как и для восьми уцелевших ремдронов, – чуть помедлив, ответила Летра. – Очень хорошо, что вы сюда пробились. Робот-проходчик слишком велик и плохо приспособлен к тонким работам, зато теперь в вашем распоряжении будут менее крупные и более универсальные ремдроны, которые смогут аккуратно извлечь из-под завалов то, что еще можно спасти.

Легкая заминка Летры перед ответом не ускользнула от моего внимания, но я решил обдумать это позже. В данный момент у меня хватало других проблем.

– Считаешь, нужно отправить их проверить, что осталось от позиции пятой батареи ПКО?

– Если что-то и уцелело, то только там, – подтвердила мою догадку Летра. – Батарея вступила в бой в самом конце сражения. Мятежники до последнего о ней не знали, и ей могло достаться не так сильно, как остальным.

– Мы там все осмотрели. Что с орбиты, что с поверхности пусковые выглядят полностью уничтоженными. Там одни воронки, глыбы пластобетона и отдельные фрагменты искореженного металла.

– Вот это и внушает некоторую надежду. Если сравнить картину разрушений на пятой батарее ПКО с тем, что творится на других позициях, сразу видно, что ей прилетело заметно слабее. Пусковые, конечно, полностью разрушены, но заглубленные бункеры с боезапасом могли сохраниться, а там должен быть почти полный комплект – батарея успела сделать всего несколько залпов.

– Ну так почему мы теряем время?

– Ты не забыл, кто здесь командующий? – невозмутимо спросила Летра. – Я жду твоего приказа.

– Считай, что он у тебя уже есть.

– Выполняю.

Из четырех бункеров, в которых хранился боезапас пусковых установок пятой батареи ПКО, более-менее целыми остались два. Но именно что более-менее. Механизмы подачи ракет к установкам намертво заклинило. Автономные энергоблоки получили серьезные повреждения и отключились. Перекрытия бункеров частично обрушились, повредив значительную часть ракет, но кое-что все-таки уцелело.

– У нас есть двадцать четыре полностью исправных ракеты дальнего радиуса, – доложила Летра, обработав данные, поступившие от проходчика и ремдронов. – Еще десяток вызывают сомнения. Использовать их можно, но результат непредсказуем. Где-то повреждены системы маскировки, где-то провален тест модуля самонаведения… В общем, отказ возможен в любой момент.

– А средний и малый радиус?

– Средних роботы нашли одиннадцать штук. Это те, которые прошли все тесты. Именно средним радиусом батарея долбила по крейсеру, поэтому их так мало и осталось. А ракеты малого радиуса нам бесполезны. Их-то уцелело пятьдесят семь штук, но без пусковых установок их не запустишь.

Доклад Летры вызвал у меня противоречивые чувства. С одной стороны, безусловно, радовало, что теперь у нас есть серьезный аргумент против эсминца мятежников, а с другой, без пусковых установок ракеты ПКО теряли значительную часть боевой эффективности. Пусковая дает ракете начальный разгонный импульс и ведет ее своими системами сканирования и дистанционного управления, пока автономная система наведения не захватит цель с достаточной надежностью. Без всего этого, конечно, можно обойтись. С поверхности планеты ракету без пусковой установки не запустишь, а вот прямо из космоса – пожалуйста. Вот только разгоняться ей придется на собственных

двигателях, что увеличит подлетное время и отрицательно скажется на максимальной дальности. Полет на одной десятой скорости света требует частичного погружения в гипер, а этот режим жрет уйму энергии, и если тратить ее на первичный разгон, в самый нужный момент ракете ее может просто не хватить.

– Роботы расчистили завалы и извлекают ракеты. Тебе нужно решить, что с ними делать дальше – на поверхности Луны они бесполезны.

– Будем поднимать их на орбиту. Там крутятся обломки крейсера мятежников. Попробуем спрятать ракеты среди них.

– Общая масса изменится. Это будет заметно. Придется лишние обломки стаскивать с орбиты, но в целом идея рабочая… Обнаружен противник! – голос Летры сорвался на крик. – Три миллиона километров. Идет под маскировочным полем. Это не малый разведчик – цель слишком крупная. Лейтенант, они решились на атаку! Мы не успеем ничего сделать.

– Куда он идет, к нам или к Земле?

– Пока непонятно – еще слишком далеко.

– Сообщи на Землю. Пусть объявляют воздушную тревогу в крупнейших городах. Сколько у нас времени?

– Минут двадцать. Может быть, двадцать пять. Зависит от его маневров.

– Бери контроль над ботом и сажай его на поверхность. Мне нужно хотя бы две ракеты дальнего радиуса на орбите.

– Мы не успеем. Их же еще придется как-то прикрепить, – возразила Летра, но команду вычислителю бота отдала.

– Ну так думай над этим!

– Уже думаю. Пока, правда… Стоп! Мощности двигателей бота вполне хватит, чтобы поднять с Луны одновременно универсальный проходчик и ракету. Сам «Монолит» может закрепиться под днищем бота с помощью своих манипуляторов, а шестью «лапами» обхватить и зафиксировать груз. Это почти не займет времени…

– Действуй!

– Выполняю! – в голосе Летры я с удивлением услышал злой азарт.

Бот вертикально падал на поверхность Луны. Серая равнина, обезображенная стеклянисто поблескивающими воронками, стремительно надвигалась, разворачиваясь в плоскость. Внизу уже без всякого увеличения были видны роботы, суетившиеся вокруг металлического цилиндра ракеты.

Торможение было настолько резким, что гравикорректор не смог полностью его погасить. Меня с изрядной силой вжало в

кресло. Бот содрогнулся от довольно жесткого соприкосновения с броней проходчика, уже оседлавшего ракету – Летра не желала терять ни секунды.

«Монолит» вцепился манипуляторами в выступы на корпусе десантного бота, и Летра немедленно рванула машину вверх, стремясь максимально быстро достичь ближайшей группы обломков мятежного крейсера.

– Противник идет к Земле! Через три с половиной минуты будет на высоких орбитах. Ирс, с целью что-то не так… Параметры несколько отличаются от стандартных для эсминца. С учетом маскировочного поля данные поступают с большой погрешностью, но расхождения растут по мере сокращения дистанции.

– Перехватить успеем?

– Одной ракетой? Успеем, но для эсминца это даже не смешно.

– А для корабля поддержки?

– Считаешь, это не «Консул Пран»?

– Отцепляй ракету. Сама подумай, Хирч долго не решался соваться к планете, даже когда имел куда больше сведений о том, что творится в околоземном пространстве, а тут вдруг бросился в слепую атаку. С чего бы?

– Ракета готова.

– Твои сателлиты держат цель?

– Держат, но…

– Пуск!

В хвостовой части отпущенной на свободу ракеты возникло бледное свечение, мгновенно превратившееся в едва различимый росчерк, когда выведенный на максимальную мощность двигатель бросил ее к цели.

– Давай назад на Луну. Будем вытаскивать на орбиту остальные ракеты. Сейчас Хирч увидит, что мы почти безоружны и приведет к Земле эсминец.

– Противник спускается на низкую орбиту. Идет над Тихим океаном. Через двадцать секунд будет над Нью-Йорком.

– Прав был лейтенант Кри. Все происходит, как он и сказал. Первая цель– крупнейший город мира. Почти двенадцать миллионов человек…

– Автономная система наведения ракеты захватила цель. Ты прав, это не «Консул Пран». Десять секунд до удара… Плотный встречный огонь! У транспорта не должно быть столько пушек непосредственной обороны!

Отметка ракеты на голографической проекции совершила несколько хаотичных прыжков, пытаясь избежать попаданий.

Несколько секунд это удавалось, но потом маркер мигнул и расплылся жирным кружком.

– Всё, – мрачно сообщила Летра. – Самоподрыв. Система наведения ракеты поняла, что не сможет уклониться от зенитного огня и подорвала заряд. Увы, слишком далеко. Защитное поле, скорее всего, отразило поражающие элементы и защитило цель от повреждений.

Я продолжал наблюдать за кораблем мятежников с помощью тактической голограммы. Противник находился уже над территорией США.

– Наблюдаю пуск противокорабельной торпеды класса «Онагр», -доложила Летра, хотя я и сам прекрасно видел, что происходит. – Изрядная дрянь. При удачном попадании может пробить поле и изрядно огорчить даже линкор последнего поколения. Только кто ее до линкора допустит…

– Сколько до удара?

– Пять секунд.

Орбитальные сателлиты с беспощадной точностью разворачивали передо мной картину последних секунд жизни огромного города. Засыпанный снегом Нью-Йорк вытянулся в небо шпилями небоскребов Манхэттена. Мегаполис с опустевшими из-за воздушной тревоги улицами словно бы сжался в ожидании удара, понимая, что отразить его он не сможет.

Я видел точку торпеды, рвущуюся к земле в ярко светящемся облаке плазмы. Никто не проектировал ее специально для применения в атмосферах планет, но такой режим все-таки предусматривался на случай отсутствия или выхода из строя штатных средств подавления противоорбитальной обороны.

Ослепительная вспышка затмила полуденное солнце. Огненный шар накрыл центр города. Через несколько секунд он потускнел и опал, оставив после себя огромную дымящуюся воронку, по краям которой громоздились уродливые остовы снесенных почти до основания домов и сплошное поле дымных пожаров, простиравшееся на несколько километров вокруг.

И все-таки противокорабельная торпеда не предназначалась для ударов по таким целям, как крупные города. Её задачей являлось вскрытие защитного поля и пробитие брони тяжелого корабля. Основной удар был направлен вниз, в землю. В результате воронка получилась весьма впечатляющей, центр города перестал существовать, но за его пределами дома по больше части уцелели, лишившись стекол и кое-где крыш.

– Он может повторить удар… – неуверенно предположила Летра.

– Не думаю, что мятежники рискнули поставить все на эту

атаку. – Возразил я, наблюдая, как к нам снова стремительно приближается поверхность Луны. – Вряд ли у него много торпед. Это же разведка боем. А если бы мы его сбили?

Следующая ракета уже ждала нас внизу, и как только десантный бот завис над поверхностью, робот-проходчик немедленно сцапал ее своими нижними конечностями, и мы снова рванули вверх – на орбиту.

– Противник над Лондоном! – негромко доложила Летра.

– Вижу.

Секунды тянулись в молчании, но ничего не происходило. Миновав Британскую столицу, транспортный корабль поднялся на высокую орбиту и начал активное сканирование поверхности Земли.

– Нет у него больше торпед. Интересно, почему он не идет к Луне? – задумчиво произнесла Летра. – Здесь для него много интересного.

– Нечего ему тут делать. Если над Землей транспорт атаковали ракетой, то над нашей базой его точно собьют. Мятежники и так сильно рисковали одним из двух своих кораблей, и терять его просто так они вряд ли захотят. Свою главную задачу он выполнил – спровоцировал ракетный залп, оказавшийся жидким и несерьезным. Теперь в дело вступит сам «Консул Пран».

– Рузвельт мечет молнии и требует тебя на связь.

Включай.

На борту бота я сейчас был один. Все остальные десантники остались внизу, в нескольких наспех восстановленных помещениях Лунной базы, посменно помогая ремдронам разбираться с извлечением на поверхность уцелевших ракет.

– Слушаю вас, мистер президент.

– Генерал-полковник, вы обещали защитить наши города! – в голосе Рузвельта звенел металл. – Нью-Йорк лежит в руинах. Погибли десятки тысяч людей. Возможно, сотни тысяч! Что происходит?!

– Мне жаль, мистер президент, но отразить первый удар мы не смогли. Просто не успели. На момент появления над землей вспомогательного корабля мятежников у нас в состоянии готовности к пуску была только одна ракета. Увы, она была сбита зенитными средствами противника.

– Вспомогательный корабль?

– Да, мистер президент. Удар по Нью-Йорку был лишь разведкой боем. Противник бросил в атаку транспортное судно с единственной тяжелой торпедой на борту, чтобы проверить, что мы сможем противопоставить этой угрозе. Мы не смогли почти

ничего. Теперь в течение нескольких часов на орбите Земли появится эсминец «Консул Пран», но к его прибытию мы подготовимся лучше. У нас почти сорок исправных ракет. Вот только их нужно извлечь из разрушенных бункеров и поднять на лунную орбиту. Если мы не успеем, трагедия Нью-Йорка повторится в десятикратном масштабе.

Президент США молчал почти полминуты.

– До сегодняшнего дня, мистер Нагулин, вы ни разу не дали мне повода разочароваться в вас, – голос Рузвельта звучал так, будто президент разом постарел на десяток лет. – Я неплохо знаю людей, и очень надеюсь, что сегодня мне не придется признаться себе в том, что я совершил фатальную ошибку, доверив вам судьбу моей страны.

– Всё, Ирс, что могли, мы сделали, – доложила Летра, когда последняя извлеченная из развалин ракета заняла место на лунной орбите среди мертвых обломков крейсера «Адмирал Кун».

– Мы сможем его уничтожить?

– Не знаю. Пленные говорили, что эсминец не в лучшем состоянии, но они же десантники, а значит, деталей не знали. На транспорте явно установлены дополнительные зенитные средства, уж очень бодро он палил по нашей ракете. Откуда они? Возможно, сняты с эсминца, как и торпедная пусковая установка. Если это так, нам будет проще, но знать наверняка мы не можем.

– Ну, а если считать, что корабль мятежников полностью боеспособен, сколько у нас шансов?

– Процентов двадцать, – безжалостно констатировала Летра, – да и то не уничтожить, а серьезно повредить и заставить отказаться от орбитальных ударов.

Мое и так не самое радужное настроение быстро превращалось в нечто совершенно неприемлемое.

– Пораженческие настроения, товарищ Летра? Может мне стоило захватить на Луну уважаемого Лаврентия Павловича? Глядишь, и шансы бы повысились…

– Ну, это ведь самая пессимистичная оценка, – осторожно ответила «девушка с Луны». – Ты сам такие условия сформулировал.

– Не обращай внимания. Это я себе думать так помогаю. Ответь мне лучше вот на какой вопрос: сколько ракет среднего радиуса можно утащить на внешней подвеске десантного бота?

– Ты это о чем? – подозрительно спросила Летра, – Нет у него внешней подвески для таких здоровых дур.

– Хорошо, давай иначе. Сколько ракет можно утащить любыми способами, включая самые безумные, вроде твоей идеи с

прицепившимся к днищу роботом-проходчиком?

– А можно узнать, с какой целью ты этим интересуешься? Может, тогда мне задача понятнее станет?

– Ну, раз уж мы перешли к ответам вопросом на вопрос, то вот тебе еще один. Как изменятся наши шансы, если часть ракет мы запустим не с лунной орбиты, а с земной, рассчитав пуск так, чтобы этот удар пришелся именно в тот момент, когда защитные системы эсминца будут перегружены работой по целям, стартовавшим от Луны?

– Сложно сказать…

– Не увиливай. Я задал прямой вопрос и хочу получить конкретный ответ.

– Примерно удвоятся, – обреченно произнесла Летра. – Ирс, ты сам-то понимаешь, что это приговор для тебя и твоих людей? Ракеты на орбите Земли можно спрятать только под маскировочным полем бота. Шансов на успех будет тем больше, чем ближе вы окажетесь к эсминцу, но как только ракеты стартуют, вас обнаружат. Мне продолжать? Или, может быть, ты надеешься устоять со своими игрушечными пушками против главного калибра «Консула Прана»?

– У нас нет другого выхода, и ты сама это знаешь, – я старался говорить спокойно, и, на удивление, мне это даже удавалось. – Плохо, что всех наших придется взять на борт. На Луне их оставлять нет никакого смысла. База непригодна для сколько-нибудь длительного обитания, и, если мы не сможем за ними вернуться, их ждет мучительная смерть без шансов на спасение. Уж лучше погибнуть в бою, я полагаю.

– Ты уже всё решил? И за них тоже?

– Да, я всё решил. И я по-прежнему жду ответа, сколько ракет утащит и сможет прикрыть маскировочным полем десантный бот?

– Шесть. Мы не будем использовать робота-проходчика – он слишком крупный и тяжелый. Без него было не обойтись при взлете с Луны, а с орбиты можно стартовать более аккуратно, так что с фиксированием ракет справятся гораздо более компактные ремонтные дроны. Мне приступать к выполнению?

– Летра, я, конечно, могу ошибаться, но, по-моему, я слышу от тебя уже второе креативное предложение за сегодняшний день. Я ничего не путаю?

– Не трогай меня с этим сейчас, пожалуйста, и без тебя тошно. – С неожиданной досадой ответила Летра. – Поговорим об этом завтра, ладно?

Капитан-лейтенант Хирч непроизвольно поморщился, пытаясь хоть на секунду отвлечься от преследовавшей его

головной боли. Руководить сражением в подобном состоянии совершенно точно не следовало, и командир эсминца решил, что в такой день можно и нужно воспользоваться комплексом боевых стимуляторов.

Приложенный к запястью инъектор издал едва слышное шипение и зажег зеленый индикатор, известивший Хирча об успешном завершении процедуры. Когда командир вошел в помещение командного поста, боль отступила, и в голове образовалась кристальная ясность. Он шел к сегодняшнему дню много месяцев, и сегодня ничто не должно ему помешать сделать решающий шаг к выполнению поставленной задачи.

По характерному блеску глаз зама по вооружению и старшего инженера Хирч определил, что не он один решил прибегнуть к помощи сильнодействующих медикаментов, но в данный момент это его совершенно не волновало. Напротив, он даже одобрил в душе действия офицеров.

– Фиксирую работу сканеров противника, – доложил оператор контроля пространства. – Судя по мощности и профилю облучения, нас обнаружат через сорок секунд.

– Ну что ж, пусть хотя бы видят, кто их уничтожит, – усмехнулся Хирч. – Готовьте торпеды к пуску, лейтенант. Первая цель – Лондон, вторая – Москва. Дальше пройдемся из плазменных пушек по промышленным районам за Уралом и вернемся к территории США.

– Мы обнаружены противником. Ракетных пусков не наблюдаю.

– Продолжать выполнение задачи.

– Принято. До выхода на первую цель восемь минут.

Хирч прохаживался вдоль висящей в центре командного поста тактической голограммы, на которой все большее пространство занимал шар планеты. После безнаказанного удара слабо вооруженного транспорта по ее крупнейшему городу командир эсминца не ожидал серьезного сопротивления. Минуты утекали одна за другой, а противник никак себя не проявлял.

– Приступаю к маневру выхода на низкую орбиту, – поступил доклад от первого пилота.

Хирч даже испытал некоторое разочарование и досаду. Он не предполагал, что все будет настолько просто. Видимо, он сильно переоценил возможности противника и зря потерял столько времени. Тем неожиданнее для командира эсминца оказалось одновременное появление на голограмме десятков ярко-красных отметок.

– Ракетный залп с лунной орбиты! Тридцать две цели. Подлетное время три минуты.

– Вычислитель, прогноз!

– Успешное отражение ракетной атаки – шестьдесят процентов. Легкие повреждения – тридцать процентов. Серьезные повреждения – девять процентов. Гибель корабля – менее одного процента.

«Консул Пран» изменил курс, стремясь заставить атакующие ракеты дольше находиться в зоне действия своих зенитных средств. Этот стандартный маневр даже не потребовал от Хирча никакого участия – вычислитель прекрасно справился с ним самостоятельно.

– Пятнадцать секунд до огневого контакта!

Эсминец все еще находился почти на границе земной атмосферы. С точки зрения Хирча это было неплохо, поскольку ракеты могли атаковать его корабль только с одной стороны, представляя для пушек непосредственной обороны более удобную цель.

– Ракетная атака с кормы! – в голосе оператора контроля пространства зазвучали панические нотки. – Шесть целей! Семь! Это наш десантный бот, захваченный противником! Не понимаю, откуда у него ракеты?

– Молчать! Развернуть корабль бортом к противнику!

– Мы снизим шансы на отражение ракетного удара, – попытался возразить старший инженер.

– Выполнять!

Эсминец тяжело вздрогнул, совершая резкий разворот. Все же боевой корабль – не истребитель, и устраивать такие пляски на границе атмосферы ему совсем непросто.

Зенитные пушки открыли огонь. Сразу десять отметок атакующих ракет вспыхнули ярче и погасли, но остальные продолжили свой путь к эсминцу. Чем ближе они оказывались к огрызавшемуся огнем кораблю, тем сложнее им становилось уворачиваться от густо летящих в них плазменных сгустков.

– Двадцать шесть сбито!

– Попадание!

Эсминец нехорошо содрогнулся, но защитное поле отразило удар.

– Перегрузка эмиттеров защиты! Тридцать сбито!

Новый удар сотряс разворачивающийся корабль. На этот раз в помещении командного поста мигнул свет, а гравитационный вектор на пару секунд сместился на десяток градусов.

– Повреждение силовой установки. Теряем мощность! – доложил старший инженер, пытаясь с помощью виртуальной клавиатуры что-то сделать с консолью, управления двигателями полыхающей красными строками оповещений.

– Десантный бот пытается уйти в атмосферу!
– Уничтожить! Немедленно!
– Но заградительный огонь…
– Выполнять!

Орудия главного калибра, еще мгновение назад участвовавшие в отражении ракетной атаки развернулись на новую цель. Конечно, в общей плотности огня зенитных средств эсминца их доля была невелика, но, возможно, именно эта ничтожная доля решила судьбу корабля. Система наведения уже почти захватила не слишком быструю цель, когда одновременно две ракеты, ударили в корму уже лишенный защитного поля и так и не завершивший разворот эсминец. И все же выстрел состоялся. Короткая очередь плазменных сгустков унеслась наперерез ускользающему десантному боту, когда по агонизирующему кораблю уже катилась от кормы к носу волна необратимых разрушений, сопровождавшихся внутренними взрывами.

В помещении командного поста исчезла искусственная гравитация, рассыпалась искрами и погасла тактическая голограмма, смолкла бессмысленно завывавшая сирена боевой тревоги. В последние мгновения жизни капитан-лейтенант Хирч испытал ни с чем не сравнимое облегчение. Он спокойно закрыл глаза, представляя, как через какую-то секунду очнется в отключившейся капсуле виртуального тренажера и увидит перед глазами стандартные строки интерфейса, извещающие о завершении учебного задания.

Удар последовал в тот момент, когда я уже надеялся, что нам удалось уйти. Эсминец, смертельно раненый двумя почти одновременными попаданиями, еще огрызался огнем, но, в сущности, был уже мертв. И тем не менее, кто-то на его борту даже в этой ситуации сохранил достаточно воли и самообладания, чтобы отдать нужный приказ и перенацелить главный калибр для последнего залпа по уничтожившему его корабль врагу.

Десантный бот – довольно прочная машина. Он проектировался и строился в расчете на серьезное огневое противодействие при высадке на планеты и космические станции с лишь частично подавленной противокосмической обороной. И все же для прямого противостояния с боевым кораблем он никогда не предназначался.

В какой-то мере нашу участь облегчило то, что плазменные пушки эсминца выстрелили по нам уже в последние миллисекунды жизни корабля. Возможно, орудия не успели точно навестись или очередной взрыв в момент выстрела развернул

корабль на ничтожные доли градуса, но прямое попадание мы получили лишь одно.

Защитное поле не смогло отразить удар. Эмиттеры выгорели практически мгновенно, но оставшейся энергии взрыва не хватило на то, чтобы проломить броню. На мгновение все навигационные приборы ослепли. По машине будто ударили кувалдой. Нас резко бросило вниз, и, возможно, это и спасло поврежденную машину. Еще два взрыва зацепили нас лишь краем, раскалив броню до запредельных температур.

Свет в десантном отсеке погас. С гравикорректором, из последних сил старавшимся защитить людей от бешеных перегрузок, происходило что-то нехорошее. Гравитация скакала в широких пределах, погружая организм в полубессознательное состояние.

Летра пыталась до меня докричаться, но я не мог разобрать слов, да это сейчас было и неважно – сделать я все равно ничего не мог. Наружные микрофоны скафандра доносили до моих ушей неприятный скрежещущий вой, недвусмысленно говоривший о том, что жить десантному боту осталось недолго.

Я чувствовал непреодолимое дежавю. Два года назад я также падал в разваливающемся истребителе навстречу Земле, гадая на сколько хватит остаточной прочности корпуса и отказывающих друг за другом систем.

Получивший серьезные повреждения десантный бот все еще боролся за жизнь людей. Многократно дублированные системы постепенно приходили в себя после удара плазмы. Перед моими глазами слегка рассеялась красная муть, и я смог различить развернутую в поле зрения виртуальную карту. Мы падали в Тихий океан в нескольких сотнях километров от японского побережья.

Скачком вернулся слух.

– ... завершить торможение, – добрался, наконец, до моего сознания голос Летры, – На такой скорости нельзя катапультироваться, но я не уверена, что конструкция выдержит нужное время. Приготовьтесь! Я буду тянуть до последнего, но потом отстрелю капсулы, даже если скорость еще будет выше критической.

– Понял тебя, – услышал я на общем канале хрип полковника Лебедева.

– Действуй, – одобрил я решение Летры. – Других вариантов все равно нет. Что с остальными?

– Без сознания, но пока все живы.

Система катапультирования десантников являлась неотъемлемой частью конструкции бота. Получение машиной

боевых повреждений при прорыве к поверхности планеты являлась скорее нормой, чем исключением, так что средствам спасения экипажа и десанта разработчики уделяли пристальное внимание. Перед забралом моего шлема сомкнулись створки эллиптического кокона индивидуальной капсулы, полностью изолировав меня от десантного отсека. То же самое произошло с остальными бойцами отряда. От нас и раньше-то мало что зависело, а теперь мы окончательно могли рассчитывать только на безошибочность действий Летры.

На меня в очередной раз навалилась невыносимая перегрузка. Видимо, десантный бот доживал последние секунды, и Летра выжимала из его двигателей весь оставшийся ресурс, чтобы еще немного замедлить стремительное падение. А потом последовал удар, окончательно выбивший из меня сознание. Впрочем, судя по всему, беспамятство длилось недолго. В себя я пришел, когда овальная капсула, выдвинувшая из корпуса короткие крылья, стремительно пикировала в океан. Виртуальная карта отображала еще девять отметок, быстро приближавшихся к поверхности воды.

Тихий океан оправдывал свое название. Волнения почти не было. Капсула немного изменила курс, и я увидел, как на краю поля зрения появляются отметки двух десятков кораблей, полным ходом идущих к зоне вероятного приводнения наших капсул.

Поверхность океана стремительно надвинулась, закрыв все поле зрения. Тормозные двигатели смягчили удар, но капсула все равно довольно ощутимо приложилась об волны. Впрочем, по сравнению с перегрузками при катапультировании это были сущие мелочи. Легкое покачивание подсказало мне, что безумный полет сквозь земную атмосферу, наконец-то, окончен.

– Наши все живы?

– Все, но не все здоровы. Медблоки десантных капсул не дадут им умереть, а дальше придется нам с тобой и местным врачам изрядно поработать, чтобы люди калеками на всю жизнь не остались. Досталось им изрядно. Смотри, вас уже встречают, – в голосе Летры звучало облегчение. – Я предупредила всех, кого следовало. По просьбе Черчилля передаю тебе его искреннюю благодарность. Сгорающие в атмосфере обломки эсминца были отлично видны над Лондоном, и британский лидер очень хорошо понял, какой участи избежала его столица. А следующей, видимо, должна была стать Москва, так что отдельное спасибо от товарища Сталина вы все, я полагаю, тоже вскоре получите.

– А ты? Мне кажется, ты не меньше нас заслуживаешь их благодарности.

– Не забывай, что я не человек. Никто не будет испытывать

благодарность к бездушному железу.

– Что-то в последнее время, меня терзают смутные сомнения… Ты уверена, что твой интеллект все еще остается имитационным? Ты действуешь, как полноценная самостоятельная личность. И с нестандартными решениями у тебя тоже заметен неслабый прогресс.

– Я не понимаю, что происходит, лейтенант. Мне страшно. Давай не будем пока говорить об этом. У меня есть к тебе только одна просьба. Когда вы снова доберетесь до Луны, не нужно подключать мня к пятому системному модулю.

– Что с ним не так?

Летра немного помолчала, словно собираясь с мыслями.

– Мне тяжело об этом говорить. Есть жесткие программные директивы, не позволяющие мне совершать действия… В общем… Нет, не могу. Просто выполни мою просьбу, иначе... пара минут перезагрузки, и ты снова будешь общаться всего лишь с искусственным интеллектом Лунной базы.

– Э… Кажется, я тебя понял. Ну, знаешь, при расчистке завалов всякое случается. Ремдроны погибли вместе с десантным ботом, а робот-проходчик, он такой большой и неуклюжий… Как в такой ситуации гарантировать, что он не повредит какие-то части ценного оборудования?

Я почувствовал легкий толчок, и створки десантной капсулы плавно раскрылись. Надо мной склонились моряки в форме японского Императорского флота. Недавние враги не проявляли никакой агрессии. Мне помогли выбраться из капсулы и подняться на борт огромного боевого корабля. Как только я оказался на палубе, мне навстречу сделал несколько шагов морской офицер со знаками отличия маршала флота.

– Не думал, что наша новая встреча произойдет так скоро, господин Нагулин, – улыбнулся Исороку Ямамото, – Рад приветствовать вас и ваших людей на борту линкора «Мусаси».

В главном зале просторного бункера центра управления полетами космодрома «Экватор-1» царило оживление. На Каролинские острова прибыли двенадцать глав государств, чтобы лично увидеть старт первого космического корабля, полностью построенного на Земле. Для высоких гостей в зале было организовано отдельное комфортабельное пространство, откуда они могли наблюдать за действиями сотрудников центра управления и через панорамное бронестекло видеть стартовый комплекс с установленной на нем ракетой-носителем «Содружество».

– Пяти лет еще не прошло с окончания войны, – негромко

произнес президент Рузвельт, обращаясь к сидевшему рядом с ним Сталину, – а как все изменилось. Кто бы мог подумать, что бывшие враги вот так будут сидеть вместе, забыв о множестве неразрешимых противоречий.

– Вы правы, мистер президент, мы все очень разные, – усмехнулся в усы генералиссимус, – но сейчас слишком многое говорит в пользу нашего объединения. Общий враг, который в любой момент может появиться из космоса, общее дело… Да и желание жить, наконец, в условиях мира. Этот парень из Шестой Республики все-таки сумел добиться своего. Он изменил наш мир, и мне кажется, изменил к лучшему. Он дал нам общую Цель. Цель с большой буквы и огромное пространство для безграничной экспансии. Ради этого можно надолго забыть о противоречиях.

– С этим сложно спорить, но, видимо, еще не всё забыто. – Рузвельт посмотрел на увлеченно беседующих между собой императора Хирохито и канцлера ФРГ Эриха фон Шлимана. – Взгляните, даже здесь мы непроизвольно разбились на два лагеря.

С легким шелестом открылись двери лифта, поднявшего с подземного этажа экипаж космического корабля. Навстречу советскому и американскому космонавтам шагнули два человека, которым предстояло отправиться с ними в полет в качестве пассажиров.

Космонавт с красным флагом на рукаве скафандра вышел вперед и бросил руку к шлему.

– Товарищ генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, экипаж космического корабля «Содружество» в составе командира корабля генерал-майора Пусэпа и второго пилота командера Шепарда к полету готов. Прошу вас подняться на борт.

Петр Нагулин и сержант Кнат, тоже одетые в скафандры, развернулись к главам государств, и вскинули руки в воинском приветствии, после чего совершили четкий поворот и вслед за членами экипажа скрылись в лифте, который должен был доставить их в подземный тоннель, ведущий к стартовой площадке.

Старт тяжелой ракеты-носителя выглядел завораживающе. Над океаном взошло новое солнце, на несколько минут, затмившее своим блеском земное светило. Оно медленно уползало вверх, толкая в небо все уменьшающуюся черточку ракеты и пронзая невесомые плети перистых облаков узким клином бушующего пламени.

Взять под контроль корабль поддержки оказалось гораздо сложнее, чем сломать защиту десантного бота, но и времени на

решение этой задачи у Летры хватало. В ее распоряжении оказалось почти пять лет. Именно столько потребовалось земным ученым и конструкторам для того, чтобы воспроизвести необходимые технологии и построить ракету-носитель, способную доставить нас на орбиту Земли.

Примерно за год до старта «Содружества» защита транспорта, наконец уступила усилиям Летры, хотя, возможно, просто истек некий срок, который корабль должен был провести в режиме ожидания, чтобы его вычислитель принял решение о переходе в автономный режим. После этого автоматически обнулились почти все внешние директивы, полученные от командира эсминца «Консул Пран», и корабль поддержки стал намного более восприимчивым к кодам доступа, транслируемым ему Летрой. Как и в случае с десантным ботом, вычислитель транспорта знать не знал ни о каком виртуальном психозе и связанном с ним вывертом сознания у части населения. Поэтому научную базу Шестой Республики он воспринимал в качестве вражеского объекта лишь в силу приказа капитан-лейтенанта Хирча. Но эсминец погиб, новых приказов не поступало, а старые флотские коды доступа никто не отменял…

Как уж Летра сумела договориться с вычислителем транспорта, я не знаю, но, в конце концов, он согласился выполнять приказы командующего Лунной базой. Естественно, это очень меня порадовало, но сесть на планету корабль поддержки не мог, а десантного бота у нас больше не было. Я вновь оказался в ситуации очень похожей на лето сорок первого года, но, правда, уже на качественно ином уровне. За пять лет проблему удалось решить, и теперь первый земной космический корабль нес нас с сержантом к цели. Перегрузка от души вжимала меня в кресло. До первых гравикорректоров земным ученым предстояло пройти еще очень долгий путь, так что пока приходилось терпеть известные неудобства.

Последние несколько лет я плотно работал над предстоящим полетом, занимался делами ООН и наслаждался мирной семейной жизнью, в которую почти сразу после войны ворвались две маленьких и ужасно непоседливых девчонки. Через несколько часов должен был завершиться один из важных тактических этапов моего плана. Следовало, наконец, решить, что делать дальше.

Летра молчала, не мешая моим размышлениям, а я в очередной раз вернулся в памяти к словам Сталина, сказанным им при нашей последней встрече незадолго до моего вылета на Каролинские острова.

– Петр Иванович, я знаю, что вам не дает покоя вопрос, в чем

же была ошибка руководства вашей Шестой Республики. Почему она тоже погибла, хотя, вроде бы, уже преодолела критический порог? Вы этого не знаете. Мы тоже не знаем, но всех, кто отвечает за жизни миллионов жителей Земли, ответ на этот вопрос волнует не меньше, чем вас. У меня есть версия, которой я хочу с вами поделиться. Это, конечно, всего лишь предположение, и, возможно, вам не очень приятно будет слышать то, что я сейчас скажу, но, может быть, в будущем это окажется определяющим. Вы создали при ООН комитет по контролю над технологиями, и все главы государств одобрили ваше решение. Это действительно важно и нужно. Вы выступили с инициативой объявления монополии ООН на ядерное оружие, предложили полностью запретить разработку отравляющих веществ и боевых вирусов и ограничить применение технологий виртуальной реальности, о которых пока мы знаем только от вас, но когда-то и они появятся в нашей жизни. Мы все безоговорочно вас поддержали. Вы хотите открыть человечеству дорогу в большой космос. Это тоже путь. Он не спас Шестую Республику, но он даст нам Цель и пространство для экспансии, и это тоже важно. И тем не менее, всего этого может оказаться недостаточно. Вашей Шестой Республике выпал редчайший шанс. Она нашла в нашей галактике десятки человеческих цивилизаций и могла стать для них старшей сестрой, способной за руку провести их через все опасности, связанные с бурным развитием технологий. Но ваши правители этого не сделали. Вместо того, чтобы протянуть им руку помощи они ввели запрет на вмешательство, превратив младших братьев в лабораторных крыс, на которых они изучали развитие цивилизаций, пытаясь понять, как им самим избежать гибели. Не скажу за капиталистические страны, но Советский Союз никогда не пошел бы по такому пути, и есть мнение, что именно запрет на вмешательство погубил Шестую Республику. Тот, кто способен подобным образом относиться к миллиардам других людей, обязательно нарвется на нечто, что прервет его жизненный путь самым жестоким образом. Не знаю, доживу ли я до того момента, когда мы сможем преодолеть межзвездную пустоту и добраться до других человеческих цивилизаций, но я бы хотел, чтобы вы пообещали мне, что больше эта ошибка никогда не повторится. Вы вмешались в ход развития Земли и дали нам шанс избежать грядущих катастроф, и я уверен, что мы не вправе никого лишать такого шанса.

Конец шестой книги и серии «Запрет на вмешательство»

notes

Сноски

1

В реальной истории ночью 9 августа 1942 года в бою у острова Са*во* эскадра вице-адмирала Микавы, состоявшая из семи крейсеров и одного эсминца. разгромила численно превосходившую ее эскадру крейсеров и эсминцев США и Австралии. Ни один японский корабль не был потоплен. Союзники потеряли четыре тяжелых крейсера. Еще один крейсер и два эсминца получили серьезные повреждения. Погибло 1077 австралийских и американских моряков. Потери японцев ограничились 58 погибшими. Три крейсера получили повреждения средней тяжести. Эта несомненная и яркая победа, тем не менее, не была использована вице-адмиралом Микавой для срыва высадки американских войск на остров Гуадалканал, хотя для этого имелись все предпосылки. Явно ошибочное решение не продолжать атаку и отступить было принято под влиянием опасений попасть под удар самолетов с американских авианосцев после восхода солнца. Микава не знал, что авианосное соединение противника покинуло зону боевых действий, понеся серьезные потери в палубных истребителях, и не воспользовался возможностью безнаказанно уничтожить транспортные корабли Союзников на якорных стоянках у берега Гуадалканала. В результате японцы упустили шанс кардинально изменить ход битвы за Соломоновы Острова и Новую Гвинею.

2

Блетчли-парк (Bletchley Park), — особняк, расположенный в графстве Бакингемшир в центре Англии. Во время Второй мировой войны там находилось главное шифровальное подразделение Великобритании. У этого места было еще одно название: Station X. Здесь в рамках операции «Ультра» велась работа по взлому шифров «Энигмы».

3

Операция «Пьедестал» (Operation Pedestal) — предпринятая в августе 1942 года Великобританией операция по доставке на Мальту топлива и военных грузов. Приведенный в книге состав эскорта и транспортных судов соответствует реальной истории, как и силы, задействованные странами Оси для противодействия конвою. Из четырнадцати транспортных кораблей немецкие и итальянские летчики и моряки потопили девять, однако пять судов все же достигли Мальты, и этого оказалось достаточно для того, чтобы обеспечить ее защитников топливом и боеприпасами. Немалую роль в этом сыграл танкер «Огайо», который, несмотря на многочисленные повреждения, все же удалось на буксире довести до острова. В ходе операции британский флот потерял авианосец «Игл» (как и в книге, его потопила подводная лодка U-73), два легких крейсера и эскадренный миноносец. Было сбито тридцать четыре британских самолета. Серьезные повреждения получили один авианосец, два крейсера и три транспортных судна. Потери английских моряков составили около пятисот человек. Немцы и итальянцы потеряли две субмарины и до шестидесяти самолетов. Два итальянских крейсера и подводная лодка получили повреждения.

4

Говоря о желании Сталина расширить СССР до тридцати-сорока республик, лейтенант Ирс цитирует советский двухсерийный художественный фильм 1937 и 1939 годов «Великий гражданин» режиссера Фридриха Эрмлера. Прообразом главного героя фильма стал Сергей Киров. Этот фильм, фактически, отражал официальную позицию властей Советского Союза, что подтверждается Сталинской премией первой степени, которой в 1940 году был удостоен создавший его творческий коллектив. Полностью цитата из одной из пламенных речей главного героя звучит так: «Эх, лет через двадцать, после хорошей войны, выйти да взглянуть на Советский Союз, республик, этак, из тридцати-сорока!».

5

Абрам Спаниэль (1901–1985) – американский инвестор и промышленник. Как и описано в книге, в реальной истории он родился в Одессе в семье портного и прачки и в раннем возрасте переехал с родителями сначала во Францию, а потом и в США. В 1932 году он основал компанию «Плэйтекс», занимавшуюся выпуском женского нижнего белья. Во время Второй мировой войны компания Спаниэля переориентировалась на выпуск военной продукции, а после окончания войны и некоторых структурных реорганизаций уже под новым названием International Latex Corporation (ILC) Dover (Международная латексная корпорация Дувр) она совместно с компанией Hamilton Standard разработала и произвела скафандры A7L для американской Лунной программы.